

Продано более 500 000 экземпляров!

МАРГАРЕТ МАДЗАНТИНИ

НИКТО НЕ ВЫЖИВЕТ В ОДИНОЧКУ

Роман

Делия и Газтано напоминают двух боксеров, сошедшихся в схватке, — быть может, это любовь, но они не осознают этого.

La Repubblica

Annotation

Летний римский вечер. На террасе ресторана мужчина и женщина. Их связывает многое: любовь, всепоглощающее ощущение счастья, дом, маленькие сыновья, которым нужны они оба. Их многое разделяет: раздражение, длинный список взаимных упреков, глухая ненависть. Они развелись несколько недель назад. Угли семейного костра еще дымятся.

Маргарет Мадзантини в своей новой книге «Никто не выживет в одиночку», мгновенно ставшей бестселлером, блестяще воссоздает сценарий извечной трагедии любви и нелюбви. Перед нами обычная история обычных мужчины и женщины. Но в чем они ошиблись? В чем причина болезни? И возможно ли возрождение?..

«И опять все сначала. Именно так складываются отношения в семье, говорит Маргарет Мадзантини о своем следующем романе, где все неподдельно: откровенность, желчь, грубость. Потому что ей хотелось бы задеть читателей за живое».

Grazia

Семейный кризис, описанный с фотографической точностью.

La Stampa

«Точный, гиперреалистический портрет семейной пары».

Il Messaggero

-
- [Маргарет Мадзантини](#)
-

Маргарет Мадзантини

Никто не выживет в одиночку

*Посвящается Серджио, назло всем
кристально чистым*

*One love
One blood
One life*

U2

— Вино будешь?

Она слегка двигает челюстью — неопределенное движение, недовольное. Отсутствующее. Словно она пребывает где-то далеко, где ей хорошо и где, разумеется, ему места нет.

Они притиснуты к этому столику с бумажными подстилками, похожими на упаковочную бумагу для мяса, посреди механического шума и человеческого гвалта. Сумка до сих пор висит у Делии на плече.

Она смотрит на пожилую пару, сидящую через несколько столиков от них. Ей хотелось бы поменяться с ними местами, оказаться в уголке, в стороне. Прислониться спиной к стене.

Гаэтано наливает ей вина. Размашистым, вызывающим легкую улыбку жестом. Подражая сомелье из телевизионной программы, которую включает по ночам, когда ему не спится. Она наблюдает за тем, как льется вино. Чудесный, но этим вечером совершенно бессмысленный звук. Отвращение не приправляют хорошим вином — это выброшенные деньги и лишние телодвижения.

Вероятно, не стоило идти с ней в ресторан; ее не интересуют ни обстановка, ни ожидание следующего блюда. Да и вообще самое лучшее у них в жизни случилось без всякой подготовки: шаурма и кулечек каштанов с очищенными прямо на землю скорлупками.

Они стали ходить по ресторанам, когда появились кое-какие деньги, но их семейный покой уже начал поскрипывать, словно кресло-качалка, переставшее справляться со своей работой.

Официантка кладет на стол меню.

— Что возьмем? Ты что хочешь?

Делия ткнула пальцем в овощное блюдо, в слоеный пирог, еще в какую-то дрянь. Он же пришел сюда именно поесть и забыть о своих горестях.

Делия поднимает пузатый, наполненный наполовину бокал. Подносит его ко рту, прикасается к нему одними губами, потом прислоняет к щеке. Бокал кажется больше ее лица.

Она здорово похудела из-за свалившихся на нее несчастий. На секунду Гаэ пугается, не принялась ли она за старое.

Они познакомились буквально сразу после того, как она избавилась от анорексии. Впервые поцеловавшись враскоряку, он почувствовал языком ее зубы, изъеденные рвотой, похожие на молочные зубы ребенка. С одной стороны, ему стало как-то не по себе, но с другой — он увидел в этом знак некоего сродства. Да и замечательно было обменяться болью, сделать ее общей. У него за спиной тоже болтался увесистый мешок с дерьмом, и ему не терпелось опустошить его — так почему бы не у ног такой девушки, как она.

Прежде, до Делии, его отношения с барышнями были довольно несерьезны. Он прятался за мягкость и в то же время выказывал определенную жесткость, этакий ягуар из Субура, грязного плебейского квартала Древнего Рима. Он играл на ударных и считался крутым. Благодаря глубоко посаженным глазам и немного нависавшему над переносицей лбу, как у доисторического человека, он мог позволить себе казаться таинственным. На самом же деле он был очень чувственным и безнадежно искал любви. Так что его при необходимости можно было принять за так называемый идеал. Да и сам себе он казался лучше и чище большинства знакомых ему людей. А смехотворные идеалы мира кетамина и жесткого секса позволяли Гаэ ощущать себя если не Франкенштейном, то неудачником, составленным из кусков мертвых тел, мало подходящих друг другу.

Делия притянула его к себе. Открыла ему объятия и возможность существования глубоких человеческих отношений. И он сходил с ума от сострадания и любви к ее розоватым зубам. Официантка поставила на стол корзинку с хлебом.

— Хочется уехать куда-нибудь.

Никто не может отнять у нее права отправиться в путешествие. Судя по всему, она действительно устала. Они оба устали.

— Я бы с удовольствием поехала в Калькутту.

Она давно мечтает поехать в Калькутту. Город Рабиндраната Тагора, ее любимого писателя. «Боль преходяща, тогда как забвение вечно...» Сколько раз она доставала его этим Рабиндранатом!

— Боюсь, ты выбрала не самое подходящее время года...

— Ну тогда залягу в гостиничном номере с дизентерией...

Они едва заметно улыбаются.

— Да уж, блестящей идеей это не назовешь...

— Мне надо побыть одной, без детей. Хотя уехать так далеко я действительно не могу...

Боятся оставить их.

И часто оставляет, пока они ползают на полу, как кролики, играя обычными вещами — штопором, гудящим перевернутым телефоном. Она смотрит на них с любовью, но как-то безжизненно. Отрешенно. Планета, в которой они отражаются, где любовь не требует и не приносит страданий. И дети — прекрасные сущности, без естественных земных нужд. Не хотят есть, не просят на горшок. Школа недавно закончилась. Начались каникулы, бездна свободного времени, целых три месяца.

— Ты бы поехала туда, где можно развлечься.

— Какой резон ехать в сторону, противоположную своему душевному состоянию?

Гаэ делает глоток вина. Он знает ее, ей надо встряхнуться. Пустота благополучия надоедает ей, гасит ее.

Он прожил с ней почти десять лет. И она потратила их, критикуя других за то, что те сначала транжирят деньги, потом снова бегут их зарабатывать и выбиваются из сил лишь затем, чтобы испытать пустяковые чувства, невнятную грусть, беспричинную подавленность.

— Знаешь, в чем проблема? В том, что ни у кого уже не хватает смелости заняться самыми простыми вещами, сосредоточиться на собственной жизни. То, что люди всегда делали, борясь и рискуя, нам кажется мартышкиным трудом.

Гаэтано кивает. Он отыскал в меню шницель «летний»: жирный, плотный, с кусочками помидоров сверху, которые и оправдывают название блюда. Он ищет глазами официантку, ее задницу в драных джинсах.

— Мы не считаем нужным копаться в себе.

Обличив человечество, Делия чувствует себя лучше. Умнее среднего человека.

Она снова подносит бокал к губам.

— Мы в депрессии. В совершенно идиотской депрессии.

Гаэ опускает голову, отламывает кусочек хлеба. Естественно, это она хочет воспарить над ним. Она пришла именно за этим: сломить его. Чтобы он почувствовал себя негодяем. Одним из тех, кто не может сосредоточиться на своей жизни.

— Малоутешительно...

— Не я пригласила тебя в ресторан.

Он знает, что это не лучшее начало вечера. Он же сценарист. Честно говоря, надо бы разорвать лист и начать все заново.

Делия вымыла волосы, накрасилась. Чтобы показать ему, что у нее все в порядке. Чтобы воздвигнуть стену собственного достоинства. На ней платье, которое он или не видел, или не помнит.

— Новое?

— Нет, было.

Ему приятно видеть ее в платье с вырезом «лодочкой». Ему приятно, что она не прячется от него. Он представляет, как она одевается, как обувает босоножки на каблуках.

Он тоже надел новую рубашку, белую. Растрепал волосы перед зеркалом своей съемной квартиры. Подтянулся на турнике, раз пятьдесят, наверное.

И рад, что пришел сюда. Подальше от домашней утвари, от запаха детского питания. За столик на тротуаре ничейной земли.

Гаэ предложил пойти именно в этот ресторанчик, здесь довольно веселая, неформальная обстановка и простая местная еда хорошего качества с небольшим выбором вин. Столики чуть шатаются на неровной поверхности асфальта.

Он надеялся, что эта неустойчивость как раз и поможет им расслабиться, почувствовать себя свободней. Как бы говоря: «Мы попали сюда случайно, поедим, даже нет, перехватим чего-нибудь по-быстрому, и при желании можем встать и прогуляться в темноте». Хотел, чтобы ей было комфортно, вот и все. Хотя бы один вечер. Чтобы им опять было не так тяжело вместе.

Он спрашивает себя, когда им стало тяжело? Когда их взбалмошные флюиды соединились в твердый сплав?

Кажется, они смотрят на одно и то же. Листы бумаги цвета мешковины под большими плоскими тарелками. Делия поглаживает свою салфетку в том месте, где лежат вилки, отрывает краешек ногтем.

Он предпочел бы не видеть этого мелкого свинства. Все было так

прилично и мило. Достаточно такого ничтожного жеста, почти невидимого, чтобы взбесить его. Последуй он своему инстинкту, можно было бы послать все куда подальше. Ему хотелось схватить ее за запястье и вывернуть ей руку.

Делия сворачивает в трубочку кусочек бумаги, подносит его к свече, роняет и тот падает в расплавленный воск, как мертвая мошка.

Подходит официантка, спрашивает, что они выбрали. Симпатичная девушка — здесь все симпатичные и очень молодые.

— Для меня шницель «летний».

Официантка быстро царапает в своем блокноте, шмыгает носом, торопится:

— А ты?

Делия отклоняется корпусом. Ей не нравится это «ты». Она еще ничего не выбрала, не хочет есть. Смотрит на официантку, голый живот которой касается их столика.

Гаэ неприятна возникшая ситуация, ему хотелось бы попросить девушку отступить на шаг. Когда та наклонилась над столиком пожилой пары, чтобы взять у них заказ, вытянувшись как кошка и демонстрируя свой крепкий зад, он не мог не подметить, что она находится в самом подходящем положении. Интересно, какая она? Подобные мысли посещают мужчин, и девушка, разумеется, не может не догадываться об этом.

Он постучал пальцем по губам, не глядя на Делию. Почувствовал, что его поймали на месте преступления, пусть и совсем невинного. Его снова стали одолевать мысли о сексе, вот уже несколько месяцев, с праздника дня рождения сына. Раньше, когда ему действительно было плохо, пройди мимо него голая Меган Фокс, он отказал бы ей: «Прости, сладенькая, столько дел — просто умираю, и у меня нет ни малейшего желания трахаться перед смертью».

Делия меняет свой выбор. Заказывает рисовый суп с овощами, интересуется, какие там овощи, спрашивает, нет ли там имбиря, который теперь кладут во всё «благодаря вожделенному Востоку, который как будто облегчает тяжкий Запад». Она обнаружила, что имбирь поставляется только из Китая, и у нее аллергия на этот корень, который впитывает вредные элементы культур, буквально напичканных химикатами.

Гаэ съедает целые горы имбиря, заказывая его в японских ресторанах. И в этом проявляется его бунт против Делии и против японского божества

счастья Дарумы. Хотя не исключено, что он просто любит имбирь.

В один прекрасный день он обязательно вернется к прежней жизни десятилетней давности, когда не задумывался, что кладет себе в рот.

Но сейчас он думает, что, по-видимому, нельзя ничем пользоваться просто так, всегда надо быть начеку, в боевой стойке.

Будет всегда тяжело. Все уже изменилось. В корне. В конце концов, разве не этого он хотел, заводя роман с Делией? Разве он не хотел стать человеком сознательным и заботливым? Как в кино, где герои умеют принимать решения и берут ответственность за свою жизнь, за жизнь своей женщины. Да и она, казалось, проявляла поистине сказочную готовность. Девушка, согласная на все, чтобы создать семью, чтобы помочь ему стать настоящим мужчиной, — да такое ему и во сне не могло присниться!

В мире, в котором действительно мало справедливости, Делия показалась ему маяком. Ему всегда нравились девушки в мятых юбках и кедах, со странными прическами, которые не расстаются с книжкой. Делия была как раз такой. Пронизанная современной болью девушка в свободном свитере, со спокойным в общем-то сердцем. Сердце какое-то удаленное, малоподвижное, однако вместе с тем периодически колеблющееся под влиянием морских течений, словно якорь.

— А может, мне поехать в Шотландию?

Из Калькутты в Шотландию — ничего себе скачок! Гаэ быстро допивает бокал и кивает ей. Тарацит глаза с типичным выражением идиота, появляющимся у него, когда он делает вид, что слушает, а на самом деле, конечно же, пропускает все мимо ушей.

Делия сделалась серьезной, погрузилась в размышления. Лоб наморщен, как у капитана крейсера «Новая Зеландия».

— Мы никогда не были в Новой Зеландии и теперь вряд ли туда съездим.

Гаэ отвечает одной из своих улыбок нежности и презрения.

Не признается ей, что тоже вспомнил о Новой Зеландии. О долгом путешествии, в которое они собирались отправиться вместе с детьми. Километры нетронутой земли и тучи овец.

Что поражает, а заодно и злит его больше всего на свете, так это когда они внезапно задумываются об одном и том же. О том, что не относится ни к действительности, ни к текущему разговору, о том, что возникает ниоткуда и синхронно проникает им в головы.

Одно время, когда у них так случалось, они в шутку сцеплялись мизинцами, одновременно произносили «флик» или «флок» и, если совпадало, загадывали желание. Обычно такое глупое, что никогда не

отслеживали, сбылось ли оно. Последний раз, скрещивая мизинцы с Делией, Гаэ загадал, чтобы у них получилось остаться вместе.

Теперь ему уже не запудрит мозги никакая фиговая игра, в которую они больше и не станут играть и которая, помимо всего прочего, так и не принесла им удачи.

Дети тоже не принесли удачи. Правда, за эту мысль ему по-настоящему стыдно.

Но если бы не дети, разве он сидел бы сейчас здесь, перед этой фифой? Да кто она такая? Сколько раз он думал, почему определенный человек заходит именно в эту комнату, а не в другую? Только затем, чтобы жизнь его стала совершенно несносной?

Сколько раз он задавался вопросами: «Что в тебе особенного? Кто ты такая? И чего ради я должен терпеть тебя? Твои самые интимные запахи и все остальное. И твое разочарованное лицо напротив меня?»

Он смотрит перед собой, в пустоту. Несут шницель, но не ему. Старику за столиком у стены. Гаэ видит, как поднимается старческая загорелая рука в знак благодарности. Должно быть, закоренелый бонвиван, один из постоянных клиентов, за которым закреплено место с фамилией, записанной прямо на столике. Старик останавливает официантку за руку, смешит ее. Делает вид, будто играет на скрипке.

Где-то поблизости есть музыкальная школа. Гаэ вспоминает, что слышал однажды звуки музыкальных инструментов, доносящиеся со двора. Он подумал, а не заглянуть ли туда, поинтересоваться. Он не прочь был бы снова начать играть. Он никогда не учился, играл, как подсказывала ему интуиция.

Хотя полагаться на интуицию — большая ошибка. Она сопровождает тебя до определенного момента, а потом бросает. Когда повзрослеешь, у тебя уже ничего нет, интуиция умирает раньше. Превращается в подозрительность. И ты становишься банальным грубияном, находящимся во власти собственных пороков.

Они не раз занимались любовью на расстоянии. Не признаваясь себе в этом, обливались потом, сгибаясь где-нибудь в парке или в автобусе. Воображение так сильно работало, что руки буквально раздвигали ребра. Словно один из двоих искал сердце другого из противоположной части города, продираясь сквозь стену машин и бетона.

«Сегодня я мысленно занимался с тобой любовью».

«Я тоже».

«Где? Во сколько?»

Они впадали в экзальтацию (тогда они и правда находились в экзальтированном состоянии), пребывали на грани реальности, что только мистики умели, люди, обучавшиеся этому годами. Им же это было легче легкого, ибо жизненно необходимо. Но Гаэ больше не верит, не помнит. Может быть, ему все приснилось.

Если бы перед ним не сидела Делия. Как живое напоминание того, что так оно и было на самом деле.

Впрочем, нет, то была лишь похоть в поисках розового платья для праздника любви.

Поллюция вне расписания, чтобы размочить сухомятку сна.

Делия размышляет.

Каждый раз, когда она видит Гаэ перед собой, его плечи, треугольник тела в расстегнутых верхних пуговицах рубашки, Делия спрашивает себя, почему она не остановилась тогда, почему не отступила перед тем порогом.

Надо было, окончив университет, уехать с подругой Миколь, как они и планировали. Лондон, шагнувший далеко вперед в области макробиотики и биоэнергетических культур, казался таким заманчивым. Могла бы попытаться устроиться там. Ночью — официантка, днем — искательница приключений.

Миколь до сих пор изредка звонит ей. Она осталась там, у нее квартира в Южном Кенгсингтоне. Работает в театре художником-постановщиком. Лейбористы бесят ее, как истинную британку-авангардистку. У нее сын и муж-друг, который изменяет ей, а она — ему. Тем не менее они очень привязаны друг к другу. Делия не понимает, как можно быть привязанными друг к другу и одновременно двигать тазом в чужой постели.

А может, и понимает. Сейчас ей понятно многое из того, чего она не хотела бы понимать никогда. Она познала все оттенки серого.

Черный — цвет, который она увидела, но которого избежала. Однако все равно он рядом.

Относительно белого — теперь этот цвет принадлежит исключительно детям. Налету на языке во время болезней, бумаге, на которой они рисуют.

Она тоже могла бы уехать, подальше от этого квартала, от этого парка, где в юности забивала косяки и куда сейчас приводит детей и подбирает бумажки, которые бросают другие.

Ее жизнь могла бы сложиться по-другому, быть более независимой.

Более одинокой и свободной, когда ты спокойно можешь поехать в Калькутту или Абердин. Потеряться и найтись.

Она нашла дорогу к себе, как бы то ни было.

Один раз она сказала Гаэ, что «люди не меняются, они такие, какие есть».

Но она-то к ним не относится.

Она куда лучше всех остальных... Но что, если жизнь и вправду обман?..

Значит, относится.

В тридцать пять лет, измученная, сломленная, она захлопнула за собой дверь.

В тридцать пять все еще стоит у закрытой двери.

Достаточно было внимательно посмотреть на Гаэтано, чтобы понять, что он не годится ей, что они — неподходящая пара. Не дотягивают до высоты того, что намереваются совершить. Два робких человечка с эмоциональными пробоями. Хорошенечко снюхались за несколько часов. Убеждены, что заполнят любую пробойну одной только силой мысли.

Зародыш гибели уже таился в их экзальтации. Два скромника, горящих возмездием, обвиняющие друг друга в болезненной склонности ко лжи — их союзу. Отвратительный пример современного брака.

— В Шотландии хотя бы прохладно.

Да, она плохо переносит жару, и он, разумеется, в курсе. Все еще слишком близко, чтобы на него снизошла милость забыть все, что касается нее.

— Не знаю, может, не поеду, останусь. Посижу дома, почитаю.

Гаэ ничуть не интересно, какую книгу она читает или собирается прочесть.

— Да, возможно, так будет лучше.

Он тоже кое-чем увлекался, пока они жили под одной крышей. Поглощал море всякого барахла: автобиографии рок-певцов и молодых неонацистов в татуировках по самые глаза, учебники для начинающих писателей. Не мог отказать себе в привычке покупать каждый год обновленную Книгу рекордов Гиннеса. Умирал от смеха перед изображением человека с самой растянутой в мире кожей или рекордсмена по пирсингу. Его приводили в восторг всевозможные уродства, разные множества вплоть до многоплодных беременностей с эмбрионами, похожими на муравьев в черных дырах.

«Я бы на твоём месте задумалась, почему тебя привлекает все ненормальное и мерзкое...»

«Мне это интересно».

«Ты удаляешься от реальности».

«Именно то, что и нужно».

Ему претила «нормальность», он не хотел утопать в ней с головой. Он обожал хоррор второго сорта, всякие психоделические фэнтези.

«Задача книги или фильма в том и состоит: дать пинка, чтобы тебя вышибло из дерьма, в котором ты погряз».

Он практически жил среди рекламных роликов художественных телефильмов. Но его личные накопленные материалы, много лет лежавшие в компьютерных файлах, были сплошным кошмаром под действием наркотиков, городская сказка с гномами и феями-шлюхами. По вечерам, когда было особенно хорошо, он прочитывал некоторые страницы Делии, и они оба приходили в неопишуемый восторг.

Делия же предпочитала истории без привычного сюжета, только рассеивающиеся ощущения, человеческие жизни, которые, сталкиваясь, никогда не переплетаются. Совокупления без эякуляции.

Да, именно то самое, что было у них в постели. Он хотел быстренько все проделать, а она, наоборот, лежала на спине и смотрела на него в упор, ожидая неизвестно какой вечности.

Она всегда выискивала книги получше. Каких-нибудь африканских второстепенных непризнанных писателей... Чуя нутром, покупала их в небольшом книжном магазине. А вместо закладки использовала шпильку для волос. Может, дело было в том, что она старательно выбирала их, и поэтому они становились как бы лучшими.

Но сегодня вечером одна лишь мысль о Делии, свернувшейся клубочком в кресле с книжкой, в футболке, без косметики, с сосредоточенным выражением лица, вызывает у него тошноту.

Сегодня он понял. Люди должны расставаться прежде, чем дойдут до предела. До которого они уже дошли. Потому что потом остается только жгучая боль.

Но так не бывает. Обычно идешь до конца, сливаешь все дерьмо, что выплескивается из фановых труб целого здания, целого города, всех семейных пар, расставшихся до вас, одновременно с вами. Потому что дерьмо переговаривается в своих подземных каналах, общается. Все пары, которые расстанутся, пролезают через одну и ту же щель, бегают по одному и тому же кругу в замке кошмара.

Нет, нельзя доходить до того, до чего дошли они.

При первых же симптомах надо бежать, оставлять место стоянки. Иначе будет только хуже.

Но люди не понимают этого. Люди надеются на что-то и продолжают мучиться.

И никто, кроме тех, кто сам это пережил, не знает, как сильно они мучаются.

Когда уходишь, приходишь. Начинаешь швырять вещи, положим, кофейную чашку, куда налил вино, или стопку дисков. Маленький ребенок плачет, а большой тихо-тихо дышит, как кот, который не хочет, чтобы его нашли. Потому что уже кое-чему научился. И даже не смотришь на своих детей, потому как не хочешь, чтобы они действовали тебе на нервы. Потому как тебе никогда не хотелось выносить свои проблемы на всеобщее обозрение. Потому как и на самом деле ты чувствуешь, что ты — никто. И она, именно она довела тебя до этого.

Ты прав. Уверен, что прав.

Она тоже уверена, что права.

Но уже не найти ни правых, ни виноватых.

Даже дети понимают, что правды нет и что они ничего не значат.

Тоже знают, что они — никто.

Каждый — никто. Пройдет время, прежде чем они снова станут кем-то. Пораненные псы — самые злые.

А семьи между тем больше нет. Все ведут себя безрассудно. Неуправляемые дети мочатся в кровать и просят есть в два ночи.

Вот тут-то и наступает кульминационный момент. Когда вас убили, но вы продолжаете жить — жертва и убийца — на нескольких общих квадратных метрах кухни.

Такой момент, когда тебе хотелось бы умереть, но ты знаешь, что все равно никто не умрет, а это намного хуже.

Этот чертов ребенок, весь в соплях, смотрит на тебя. И он вправду совсем маленький. И вправду твой. И ты знаешь, что ты вправду не заслужил этого... Но что тут поделаешь?

Все пошло вкривь и вкось, потом сложно переплелось, как заплетаются ветки деревьев в заколдованном лесу, и тебя придавило к стволу. И трудно дышать.

Гаэтано не отходил от игровой консоли «Wii», мчался на виражах со скоростью 300 километров в час имитатором водителя. Она попыталась привлечь его внимание.

- А смог бы десять минут смотреть на ладошку Космо?
Он засмеялся.
— Что я, никогда не смотрел на нее?
— В течение десяти минут — нет.
— Там одно и то же, так какого ж хрена?
— Если бы ты на самом деле посмотрел на его ладошку...
— Ну и?..
— Тогда бы ты понял, где находишься. Где должен быть.

Сейчас они сидят в ресторанчике с уже выставленными по-летнему столиками. Их окружают другие пары.

Делия смотрит на своего бывшего мужа, на это невинное лицо с выражением вечного недовольства. Лицо человека, так ничего и не добившегося в жизни, каждый раз срываясь на миг раньше, чем надо. Он всегда был трусом, если как следует подумать. Если уберет свою улыбочку. Эта манера хватать ее за горло, как вытаскивают цветок из горшка, чтобы крепко поцеловать. Чтобы сказать ей: «Мне тебя не хватает, ты всегда будешь нужна мне, я не могу без тебя, ты родилась для меня, я родился для тебя».

Это плюшевые мишки имеют тебя. Теперь-то она знает. Сшитые из ненатурального меха. Те, что вызывают ностальгию по детству, когда ты спала в обнимку с игрушками.

Она сама сделала глупость. Ждала чего-то, как нищенка у входа в кинотеатр, где крутят фильм про любовь.

Откидываясь на спинку стула, она пытается взглянуть на Гаэтано с расстояния. Прикрыв глаза, она умеет обезболить тело.

Теперь она каждый день медитирует минут по двадцать. Технику она скачала из Интернета. Для нее это огромная помощь. Отогнать крикливые мысли. Протереть доску.

Сегодня утром она сконцентрировалась на яблоках, которые лежали на кухонном столе. Мысленно проникла в самую глубь мякоти, запаха, внутрь косточек.

Нарезав детям на кусочки одно из них, она всплакнула. Но ей было приятно поплакать.

Она должна научиться быть. Просто быть. Вернуться к жизни. Окончательно снять эту перчатку с руки. Сделать шаг вперед.

Это нелегко для женщины, застывшей в универсаме с бутылкой молока, не зная, куда идти.

Гаэтано улыбается. Ощущает тяжесть взгляда, который его не любит и

осуждает. Бьет ногой по ножке стола. Нетерпелив. Голоден. Не знает, что с ним. Стол качается.

Делия кладет руку на стол, чтобы Гаэ оставил его в покое.

И ей передается его нервозность... короткое замыкание из-за неправильного соединения «плюса» с «минусом».

Ей вспоминается, как она рожала Космо.

В ту ночь их тоже трясло.

— Для чего мы пришли сюда?

— Чтобы обсудить планы на лето...

Принесли шницель. Официантка ставит перед ним тарелку. Гаэтано берет вилку, тычет ею в сторону Делии.

На секунду становится похожим на Космо, когда тот просит подтвердить что-то и ждет ответа, так же уставившись в пустоту.

Гаэтано берется за нож, отрезает здоровенный кусок, засовывает его в рот и жует смачно, как жеребец.

Делия, не задерживая на нем взгляда, вздохнула. Торопится уйти, не хочет есть. Ей ждать нечего.

Когда принесли рисовый суп, она впилась в тарелку глазами, точно в дальнюю планету, недостижимую, в отражение луны в луже.

— Ну как, нравится?

Делия качает головой. Не «да» и не «нет».

Не стоило приглашать ее в ресторан. Надо было зайти домой, немножко потаскать детей на себе, а потом поговорить на кухне, пока Космо и Нико смотрят мультики на диске, который бы он поставил через PlayStation.

Быстро, здраво, по-деловому. Она босиком, в домашних штанах, и он — даже не сняв куртки.

Ему бы и в голову не пришло оставаться — сбежать, и все, и как можно скорее. Достаточно запаха стиральных и посудомоечных машин и домашней еды, чтобы почувствовать неудержимое желание бесследно исчезнуть, уйти в чем есть. Как не раз он делал тогда, сбегая в пижаме и кроссовках для мини-футбола. Заходил в бар: грязный пол и видеоигры.

Но Делия не разрешает ему теперь появляться у них.

«Дети расстраиваются, когда ты уходишь».

Стала прикрываться ими как щитом, представлять им все в таком свете, в каком хочется ей.

— Им нужно привыкнуть, что ты с нами больше не живешь.

— У тебя что-то изменилось?

— Не поняла?

— К тебе кто-то ходит?

Гаэтано наблюдает за ней с глупым неподвижным лицом, как у их соседа, страдающего болезнью Альцгеймера. С лицом человека, потерявшего память.

— Имеешь право.

— Я не такая, как ты.

Он кивает, улыбается. Где-то он даже рад. Поднимает бокал.

— Ты лучше меня, ясное дело.

— Не надо быть гением, чтобы быть лучше тебя.

— Выпьем? Чин-чин.

Он пригласил ее на ужин, чтобы вытащить из четырех стен, где она, бедняжка, заперта. Но черта с два! Она же осталась в их доме, где он повесил все полки и придумал, где соорудить антресоли!

Конечно, он никогда бы не справился с детьми сам. С ним бы они тотчас испортились, опаздывали бы из-за него в школу. У него потерялась бы даже соска Нико. (Она вечно закатывалась под диван, и Делия ползала, доставая пустышку словно реликвию, так как та была из старой коллекции «Бэби Кикко», а любую другую Нико выплевывал.) Пара, гуляющая с двухлетним ребенком и соской для его успокоения, — такая пара, без сомнения, находится в постоянном напряжении. Сколько раз он думал об этом, в выходные, по дороге в «Икеа». «Если вдруг потеряем соску, нам конец. Нико начнет ныть, и мы рехнемся».

— Нико так и сосет соску?

— Думаешь, он бросит... после всего?..

Она даже и не подумала спросить его. Без разговоров: уходи ты. А я остаюсь. Но может, он и один справился бы с детьми. Конечно, первое время был бы полный бардак: еда из коробок, обкаканные трусы по всему дому. Но он навел бы порядок, стал бы устанавливать свои правила. Вспомнил, как все делала и организовывала она. Да, у него получилось бы даже лучше, не так однообразно, как у нее. Его фантазия не знала границ, и ему всегда нравилось играть. Он снял бы со стены баскетбольную корзину, на которую Делия развешивала сушиться рубашки на плечиках, и прибил бы вместо нее боксерскую грушу. Посадил бы Космо себе на плечи и — «Давай, бей! Бей!» Этому ребенку не мешает немножко поработать руками, слишком уж много читает. Он перекрасил бы всю квартиру, переставил мебель, выбросил бы этот хренов выгоревший диван. Не трата времени

даром, под музыку. Как в кино, где целые годы умещаются в нескольких кадрах. Он представлял себя героем фильма: рубашка испачкана в краске, по вечерам — пицца.

Хотя нет, только не пицца.

Он любил заказывать ее, когда они были вместе. И когда ее приносили, такую ароматную, — это и вправду было восхитительно. Дети радовались, как радовался инопланетянин из одноименного фильма Спилберга. Он открывал банку пива и наливал Делии в стакан.

«Держи, милая».

Он научился бы готовить: котлеты и спагетти. Правда, для такого несбыточного чуда ему надо было бы как минимум овдоветь.

Он представлял себя вдовцом, когда не мог найти выхода из сложившейся ситуации. Делия якобы умерла, а он рыдал — наконец-то возник реальный повод для отчаяния.

Мертвую он любил бы ее гораздо больше, он знал это.

А жизнь разделила их, кровь, кипящая до сих пор.

Один на один с детьми. Трое маленьких сирот. Они устроились бы на большой кровати все вместе. У них уже бывало так, в той дурацкой полуподвальной квартирке, которую он снял на бульваре Сомали. Перекантоваться, так сказать. Вонь прелого ковролина, жареной китайской еды и бензина. Гаэ купил два мороженных, дал им. Мороженные текли, потому что холодильник был такой, какой был.

«Забирайтесь сюда, на кровать, к папе».

Так они и просидели, неудобно, без подушек под спинами. У Нико полмороженого упало на покрывало. Он хотел писать, но не просился. Гаэ понес поддержать его над унитазом уже полностью мокрого. Поэтому все оставшееся время сушил феном его трусы. Стоял запах мочи. Казалось, что за ними следит ее призрак. Гаэ зажег сигарету, чтобы он сгорел.

Если бы она умерла, никто ничем не попрекал бы его. Та же свекровь не сказала бы то, что сказала, когда он уходил: «Какой же ты безответственный, ни у тебя, ни у нее никакой ответственности». Кто бы такое говорил!

Делия тоже представляла себя вдовой.

Гаэ будто бы разбился на мотоцикле. Она тоже плакала, расстраивалась из-за всего того, что они вместе разрушили.

В ее фантазиях Гаэ снова оказывался тем замечательным парнем, в которого она когда-то влюбилась. Все трухлявые ветви, опутывавшие их, разом спадали, освобождали их, умирили вместе с ним.

Она представляла себе, как одевает детей на похороны. Маленькие синие пальтишки, подарок бабушки, гольфы, белые ноги, блестящие приглаженные волосы, словно они вышли из прошлого века. Люди молча прощаются и проходят. И только они втроем стоят у могилы, а ветер шевелит красные листья... Она, в черном платье (да, черная тонкая лакрица), бросается на землю. О, как она любила его и скучает по его губам и просит у него прощения за все, за все!

Она занялась бы с Гаэ безумной любовью, до острых воспоминаний о том, как прежде. До содроганий в пустоте. Высшее проявление чувств, на уровне первого обета.

Они не занимались больше любовью. Сама мысль об этом была уже невыносима. Физическая борьба двух жестких тел. Чуть ли не насилие.

Делия как-то сказала ему, во время одной из последних встреч в постели (почему она не смолчала? К чему это всеобъемлющее желание высказать все? Почему она не догадалась, что такая откровенность излишня, она только озлобляет?):

«Как ты можешь не видеть, что ты сам по себе? Что ты трахаешься со стеной? Кто я для тебя, секция батареи для тепла?»

У нее вырвалась тогда эта мерзкая фраза:

«Ты меня изнасиловал».

Гаэ отпрянул от нее, как от ужалившей гадюки, в ужасе, когда яд уже проник внутрь и распространился. Набухшие вены, боль в глазах. Оскорбление. Больше чем оскорбление, выстрел в спину. Тому, кто даже не заслуживает встретиться со смертью в лицо.

Он ушел полуголый, натываясь на все по пути, как тень без тела, которое она должна сопровождать.

Она в ту минуту хотела извиниться. Тысячу раз извиниться. Встать на колени, как когда-то. Когда ей так хотелось быть изнасилованной. И Гаэ, конечно, не был никаким насильником. Поворачивал к ней голову. «Извини, тебе не больно?» Как ребенок.

Да, точь-в-точь как Космо, который дергал ее ночью за волосы.

Сколько тел смешалось теми ночами. Чистые и невинные — детские, и их собственные — настолько озлобленные, что казались грязными.

Она слышала, как Гаэ ушел, хлопнув дверью.

«Ну и ладно, пошел вон! Чтоб ты сдох! Попал под трамвай! Один из двоих должен обратиться с этого света».

Потом, впрочем, она ждала, чтобы он вернулся. Ей достаточно было ухода Гаэ, чтобы опять немножко полюбить его. Она смотрела на спящих

детей, гладила их и ждала его.

«У нас получится. Должно получиться. Ради них».

Но ничего никогда не получится «ради детей».

И дети знают, что они не в счет, приспособливаются. Ставят чашки для завтрака, следят за взглядами, за безмолвием. Целуют одного и другого, в ужасе, что ошибутся моментом и щекой. Тоже ждут. Что любовь вернется.

Стоило ему не туда поставить стакан, она мгновенно заводилась.

Любую небрежность она простила бы всякому, даже не заметив. Но только не ему. Чего она ждала от него?

Всего. Просто всего. В том-то и заключалась главная ошибка. Все свести к любви и требовать от нее всего. Просто потому, что тебе надо все. Научиться всему с самого начала: двигаться, одеваться, заниматься любовью. Всё они дали друг другу, всему научили. Начало новой совместной жизни двух мокрых неуверенных созданий, похожих на только что родившихся жеребят, которые встают на ноги и пытаются на них устоять.

Но они-то не смогли! И с этим тяжело смириться.

Гаэ заходил в прихожую, «привет», и проходил дальше. Брал свои вещи: зарядку от компьютера, спортивный костюм. Шел к холодильнику. Она должна была принимать его таким. Дети вечно под ногами.

«Я страшно устала».

«Что-то случилось?»

«Ничего, ничего не случилось».

Черт, какие ужасные реплики. И такие нормальные.

Но если между нами ничего нет, тогда что мы здесь делаем, под общей крышей? Узкая постель, запах ополаскивателя для белья. Она брала книгу, чтобы успокоиться и отключиться. Ее раздражало, даже если он поворачивался на другой бок.

«Иди посмотри телевизор, если не спится».

Он переносил это нормально. Что ж, более приспособлен к жизни. Конечно, он жалел, чувствовал, что все изменилось. Что пушок подсох и жеребята превратились в двух обессиленных лошадей, которых заставляют наворачивать круги в детском парке.

Но он бы привык. Он не такой пессимист, как она.

«Как ты думаешь? Может, сходить за пиццей?»

Ему достаточно было и пиццы. Горячих коробок, обмякшей ветчины. А она плакала по ночам.

На нее нахлынули воспоминания. Отец и мать, сколько она себя помнит, в разводе. Мать в купальнике. Спрашивает у нее: «Куда ты смотришь?» А она смотрела на волосы, слегка вылезавшие из-под нижней части бикини. Смотрела, постигая нечто неприятное, жизнь, свернувшую не в ту сторону. Видела то, что не должна была видеть. Она представляла. И в ее фантазиях всегда появлялась туча, черное пятно, мертвая летучая мышь, которую они нашли в закрытом доме на море. Не надо было ничего объяснять. Потому что это нельзя объяснить.

Она вспомнила спектакль. «Три сестры». Три престарелые девицы. На авансцене висел большой прозрачный занавес, и это потрясло ее до глубины души. Она сидела ниже сцены. Ей постоянно приходилось тянуть шею, приподнимая подбородок. Она словно вмялась в стену пыльного света. Не слышала ни одного слова актеров, только наблюдала, как они двигаются за вуалью, как тени. Весь спектакль она просидела с полуоткрытым ртом. Вода затекала в нее. Прохладный источник.

Теперь она точно знала, что искала. Жизнь до своего рождения.

Она никогда не хотела появляться на свет. Никогда не хотела видеть волосков на лобке своей матери, вылезающих из-под бикини.

«Куда ты смотришь?»

Женщина просто загорала, и все, — ее святое право. Невероятно, что эта тяжеловатая бронзовая полоса была именно тем животом, где она когда-то жила, где сформировалась.

В один прекрасный день она прекратила есть. Просто нашла себя, стала такой, какой бы хотела быть. Натянутая прозрачная занавеска, за которой скользит только душа. Живая, невероятно живая, потому что повисла в предсмертном состоянии.

И совершенно счастливая. Это она помнит. Невероятно счастливая. Она властвовала над собой с крайней легкостью. Не нуждалась в мирских удовольствиях.

Время от времени мать водила ее в ресторан. «Заказывай, ешь». Фьямма вечно сидела на диете, хватала у дочери с тарелки.

Теперь она была сыта одним яблоком и гуляла целыми часами.

Дни сделались такими воздушными. Как у наркомана при первых вдохах кокаина или принятии амфетамина. Она знала кучу таких современных мучениц, чокнутых голодающих, с медикаментозными галлюцинациями.

Она делала все сама, терпеть не могла никакой формы зависимости.

Подчинялась только себе самой.

А если умеешь управлять чувством голода, кажется, что все в твоей власти.

Просыпаешься утром с провалом в животе. Ощущаешь малейшее движение внутри себя. Радуешься, что голод отмирает, как гадкий хвост, что на стенках желудка, соединившихся, словно замкнутая петля, больше не скапливается слизь. И одновременно переполняешься энергией.

Счастливые это были дни. Ожидание, что кости начнут, как цветы, раскрываться по утрам.

А потом все перешло в болезнь. Совершенно как у наркоманов.

Силы исчезли, галлюцинации сменила пыль. Пыль вместо еды. А ты уже не можешь остановиться. Блюешь чем-то зеленым.

Она вроде бы хотела выздороветь, но ее желание не было искренним. Скорее, некой формой лжи.

Она думала о жизни. Наблюдала за жизнью других. Обычных девушек, в теле. С задницами, обтянутыми джинсами.

Но она уже попала в плен другой стадии жизни, стала узницей кокона. Как умирающая, как мистики-эзотерики в своих одеждах.

Она перестала гулять. Часами лежала в постели. Ее волосы стали похожи на мышиную шерстку. Кожа — как у эксгумированного тела. Пепел, зачем-то собранный воедино.

На пару с Миколь они сняли квартиру — Делия тогда еще училась на биологическом факультете. Насекомые, невидимые глазу жизни. Мать навещала ее со своим бойфрендом. («У тебя дочь не лесбиянка?») Шумная, вздорная, мать ее не понимала. Фьямма тоже вынуждена была пройти свой путь, обращаться к специалистам. Она никогда не говорила о еде. Как будто это было что-то ужасное. Как о волосках, торчащих из-под бикини.

Делия вела дневник питания.

«Не обо всем можно говорить. Слова поднимаются из глубины, но так и затухают, как снулые рыбы. Душа — калитка морского кладбища. Не входи туда загорелой, босой, с бутербродом в руке. Отнесись с уважением к дочери. К существу, которое так долго и так давно страдает. И никто в этом не виноват. Не укоряй себя. Просто так получилось».

Слишком слабая, чтобы жить, и слишком сильная, чтобы умереть, — такой Делия была в то время.

Мучительные сцены в магазинах, когда она что-нибудь покупала себе. Детский размер. Переглядывания продавщиц.

И колени действительно болели. И кал был, как у кролика: маленькие лесные ягоды.

Спустя несколько лет Гаэ лизал ее розовые анорексичные зубы.
«Куда ты смотришь?»
«На тебя, мне все в тебе нравится».
«Хочешь, поставлю коронки?»
«Не смей».

Сегодня вечером еда опять не лезет, застревает у нее в горле. Ей стоит огромного труда проглотить ложку овощного супа. Рис — будто гипсовая крошка. И все-таки она понимает, что должна. Обязана есть.

Не спеша, потихоньку. Питаться.

У нее дети, она не может себе этого позволить. Она боится — и это то, чего она боится больше всего. Потому что это выходит из-под ее контроля. Только кажется, что ты все контролируешь, на самом деле — нет.

А она привыкла все держать под контролем.

С тех пор как у нее появились дети, в ней открылся великий организатор. Она умеет думать о бесконечном множестве вещей одновременно. Когда думает, закусывает щеку изнутри и замирает. Будто внутренней прищепкой прикрепляет бумажки на щеку. Теперь внутри у нее образовалась уже мозоль, куда погружаются все ее беспокойства.

Она перестает есть, зубами прикусывает щеку.

— Я устроился довольно-таки неплохо... Вот, купил пылесос... Все делает сам. Офигительно! Почему мы так и не купили пылесос?

— Ну...

Подбородок Гаэ блестит от жирного шницеля. Делии захотелось протянуть к нему руку с салфеткой. Выработался условный рефлекс на грязные подбородки.

— Эта квартира... дерьмовое место...

— Знаю.

— Космо рассказал?

— Да...

— Нико нравится... обои на стенах, белые букашки... Полным-полно букашек из-за пыли. Поэтому я и купил пылесос.

Водит языком во рту, толкает сначала в правую, потом в левую щеку.

— Надо будет съезжать оттуда.

— Подбородок вытри.

Он думает о самом маленьком, о Нико. Гаэ не хватает его. Носить его за спиной — то же самое, что держать енота, зацепившегося сзади за шею.

Он катал его на велосипеде, и Нико засыпал в детском кресле. Волосы, сейчас ему вспомнились волосы — гладкие, с розоватым оттенком, как у него самого. Делия не разрешает ему брать детей.

«Ты не можешь поступать как тебе, черт подери, вздумается».

Ему назначили его дни, судья назначил.

Они встретились на лестнице Дворца Правосудия, в то паршивое утро. Месяц назад. Последний раз, когда они виделись. Было уже тепло, но Делия надела свою стеганую велюровую куртку, которая всегда висит у входной двери.

Судья, лысый и молодой, напоминал курицу в вакуумной упаковке.

Принял решение в ее пользу.

Делия не хочет, чтобы Гаэ забегал просто так, на полчаса, с какой-нибудь там игрушкой или пакетиком карамелек, из-за которых они отказываются потом от ужина.

«Они нервничают, не слушаются меня».

Легко: пришел, сунул что-нибудь и ушел.

Стоя одной ногой уже за порогом дома, он звонил в домофон.

«Можно зайти?»

Часто подходил Космо.

«Спроси у мамы, можно мне зайти?»

Это ошибка, нельзя детей вмешивать в разборки родителей. Он хотел повидаться с ними. Потому что шаги уводили далеко, но в конце концов всегда возвращали назад. Ходил кругами около дома, прежде чем позвонить. «Может, она пойдет выбрасывать мусор, а я остановлю ее, взяв за руку».

Однажды он снова попытался поцеловать ее. У нее как раз был приоткрыт рот. Но языки были раскалены злостью, два средневековых клинка. Как можно заниматься любовью с железом? Для этого нужен член «Железного человека».

Язык он особенно любил. Маленький, розовый, мягкий и вдруг — с нервами и кровью, в точности как она сама.

Они целовались часами. В парках, прислонившись к стенам, как подростки, когда те начинают испытывать, исследовать другое тело. Склеившиеся в оцепенении теплые черви, которые сорвались и летят вниз. Он проникал в ее рот и падал в него, двигая языком, как ложкой в каше. Улетал, потел, воспалялся. Вырастал вместе со слюной. Не был уже тем несчастным болваном, каким был еще неделю назад. Потому что она

жаждала тебя, как пиявка, как растение, которое ищет солнца. Как всякие глупые создания, ищущие друг друга просто для того, чтобы выжить.

Оторвавшись ненадолго, смотрели друг на друга, довольные. Чем? Таким вот рассматриванием. Потом возвращались к своей работе. Как усталые рабочие. Потому что дело состояло именно в этом. Слепить из слюны фундамент для любви.

Когда они перестали целоваться?

Сначала она стала отстраняться, кривить губы, если ты пытался поцеловать ее днем. Ведь дальше только вечер, остаток дня проходит (не заметишь, как проходит), и у тебя только вечер, чтобы вернуться к себе, побыть наедине с собой.

Она готовит, ты вытаскиваешь салфетки из ящика, смотришь ей в спину и задумываешься, ведь это она, вы создали все это, ты видел, как она рожала. Она подарила тебе маленького человечка, такого же маленького, каким был и ты. И из твоих глаз лились слезы, потому что теперь ты мог начать все сначала с другим тобой, чистым. И у тебя получится гораздо лучше. Потому что ты из другого поколения, более чуткого. В тебе течет хренова кровь твоих родителей. Но ты будешь другим. «Будь уверен, сынок, такое не повторишь». Так думает каждый парень, который становится отцом, хотя в тот момент эти мысли принадлежат только тебе.

Ты отчетливо помнишь тот вечер. Подходишь, чтобы поцеловать ее, хотя на ней домашняя майка и лицо не светится любовью. Не как в кино. Но вы уже не раз говорили друг другу: «Быт съедает нас, но стоит нам остаться наедине, чувство воскреснет». Потому что всегда можно влюбиться снова. Некоторые пары занимаются любовью до самой смерти. И ты убежден, что у вас тоже есть шанс. Подбираешь с полу книжку, одну из героических легенд, которые читает Космо, подскакиваешь к ней.

Но, может, она неловко повернула голову. Она напряжена. Она не любит готовить, но ей приходится заниматься этим каждый вечер. И ты видишь перед собой перекошенное лицо, как после инсульта.

Всего только на шаг вышагнули из молодости — и уже такие чужие? «Черт», — думаешь ты.

Тогда ты понимаешь: нужно получать удовольствие чуть раньше. До того, как тебя поимеют. А в этом мире тебя отымеют — и по полной, не сомневайся.

Потому что однажды и с тобой случится удар.

Гаэ много читал о второй жизни.

О людях, которые как бы заново рождаются после ужасных аварий и впервые замечают бабочку или другую какую-нибудь фигню.

Это было для телевизионного проекта. Понос, разведенный на шесть серий. Хотелось неведомого покоя. У него и в самом деле уже яйца опухли. Он и в самом деле ощущал у себя тяжесть внизу, напоминая бомжа, больного орхитом, которого он иногда встречает в парке. Тот подвязывает треники куском веревки и выставляет напоказ свое хозяйство. Эта патетическая болезнь дает о себе знать, чтобы взглянуть людям в глаза и потом плюнуть в них.

Сейчас он думает об орхите. О гипертрофированных яичках. О бомже. Одним из тех, кто снялся с якоря и теперь демонстрирует разбухший мешок. Боль, недоверие, насмешки.

Гаэ думает, как бы он вел себя, будь у него такие увесистые яйца.

Если бы мог, он собрал бы все мысли, все образы в книгу. Ему хотелось бы написать книжку, рассказать историю парня, который переходит дорогу, идет в парк и становится другим человеком.

Да, ему хотелось бы написать что-нибудь типа «В диких условиях», сокращенный вариант. Только вместо лесов Аляски деревья по дороге Салария. Со столбами и стеной дождя.

«Но к чему такой сильный дождь?»

Это последний вопрос, который он себе задал. Ему надоела грязь и все остальное. Куда, на хрен, подевалось солнце?

Он не верит во вторую жизнь. Хочет наслаждаться этой.

Ему нравятся фильмы об эвтаназии. О тех, кто заявляет: «Нет, я отказываюсь жить прикованным к постели и смотреть, как все вы тут благоденствуете».

Именно то, что он сказал Делии при расставании. Уже понятно было, что в доме находится смертельно больной.

«Дай мне спокойно подохнуть, выключи из розетки, медсестра».

Именно то, чем они занимаются и сегодня, сидя в этом ресторанчике со столиками на улице, с официантками в низко сидящих джинсах, с голыми животами.

Они прикованы здесь, чтобы смотреть, как живут другие.

Они взрастили в себе все эти негативные эмоции.

Но если хорошенько подумать, то как же можно веселиться после всего, что случилось.

«Слушай, а вы ведь можете развестись, но жить вместе».

Так сказал ему Космо в тот вечер, когда Гаэ сдернул со стола скатерть, оставив от ужина одни осколки.

Космо глядел на разгром с видом знающего человека. Как Берлускони на развалинах Аквилы после землетрясения.

Он даже готов был отдать Гаэ свою комнату (Гаэ частенько засыпал там между кроватками на полу, на коврикe с лягушками).

«Что ты несешь, Космо?»

«Мне учительница сказала».

Они пошли на встречу с учительницей.

«Мы обо всем разговариваем, это естественно».

Учительница тоже разведена. Чтобы вытащить себя из депрессии, она переделала себе грудь. Два ее великолепных синтетических шара оттягивали блузку, так что все папаши не сводили с нее глаз. У Гаэ тоже мелькнула такая мысль. «Надо пригласить ее на кофе, чтобы поговорить о Космо». Грязные волосы, мешки под глазами, ему хотелось очаровать ее своим видом страдальца. Ему импонировал чисто киношный поступок учительницы. Уткнуться головой в сиськи, как у порнозвезды, пока та декламирует: «Три грозди есть на лозах винограда...»

«А что, Пасколи все еще изучают?»

«Нет, изучают культуру масаев. Долгий кочевой путь племени масаи».

Они посмеялись бы, как смеются в конце, чтобы не падать духом. Над собой и своей демократической запутанной эрой.

Делия рукой заправляет волосы за ухо.

Гаэ только сейчас заметил, что она убрала свой прямой пробор. Зачесала волосы на одну сторону. Может, потому что и сама она подвинулась в сторону своего одиночества.

— Хочешь еще вина?

Она прикрывает бокал ладонью и слегка мотает головой.

Он пьет один.

Длинная прядь волос падает Делии на глаза. Гаэ она напоминает занавес. Открытый наполовину.

Ему с юности нравилось писать для театра, и в первое время он работал на добровольных началах. Небольшие театральные студии, тряпье, принесенное из дома, увлеченные и ненасытные режиссеры, по вечерам питавшиеся сырыми сосисками. Он сидел в темноте залов, на креслах с мокрыми пятнами и прожженных сигаретами.

Парень из спального района — пока он доезжал до центра на своем мопеде, его лицо успевало превратиться в кладбище мошкары. Те люди казались ему настоящими гениями. В то время он насквозь был пропитан идеологией, терпеть не мог телевидение и Италию, тащившуюся в хвосте

прогресса. Думал, что должно же быть противоядие. Должен же кто-то, кто может повлиять на ситуацию, сказать: «Послушайте, люди, это не работает, надо по-другому». Иначе мы все обеднеем, будет ужасно грустно и молодежи некуда будет податься. Они не захотят больше отплевываться от мошкеры, бросятся все в торговые центры примерять костюмы от GF.

Театральные представлялись ему людьми вменяемыми. У них всегда вертелась куча слов на языках, и ему казалось, они превосходно ими перекидываются, словно камешками.

В то время Гаэ сам не умел толково изъясняться. Жил с погребенными мыслями, которые не мог высказать. Думал, что слова имеют значение, и немалое.

Театральные бутылками глушили вермут и водку.

Однажды вечером один из них, тот, что играл исландского миссионера Торвальда, схватил за шею другого и разбил об его лицо бутылку. Тогда Гаэ подумал, что эта сцена выглядела гораздо лучше спектакля, в котором они участвовали. Он не сказал им об этом, но подумал. Подумал, «этим дорога наверх заказана».

В то время Гаэ и не представлял даже, что подастся на телевидение, будет ходить на работу как на каторгу, писать диалоги, летучие шутки.

У Делии разболелся желудок. Когда же этот ужин, этот фарс закончится. Им нечего сказать друг другу. Они уже все сказали. Она уже все сказала. Горы слов, выброшенные в мусорное ведро.

Она нарисовалась для их встречи. Почти в темноте надела платье, глядя через жалюзи на улицу. На людей, возвращавшихся домой. На девушку из студии маникюра, которая курила, опершись на витрину.

Город переполнен студиями маникюра. Всегда, когда она проходит мимо этой освещенной дыры, в любое время дня видит женщин, которые сидят, доверив свои руки с разведенными пальцами кому-то, кто подобно пророку мог бы указать им дорогу к самим себе.

Делия окидывает глазами свои ладони на столе: голые пальцы, уже без обручального кольца, только маленькая бриллиантовая розочка, подарок отца на восемнадцатилетие, ногти без лака.

В один прекрасный день она тоже зайдет в маникюрную студию, положит руки, будет смотреть на когти, на которые наносят боевую раскраску.

Можно начать с небольших изменений своей внешности, чтобы поменять характер. Ей нужно открыться влияниям мира, зацепиться за какую-нибудь перемену, которых она всегда избегала, чтобы

приспособиться. Она отстала. Классический случай женской неопределенности. Она ненавидит себя за это. Потому что знает: она как все.

Звонит мобильный. Делия роется в сумке, читает на голубоватом экране «МАМА». Слегка морщится.

— Да.

Не дает той договорить.

— Дай мне его. Что случилось, Космо?

Голос ребенка. Тонкий и скрипучий, как плохо скользящий конек.

Гаэтано подвигается ближе, чтобы расслышать голос сына. Прочищает горло, откашливается. Теперь различается громкая, как из пулемета, речь Нико.

— Потом поговорим. Ложитесь спать.

Гаэтано поднимает руку, как в школе. Но Делия заканчивает разговор, не дав ему трубку.

— Хотел поздороваться с ними...

— А... Ну, извини...

Она не сказала им, что пошла на встречу с ним, не хотелось вводить их в заблуждение.

— Не спят еще?

— Это мать их будоражит.

— Как она?

— Ее ничто не проймет!

— Передавай от меня привет.

Гаэтано понимает, что она злится на него, но это временно. Они всегда ладили друг с другом. Легкие отношения, предначертанные судьбой. Обоюдное чувство симпатии для взаимопомощи. Он готовил ей джин-тоник и мохито. Мать Делии питает слабость к крепким алкогольным коктейлям.

— Она хочет подарить им собаку.

Шумно зайдя, бабушка принесла с собой свой запах. Она даже не посмотрела на Делию. Они почти никогда не смотрят друг другу в глаза. Беглый мимолетный материальный взгляд. Перекидываются словами только по делу.

Делия приготовила ужин, сказала, что не нужно подпускать Нико к холодильнику. Мать кивнула. Она всегда соглашается с ней. Ждет, пока Делия уйдет, а тогда поступает так, как сочтет нужным. Привела с собой

еще и друга, мнимого дедушку. В шелковой рубашке винного цвета. Пожилые люди, до сих пор занимающиеся сексом. С нежностью относятся друг к другу, шутят между собой. Детям нравятся.

Детям нравится любой, кто приходит в этот дом.

Стоят в пижамах у двери: Нико — с соской на языке, как с резиновой слезой; Космо, у которого появился тик, в очках, поводит носом, как хомяк.

Вечно ждут, чтобы кто-нибудь пришел.

Делия думала, спускаясь в лифте, что дети похожи на заключенных. Стоят у двери в ожидании любого, кто хотя бы слегка взбаламутит тихую воду, в которой они плавают, как пластмассовые утята в ванне.

Фьямма испробовала все способы, чтобы они не развелись.

Взяла Делию за руку, разговаривала со слезами, которые текли ей в рот. И Делия дала ей немножко помолоть языком (ей было очень странно видеть эту женщину в таких растрепанных чувствах).

Пригласила Гаэтано на обед. Сказала ему что-то типа: «Делия интересная женщина, сложная, умная, с ней нелегко» — и все такое. А между строк читалось: «Прости, я родила на свет эту чокнутую, и ты, к несчастью, попался на ее удочку, но уж постарайся потерпеть».

Сердце матери.

Можно сказать, сейчас Делия любит ее. Дает ей книги почитать. Им пришлось проделать немалый путь, чтобы принять друг друга. И у них более или менее получилось.

Фьямма уступила. Поняла, что не должна надоедать ей, если хочет и дальше видеть детей, играть в бабушку и дедушку со своим другом. Снимает туфли, обувает эти резиновые тапки с дырками, закрепляет волосы заколкой. Она любит играть с детьми. Встает на четвереньки, лает, подражая собачке. И правда, странно наблюдать, как меняются люди.

Она никогда серьезно не относилась ни к чему, но Делия этого от нее больше и не ждет. Она не уверена, что это неправильно. Все люди разные, и да будет так. Теперь она понимает, какое это счастье. Потому что дети ценят манеру бабушки махнуть на все рукой, точно перекинуть край платка через плечо, и заполнять брешь мороженым и светящимися наклейками.

Может быть, так и надо делать, чтобы двигаться вперед. Что-то вроде очистительной системы, измельчающей осадок, не позволяющей проникнуть внутрь ничему твердому.

Чувствуешь себя легче, чище.

Делия смотрит на пожилую пару, мужчина кажется человеком веселым. В прекрасной форме для своего возраста, один из тех бодрячков,

что играют в теннис на клубных кортах.

Вспоминает отца и его взгляд, становившийся стеклянным. Он не выходил из состояния преддепрессии. Добрый улыбчивый взгляд, фатально приближающийся к болезненной стадии. Его отец пережил Освенцим, и он унаследовал его кошмары: ему снился концлагерь, в котором он никогда не был.

Гаэтано трет уголки глаз, чешется.

— Ну и пусть она подарит детям собаку...

— Мне еще только собаки не хватало.

— Тогда я приду побыть дог-няней.

— Когда? В три ночи?

Единственное животное, которое у них было, — хомячок.

Адский шум будил Гаэ по ночам. Первый раз, когда он проснулся от него, его чуть удар не хватил: неужто у нас дьявол поселился? Он пошел в детскую, уверенный, что найдет одного или даже парочку с закатившимися глазами, с неестественными голосами. Разумеется, дети спали. Это все хренов хомяк.

Ночью тот забирался на верхний этаж клетки, цеплялся за маленькое колесико, установленное там, и неистово раскручивал сам себя, поднимая поистине сатанинский шум.

Два года они жили в таких условиях. Совершенно безумный и невероятно живучий хомяк.

Космо часто выпускал его из клетки. Антихрист перегрыз провод от компа Гаэ и упал в унитаз, но выжил.

А потом однажды заболел.

Они сидели в кафетерии напротив Музея современного искусства. В одно из их культурнопознавательных воскресений, обычно это начиналось с намерений нью-йоркского масштаба и заканчивалось тем, что Нико совал руки в какую-нибудь инсталляцию и затем срабатывала сигнализация.

Гаэтано смеялся, он считал современное искусство глупостью, коммерцией чистой воды. Делия же восхищалась телевизионными перформансами.

Сидя в том белом баре, они спорили. Делия хотела наказать Нико, а Гаэ, наоборот, купил ему еще одно шоколадное мороженое. Он ворчал:

«В Дании дети могут пачкаться в краске, сами участвовать в искусстве... а у нас... Сраная страна!»

Нико был его правой вооруженной рукой, маленьким камикадзе его идиотизма и агрессивности.

Делия стала листать каталог. Вроде бы там была фотография какого-то мертвого животного. Космо, как всегда, сидел рядом с ней. Он завел разговор о хомяке, мол, тот перестал крутить по ночам колесо.

«Мама, надо сходить с ним к ветеринару».

Гаэтано обмакнул круассан в капучино и ответил с набитым ртом:

«Хомяков не носят к ветеринару. Хомяков покупают новых».

Тишина. Делия уставилась на него с лицом, напоминающим в эту минуту одну из инсталляций.

«Что ты говоришь?»

«Ветеринар стоит пятьдесят евро, а хомяк — восемь».

Кивнул, ему страшно понравилась собственная шутка. За одну такую Гаэ продал бы собственную задницу. К тому же это была его профессия. Он думал, что она тоже засмеется.

«Ты сама постоянно твердишь, что мы должны экономить... Мама же всегда так говорит, правда, Нико»?

Нико смеялся своим заразительным смехом. Он много раз пытался растянуть хомяка, со всей силы сжимал его, хватал его за хвост, как свои игрушки, когда швырял их (человек настроения, как и отец). Ему еще и трех лет не было — он не знал, что живое способно умереть.

Но Гаэтано-то должен знать, что Космо просто влюблен в хомяка, выносит его на улицу в носке.

Гаэ смотрел на растерянное лицо Космо рядом с матерью.

«Я шучу... какого черта, пошутить больше нельзя?»

Они уже раскололись на два лагеря. Он и Нико с одной стороны и эти два меланхолика — с другой. Может, это был их первый семейный раскол. Они начали спорить ни о чем.

«Подумаешь, какая-то мышь».

«Для него вовсе не какая-то».

«Мышь и мышь. Если умрет, ничего страшного. Страшно, если умрет отец, мать, брат...»

«Я не понимаю, что ты говоришь, что у тебя в голове...»

«Ты делаешь из него психа... все преувеличиваешь... мешаешь ему реально смотреть на вещи...»

«Вырастет, сам узнает, что такое реальная жизнь».

«Лучше сказать мальчику, что не стоит кидаться спасать мышь... Никто не поставит ей капельницу, как дедушке в больнице...»

«Замолчи...»

«Никто не станет спасать этого хренова хомяка».

«Так, по-твоему, учат любить, Гаэтано?»

«Так учат выживать».

«Никто не спасет тебя, Гаэтано... Когда ты успел так поглупеть?»

А они были иными.

Они отличались от других семей. Все эти идеальные люди... Пары с двойной коляской. Колпачок для соски-пустышки. Все выверено до мелочей. Упаси боже, если возникнет что-то, что и нас сделает такими настоящими.

Они не хотели выживать. Они хотели «двигаться вперед», расти вместе. Для этого они и создали семью. В неправильностях они видели единственный способ. Внутреннее ощущение, что трагедию надо пережить со смехом.

Они зачарованно смотрели на других людей, как в театре. Присваивали образы, жизненные ситуации, взаимоотношения. Делия кормила грудью в парках. Иногда жарким вечером они ложились, вытянувшись во всю длину, дома на полу. Рядом, как два трупа в покойнице.

«Чувствуешь, какой прохладный пол?»

«Как дела? Что ты думаешь обо мне? Что ты думаешь о жизни, любовь моя? Получится ли у нас выжить на этой больной планете? А у наших детей?»

Они открывали много дверей.

Вернее, Делия открывала их Гаэтано. Он поражался ее словам. Но часто им было достаточно тишины. Их сердца были распахнуты. Они мучились по любому поводу. Каждое происшествие из полицейской хроники входило в их дом, словно это случилось с их близкими. «Люди такие одинокие». Сколько раз они повторили это. Все эти головы, запрокинутые на грязном пластике автобусных остановок.

Сколько раз они чувствовали себя виноватыми, ставя греться воду для спагетти. Делия заполняла квитанции, перечисляя деньги на расчетные счета, чтобы спасти хоть что-то в мире.

Нет, они никогда не замуруют себя в четырех стенах, как некоторые уже почившие молодые пары. Такие как Пьер и Лавиния, Себастьян и Даниэла.

Иногда они встречались. Небольшие домашние ужины, настольные ролевые игры. Себастьян продал бы собственную жену, эльфийку Гилраэн, лишь бы стать предводителем Орды в стратегической игре «Мир Варкрафта». Домой они возвращались удрученные.

«А может, ошибаемся мы?»

Но нет, лучше сдохнуть, чем жить так. Пьер возмущался перегревом планеты, пока закладывал лыжи в багажник своего «дизеля». Может, так было и всегда, только они не замечали? Прошли вольные времена «Танцующего с волками», ночных молодежных дискотек. Допустим, они застыли в защитной позиции, готовые сопротивляться экономическому кризису. Может, они чуть больше отчаялись, чем другие. А отчаяние делает более человечным, но не учит жить. То, что объединяет и уносит ввысь, вдруг стало разъединять и разносить по сторонам.

Они никогда в жизни не ездили в горы кататься на лыжах.

Иногда они выбирались на целый день в Абруццо — посмотреть на снег. Гаэтано сажал детей на плечи, переваливался как медведь. Промокшие джинсы. Желтые лужи мочи на замерзшей земле. Потом у детей могла подняться температура от солнца, от холода, от белого шока.

Здорово было отличаться от всех. Они не знали тогда, что станут одинокими и обособятся.

Однажды Гаэтано записал фразу Фридриха Дюрренматта: «Мы произнесли свое слово на Земле, но потерпели фиаско».

Для человека, мечтающего стать писателем, это звучало не слишком воодушевляюще.

Делия хотела переехать за город.

Одно время они с Гаэтано искали старый дом и даже нашли мельницу в окрестностях Орвието. Воспоминание об этом до сих пор преследует ее. Жизнь, которая не состоялась. Они все откладывали покупку. Делия испугалась речушки, текущей рядом. Космо был еще маленький, но уже чересчур независимый, да и вот-вот должен был появиться Нико. Ну и слишком далеко от города.

Они много раз ездили туда на машине. Мельница была не огорожена, можно было спокойно усесться возле нее и съесть бутерброд. Во дворе росло вишневое дерево. Они успели увидеть, как оно зацвело, а потом покрылось маленькими, еще зелеными ягодками. Когда уже они решились, мельницу купила другая семья. Голландцы, приехавшие на выходные. Для них это стало ударом. Подсечка сзади.

«Подвернется другой случай».

Больше они не искали. Какой смысл хоронить себя в деревне в тридцать лет, убегать от цивилизации хромым голубей? Гаэтано был сценаристом и нуждался во всяких дерьмовых образах. К тому же они привыкли выходить (или хотя бы знать, что могут пойти) в кино или на

какую-нибудь выставку. Да в городе они могли рассчитывать и на каких-никаких, но дедушек-бабушек. И на студентку философского факультета со второго этажа.

Потом уже он подумал: все, что ни делается, — к лучшему. Когда начались проблемы. В каком же аду они очутились бы, если б жили на той мельнице. Куда бы он убегал по ночам? Как бы она обходилась без него, совершенно одна, на склоне холма, где зимой от реки поднимается густой, словно из дымохода, туман?

Город обладает своей гипнотической силой. Он увозит тебя, как автобус. Можешь спрятаться среди таких же, как и ты сам, скверно выглядящих людей. Или остановиться перед светящейся витриной магазина.

Но бесполезно гадать, что было бы, если бы... Никогда не знаешь, спасся ли ты от гибели или потерял настоящую жизнь. Может, на мельнице они ненавидели бы и мучили друг друга еще сильнее. А может, наоборот, соблюдали бы тамошнюю тишину. Или остались бы такими, какие есть.

Потому что больше всего на свете их ранило именно это. Упущенная возможность. Та, которая сегодня вечером, в этом ресторане все еще держит их вместе.

Они были всего лишь актерами кое-как возобновляющейся пантомимы.

Под конец они не особо отличались от других. Как если бы боль после многократных внутренних кругов обратилась в обычную глупость. Череди перепалок печальной низости. Он ходил в уборную, не поднимая сиденье унитаза, она подчас садилась на мокрое. Только этого ей не хватало, чтобы окончательно возненавидеть жизнь.

Можно подумать, что город и убил их. Делия изредка думает об этом. Обглоданный парк, чересчур маленькая квартирка. Прогулочная коляска на уровне черных выхлопных труб всех этих чертовых машин.

Выходить бороться каждый день с иллюзиями, с ускользающими вещами, которые только кажутся необходимыми. Неясные движения всех этих людей, частью которых являются и они сами. Как солитер, который тихо себе питается.

У Гаэтано глаза были другие. Сумасшедший взгляд ненормального человека. Он бился изо всех сил. Как можно оставаться самим собой, когда живешь в постоянном напряжении, в тщетном ожидании одобрения? Что-то поневоле извращается. Стараешься походить на других, на тех, у кого более или менее получилось. Уже и придел снизил. Хочешь только немного карманных денег. Хочешь нормально содержать семью. Уже не мальчик,

твоим детям скоро в школу. И когда выпьешь вечером чуть больше, на следующий день тебя мучает геморрой. Не можешь позволить себе расслабиться. Не нравится жить за счет жены.

Гаэ знал, что заслуживает чего-то большего. Имеет право. Он работал в гостинице, за чашкой кофе. Нико на коленях. Идеальная картина. Но стоит ребенку нечаянно тронуть какую-нибудь клавишу, как Гаэ превращается в другого человека. Мужчина, мальчик с беспомощными глазами.

«Черт! Я должен сдать этот текст сегодня!»

Чуть не плакал. Мог бросить чашку на пол или рвать на себе волосы.

Нельзя себе даже представить, сколько глупого отчаяния, сколько неспособности жить уместается в душах людей. Делия смотрела на него, изрекала свои до боли обидные сентенции. Подбирала осколки, но не могла до конца простить его.

Это она и дети виноваты, что он стал работать на рынке скетчей и криминальных саг.

А что в результате? Неуравновешенный тип, что выкладывается до конца с режиссерами и заказчиками. Возвращается домой выжатый как лимон и переполненный ненавистью к миру.

А Делия не молчала.

«Нам достается от тебя самое худшее... Иди пиши свои тексты в другое место, оставь нас в покое...»

Первые деньги, которые он заработал, они разложили на паркетном полу в ряд. Ему казалось невероятным, что теперь он может расслабиться. Они пошли смотреть город, впервые сходили в ресторан.

Гаэтано заказал артишоки по-римски. Она чувствует запахи мяты и горелого чеснока.

— Ты не ездила в Орвието?

— Я туда больше ни ногой.

Гаэ макает кусочек хлеба в оливковое масло.

Делия должна была поехать в Орвието. Две недели назад, в первую субботу июня.

Был чудесный солнечный день. Со своей подругой Грацией они потягивали бы нескончаемый аперитив в винном баре со столешницами в форме животных, встали бы пьяненькие, потные. Шли бы в тишине стен из туфа до самого собора. Сели бы чуть поодаль и смотрели на него, пока алкоголь выветрится. Чтобы в конце концов сказать: «Настоящие мужчины

построили эту бесконечность, но что ж поделать, если мы вышли замуж за козлов». У Грации тоже с мужем не все гладко. Но у него хотя бы деньги есть. Поэтому она может позволить себе большой дом и замшевые курточки.

Может, в Орвието нужен диетолог?

Теперь, когда они развелись, она серьезно подумывала перерезать все нити. Отводить детей в школу пешком, читать газеты, висящие на деревянной доске в баре с горячим шоколадом. Слушать зимой джаз, танцевать с детьми на улице.

Она надела свою белую блузку из шифона. Любимую. Которую она никогда не сушит на солнце, чтобы, не дай бог, та не пожелтела.

Дети были уже одеты. Нико валялся на полу, болтая с красным Могучим Рейнджером, которого подарил ему отец.

Делия вспоминает тот день.

Дети ждут. Она вся на нервах, распустила хвост, чешет голову, взлохмачивая волосы. Бесперывно ходит туда-сюда, от окна в гостиной до сортира. Следит за тем, что происходит на улице. Еще немного — и опоздает на поезд.

«Он не придет, мам?»

«Конечно придет».

Где ты, скотина? Куда ты подевался?

«Пойдемте, подождем его внизу».

Поднимает детей.

«Быстрее!»

Берет сумку, хлопает дверью. Вваливаются в лифт. На вокзал она собиралась пойти пешком, они недалеко живут. Поэтому надела кеды. Прогуляться, подышать воздухом. Прийти пораньше, загодя сесть в поезд. Рассматривать перрон с мерзопакостными скамейками, в потеках мочи и пролитого пива. В предвкушении поездки. Поезд, расстающийся с городом. С болью в животе, со всем остальным.

Ей хотелось побыть на природе. Трогательный зеленый цвет. Деревья со своими высоченными кронами. Жизнь, переговаривающаяся с ветром.

А она все еще тут, возле дома. У входа в подъезд, откуда за ней наблюдает индеец-консьерж. Худой, но с животом, выпирающим под майкой (паленый «Ralph Lauren») противного зеленого цвета, пьющий индеец. Сукин сын, женатый на принцессе, которая убирает лестницы и растит детей, пока он сидит сиднем тут, в полуподвальной дыре, где делают ставки на лошадей, рядом с химчисткой. Смотрит на нее теми же

влажными неменяемыми глазами, которыми не отрываясь следит за бегами по телевизорам, прикрепленным к стене. Тебе, на хрен, что надо? Чего уставился, отвернись! Хренов индийский мужлан!

«Вы что-то хотели, леди?»

«Ничего не хотела, спасибо».

Нико вертится у нее под ногами. Индиец строит ему рожи. Потом крутится в ногах этого уродливого мужика. Дети бегут к любому, как собаки.

«Нико, иди сюда».

Берет его на руки. Притворяется, будто играет с ним. Не доверяет индийцу. Живет, подозревая каждого, как любая мать этого времени.

Космо не может больше стоять на ногах. Солнце бьет ему в голову, как лазерный луч. Он рушится на ступеньку бара. Делия поднимает его, потянув за руку.

«Вставай, здесь грязно».

«Когда папа придет?»

Младший зевает, может, уже забыл о море. Но старший не сводит глаз с дороги, как и мать, выискивает «ту машину» среди прочих.

Делия не думала об аварии, не думала: «Может, с ним что-то случилось». Ее не волнует, случилось или нет.

Думала то же, что думает в данную минуту, сидя в ресторанчике. «Сволочь, разбил мою жизнь. И этот день тоже».

Шифоновая блузка прилипла к телу от пота. Дети как ватные.

«Пойдем домой, мам».

«Стой спокойно».

Когда Космо опять садится, она больше не трогает его. Он уже чуть не плачет от злости, от жары, от всего. К счастью, на нем солнечные очки.

Пробует еще раз набрать Гаэтано. Но мобильный все время недоступен. Включается автоответчик: его сраный голос, глубокий, немного отстраненный, специально для режиссеров и телепродюсеров.

На скорый «Интерсити» она уже опоздала. Могла бы успеть на региональную электричку. Но уже и матери звонить поздно. К тому же ее нет дома, вспоминает Делия: она вышла в море на каноэ с группой. Они плавают в лагуне Орбетелло. Каноэ в шестьдесят лет — в этом ее мать! Накачала себе вот такие бицепсы. Гребет по утрам на Тевере с командой смельчаков. Вся мокрая, в спасательном жилете. Говорит, что видела тьму странных птиц, диких уток. Делия предупредила ее: «Будь осторожнее». Она представляет себе тонущую мать, как водяные крысы выгрызают ей глаза, впиваются в накачанные гелем губы.

Нико хнычет, хочет есть и пить. Она дает ему круассан на ступеньках бара. Ей уже на все наплевать. Люди, заходя, пихают ее детей.

Делия смотрит на них, на их майки в пятнах пота. На черные коленки Нико, который ползал по асфальту.

Похожи на детей нищенки, которая стоит с протянутой рукой перед супермаркетом. И правда, несчастные дети. В эту минуту никто их не любит. А их хренов отец шатается неизвестно где.

Сейчас она думает: все, уйду. Отойду в сторону. Оставлю их. Оставлю их ему. Пусть приходит за ними вечером, когда бар закроется, а они все еще будут там, в обоссанных плавках под штанами. Одуревшие от этого индийца.

Все, хватит. Иссякло все человеколюбие.

Космо приспичило по большому, он уже долго терпит. Говорит, сейчас точно наложу в штаны. Держится за задницу.

«Не мог дома сходить?»

Она поднимает, тащит его за руку в бар. Просит ключ от толчка у молдаванки за кассой с лотерейными билетами. Это происходит в том сортире, изгаженном взрослыми и наркоманами. Она держит Космо над унитазом, чтобы он не садился на грязь, пытаясь одной ногой подпереть дверь, а другой остановить Нико, который вперился в загвазданную метлу. После того как Космо произносит: «У меня не идет, не могу», она начинает трясти его:

«Как это? Что значит «не идет»?»

И в этот момент очки Космо падают на пол, и она думает: «Черт, теперь еще очки надо чинить этому хренову слепяку, который все больше слепнет от своих дурацких книг». Делия хватается за волосы, взвывая, бьет его головой о фанерную замызганную дверь.

«Будешь знать!»

Они вернулись домой. Зазвонил домашний телефон. Она не успела подойти. Но это не важно. Она вся была замедленная, задумчивая. Прямо умирала от усталости. Космо снял очки, положил их в пластиковый футляр. Протер свои близорукие, невероятно красивые глаза с густыми ресницами. Делия пошла в ванну. Не было нужды даже пальцы в рот засовывать, чтобы вырвало.

Смотрит на Гаэтано. Он доел артишоки. Выглядит довольным.

— Что сейчас пишешь?

— Интересную историю, куча сюжетных поворотов.

— На какой странице происходит первый «кульминационный

момент»?

Подкалывает. Гаэтано улыбнулся.

— На двадцать пятой приблизительно.

— Предполагаю, существуют определенные правила...

— Можно и так сказать. Строится клетка, потом ты свободно по ней перемещаешься.

— Клетка многосерийная?

— Нет, это кино.

— Ты для кино пишешь?

— Ну...

— У тебя получилось... Оказался среди счастливиц, которые могут позволить себе заниматься искусством.

— Никакого искусства нет в том, что я делаю. Меня все это дико раздражает.

— Тогда брось.

— А тебе деньги уже не нужны?

— Лучше приходи к детям, когда они тебя ждут.

Гаэтано опускает голову. Чеснок подступает к горлу. Вот он — «кульминационный момент» вечера. Сейчас она его сделает.

Он не смог забрать детей из-за этого хренова фильма. Они договорились. Он обрадовался, составил программу. Они поедут с детьми к морю, поиграют на берегу. Спокойно поужинают, и ему не надо будет везти их вечером обратно, как обычно. Два грустных свертка в машине. Как будто он не отец, а киднепер (именно так заставляют тебя чувствовать судьи). Наконец, они спали бы ночью вместе, все в песке. После открытия купального сезона в июне. Особенно младший, он хотел немножко подержать его в воде.

Мечтал, что искупается вместе с Нико.

Космо по натуре — исследователь. Из тех, у кого набор для выживания наготове. Нико — наоборот. Гаэ боится, что Нико забудет о нем. Слишком уж маленький. Он не знает, насколько дети ориентируются во времени в этом возрасте. Что для них значат дни, недели. Ему нужен Нико, его копия. Он это сразу подметил, как только увидел его между ее ног, когда, еще в слизи, его вручили Гаэ. И пока его мыли, вниз головой, спинкой, пока стягивали с него что-то светлое и вязкое, похожее на молочную сыворотку. По тому, как он держался, по тому, каким он был беззащитным, Гаэ сказал себе: «Он мой».

Космо — тот мамин. Такое же тело. И характер, даже если рано пока навешивать ярлыки, как на банки с вареньем.

Нико же был его, похожим на него. Гаэ хотел покачать его немного в воде, посмешить, положить себе на спину между лопаток. Но все складывалось плохо, начиная с вечера. Режиссер позвонил ему в три ночи.

«Спишь?»

Тоном вампира, завидевшего горло жертвы, хрипло прошипел: «Ну конечно спишь. Тебя же не волнует мой следующий фильм, мое желание крови».

Голый и влажный, будто огромная живая сосиска, Гаэ только-только заснул, борясь с комарами-тиграми в полуподвальной квартирке на бульваре Сомали. Режиссер прохаживался в прохладе своего двора. Белая рубашка, бескровная грудь, темные губы. Расхристанный и очень популярный, как все вампиры. Недовольный (а когда он был доволен, вечный мученик?). Но он же Творец. Ему все можно. Творцы должны быть угрюмыми, несчастными (и несносными для коллег), а иначе будут прозябать среди неудачников. Творец должен ощущать на себе всю тяжесть загнивающего общества (а если оставит хоть малую толику кому-нибудь другому, то рискует тем, что и премии утекут к этому другому). Он не может кидаться на жареные кальмары и пудинг в аэропорту Фьюмичино, ему надо держать марку, сохранять облик истинного социалиста. Рядовые сотрудники не осознают, что ненавидят социализм, но до известной степени понимают, что их обокрали. В них говорит гастрит от сигарет, выкуриваемых залпом. Режиссер же бросил курить. Некоторое время сосал сигару, а теперь ходит в бассейн. Если бы все они остались одни на свете, без всяких оград и платформ, то подчинялись бы только своим инстинктам. И в пещере а-ля Индиана Джонс Творца оставили бы на съедение летучим мышам и скорпионам. Наблюдали бы за тем, как он подышает, не моргнув глазом. Но они в Риме, в вечном городе кино, где инстинкты нужны только румынам в очереди, чтобы получить работу на день.

В ту ночь Гаэ слушал, как зубы вампира вгрызаются в трубку. Третью часть надо полностью изменить. Потом фатальная, угрожающая фраза: «Может, мы не то посеяли...» Практически все надо было переделывать. Они редактировали эту белиберду уже в пятый раз.

«Хорошо, завтра серьезно принимаемся за работу».

В конце концов, он рад, что не он Творец. У него нет соответствующего таланта и оснастки, способности сверлить жизнь тонким острием, чтобы долго и бескровно иметь всех во все дыры.

Он служит стеной. Тем, кто все упорядочивает, добавляет смысла и чернил ночному дыму. Литературный раб. Писатель-призрак. Но он не сожалел о своей роли второго плана. Гаэ не брезговал чужими хорошинами

идеями.

Во времена давно минувшие он занимался боксом. Старый спортивный костюм, спортзал старого города. Опять же скромный литературный образ.

Тем он и утешался. Днем режиссер использовал его в качестве помойного ведра. Потом он восстанавливал силы. В основных титрах он проходил как: «В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С...»

Они встретились на следующий день. Поздно, потому что режиссер после ночей, проводимых в соитиях со своими слабенькими идеями, работал допоздна.

Гаэ, наоборот, проснулся рано, можно сказать, и не спал вовсе, и набросал несколько сцен. Донельзя нигилистические и довольно неожиданные. Парочка выглядела очень даже неплохо. Надеялся быстро с этим покончить.

Они договорились, что в конце недели устроят выходной. Чтобы дать мыслям отлежаться. Но как-то не заладилось. Для него и двух других, Саверио и Лучо, известных мазохистов, подписывающих сценарий.

Гаэ положил в рюкзак старые выцветшие плавки вместе с рукописью.

Он думал о детях. Они пришли в восторг.

Он напридумывал кучу всего, чем они могли бы заняться. Мысль о том, что все это осуществится, помогала ему в работе над сценарием. Энергия хлестала через край.

К середине дня он почувствовал себя совершенно опустошенным. Режиссер перечеркнул все его ключевые сцены. Пока не орал, но это даже хуже. Хладнокровный саркастичный пораженец. Уставший от жизни и сценаристов, как проститутка — от абортот.

Смотрел на свои «Swatch», снятые с руки. На циферблат, черные пластиковые стрелки, так умирающий человек считает секунды, отделяющие его от небытия.

В одной сцене фильма действие происходило осенью, шел дождь. Главные герои несколько часов стояли под ливнем.

Из окна, наоборот, парило и воняло машинами, уезжающими за город. Черт, самый разгар субботнего дня!

Гаэ думал о море. О Нико, как он выпускает его из рук под водой и ловит. Вытаскивает наверх вместе с брызгами, как в фонтане.

Те двое несколько раз выходили покурить, придумывая отговорки, как в школе:

«Извините, я пойду поссу».

Уже три часа они спорят, пойдет эта идиотка-психотерапевт через

дорогу к нему под дождем или будет ждать его под портиками семнадцатого века.

«Не идти к нему — уже терапия. Ему надо преодолеть порог, согласиться на лечение, влюбиться. Если же она пойдет к нему — это уже не лечение, а медвежья услуга мужчине, который ничего не делает сам в своей жизни».

Не хватает только Делии, чтобы она сказала свое слово. То же самое спустя некоторое время произносит вампир:

«Кажется, здесь нужна женщина-сценаристка».

Лучо думает: «Хотя бы телка с нами будет».

Саверио думает: «Черт, еще одно имя на афише».

Гаэтано думает: «А пошлю-ка его в жопу. И поеду к морю с детьми».

Делия наверняка в ярости. Он ей даже не позвонил. У них запрещено включать мобильный, даже вибронзвонок нельзя оставить.

У Творца тоже двое маленьких детей. Но он их, сто процентов, пристроил. И вообще, какие, на хрен, дети, когда сценарий не идет.

Плоть качается на волнах. Куклы в море. А здесь рождаются идеи.

Гаэтано даже перестал злиться.

Вышли они в два ночи. Режиссер выглядел спокойным, улыбнулся им невинной загадочной улыбкой удовлетворенного вампира.

«Мне кажется, у нас получилось».

Гаэтано вернулся в свою дыру в африканском квартале. Пнул диски, сложенные в стопку.

«Хватит, сменю работу, выброшу компьютер. Устроюсь куда угодно. Водителем грузовика, права «С» у меня есть. Буду хотя бы знать, когда уеду, когда вернусь. А если не вернусь, то только потому, что сломаю шею, заснув за рулем. Пока дети будут сниться».

— Слушай, извини. Я не виноват...

(Противно, думает он, пока говорит это, все время одно и то же...)

Делия задыхается от тошноты.

— Проехали.

Но Гаэ надо выговориться, излить душу. Он привык изливать ей душу.

— Я человек подневольный, мы все оказались там в заложниках.

Когда-то она сказала бы ему: «Ты заложник себя самого, своих слабостей», что-нибудь типа этого — глубокое, но бесполезное, и он бы согласился. Сегодня вечером — нет.

— Твои дети стояли на улице... В плавках под брюками.

- Знаю.
- Почему ты такой подлый?
- Я должен зарабатывать на жизнь.

Ей вспоминается тот раз, когда они занимались любовью. Он, казалось, навалился на нее всем телом. Потом зазвонил его мобильный. Надо было задвинуть, послать подальше тот звонок. Но Гаэ ответил, обычным голосом, как будто у них ничего не было еще полминуты назад. Звонил агент, по работе. Он соскочил с нее. Бросил ее голой, застывшей в позе любви. Закурил сигарету, заходил по комнате туда-сюда, придумывая резюме. Возбужденный, с торчащим членом. Делия свернулась в клубок, как насекомое, которое, оцепенев, исчезает. Потом Гаэ вернулся как ни в чем не бывало. Возобновив интимный хриплый голос.

«На чем мы остановились, любимая?»

Не надо было давать ему тогда. Надо было одеться и уйти. Но она раздвинула ноги и все такое. Была влюблена. Ей открылась его сущность, как тогда, когда, выдрав глаза у плюшевого мишки, нашла внутри лишь грязный полиэстер. Но она хотела забыть об этом. Хотела замуж, хотела родить детей. Все, чего она хотела, — обмануться.

Официантка пришла за тарелками.

— Будешь еще что-нибудь?

Но она даже суп не доела. Девушка спрашивает, можно ли убрать со стола. Делия кивает, не поднимая глаз, прикрывает ладонь, вернее, палец, на котором носила обручальное кольцо.

Гаэтано улыбкой провожает девушку с грязными тарелками, вытягивает губы в знак одобрения. Совсем молоденькая девушка: волосы, губы, янтарная кожа проворных рук, покрытых легким пушком. Ему хотелось бы поцеловать ее, поприсесть к ней на дискотеке, на мопеде вечером, почти уже летним, а потом забраться на нее голым, почему бы нет?

Сейчас он проводит некий тест. В этом ресторанчике, в присутствии бывшей жены, застывшей, как на фотографии. Смотрит на молодых девушек и спрашивает себя, не возникают ли у них мысли насчет него. Он все еще ничего себе: лоб доисторического человека, проникновенный взгляд и облик витающего в облаках. Все еще молод — его даже можно спутать с безбородыми юнцами, — но уже с опытом за плечами. Девушкам это нравится, действует возбуждающе и все такое. Боже, каким же старым он ощущает себя сегодня!

Он не собирается влюбляться. Любовь умерла. Строительство любви начинается со слюны, а заканчивается чем-то невысказанным. Они с Делией прыгнули с самой высокой скалы, но, оказывается, под скалой было неглубоко. Они смотрят друг на друга и не знают, останутся ли на всю жизнь калеками в инвалидных креслах или всего-навсего хромыми. Безусловно, прыжок получился эффектный. Вот идиоты.

Вроде Нико, который решил, что умеет летать, и бросался на пол с кровати и со стульев. Они дали ему упасть пару раз, чтобы он понял, что у него нет крыльев, прежде чем попробовать прыгнуть с балкона.

— Я возьму десерт, ты как?

Девушка ждет. Ее красивая упругая грудь вздымается от дыхания под черной спортивной майкой на тонких бретельках. Делии жаль эту девушку, которая дышит всем телом и которой еще предстоит отправиться на поиски смысла. Но кроме грязных ошметков, она ничего не найдет.

Она вспоминает песню U2 «Одна на двоих». Газ давал ей ее слушать через наушники.

Love is a temple
Love the higher law
You ask me to enter
But then you make me crawl
...
One love
One blood
One life...

«Ты впустил меня в храм, а потом вытер об меня ноги».

— Мне кофе с мороженым.

Девушка ставит закорючку в блокноте заказов.

— Кофе без кофеина.

Подул слабый ветерок, закружил пыль на асфальте, добрался до них. Сдвигает бумажные салфетки, ласкает слегка вспотевшую под рубашкой спину.

По коже пробежали легкие мурашки.

Делия говорит:

— Я ударила Космо головой о дверь туалета в баре.

Гаэ посмотрел на нее в упор:

— Что-что?

Улыбнулся очень грустной улыбкой. Если уж она начинает отыгрываться на детях, значит, они действительно по горло в дерьме.

— С каждым может случиться, не расстраивайся...

Официантка ставит перед ней мороженое. Делия медленно выливает кофе из чашечки на шарик мороженого.

— Нет, не с каждым.

Гаэ получает мягкий холодный удар мороженым в лицо. Чувствует на себе сливочную массу, как она стекает по подбородку на грудь под рубашку, вымазанную кофе. Даже не вытирается. Смотрит на Делию, не изменившуюся в лице. Не переводит взгляда, только едва заметно двигает зрачками, как больной глаукомой, чтобы увидеть, чтобы разведать, не заметил ли кто-нибудь.

Я убью ее. Размажу по стенке. Заберу у нее детей. Расцарапаю ей лицо. Ненависть сейчас как сама жизнь. Сильная, как сама жизнь. Они никогда еще не оказывались в такой ситуации. У всех на виду. Последняя нить, что их связывала, обрывается этим вечером начала лета. Они оказывают друг другу сопротивление. А может, только он сопротивляется? Делия просто отсутствует. Она смотрит на мороженое, скользящее по телу мужчины, которого любила больше всего на свете. Смотрит на припадок безумия женщины, выбитой из колеи, сплошного комка расстроенных нервов.

Эта женщина — не она. Она ее боится. И все-таки ей не хочется убивать ее в себе. Только так она сможет выжить. Она поняла это, глядя в глаза Космо, которые поддерживали ее, освободили ей путь в том сортире. Он готов был заменить отца. Кого угодно. Впитать в себя все и вся. Ради любви. Любви, которой она его научила и которую теперь отнимала. Она гладит свои голые руки, в самом деле не зная куда деться.

Гаэтано сидит не двигаясь, глубоко дышит. Облизывает с грязных губ этот нелепый десерт. Смотрит, как она тяжело дышит вместе с ним. Делия хотела бы подняться и слизать с него это мороженое. Есть только они. Нагие, как тогда, когда занимались любовью.

«У меня часто бывает вздутие живота после еды».

Так они познакомились. Он вошел в студию, которую она снимала в центре красоты и здоровья с уклоном в восточные традиции, где проходили занятия йоги, курсы самозащиты для одиноких женщин и стояли кулеры

для травяных чаев. Правда, это скорее следовало назвать не студией, а кабинетом.

Гаэтано бросилась в глаза корзина с огненно-красными яблоками. Помимо сертификатов Делия повесила на стену несколько фотографий и атласную занавеску. Пройдя через анорексию, она стала неплохим диетологом. Она уже все знала о пищевых нарушениях. Боль проложила ей дорогу в жизни. Эта довольно эклектичная профессия, имея под собой научную основу, оставляла большое свободное пространство для психологической интерпретации.

Дни напролет Делия проминала руками жирные животы тут, на окраине, возле станции. С каждым проходящим поездом тряслись стекла, яблоки падали на пол. Мать пришла посмотреть, как она устроилась. Подобрала упавшее яблоко. «Если тебе нравится...»

Ее пациентами были толстые ленивые парни и женщины с алкогольной зависимостью. Больше, чем о диетах, речь шла о перевоспитании людей, об их отношении к себе самим. Делия по себе знала, каким врагом может стать тело. Помойной ямой, засоренной раковинной, высохшим колодцем. Теперь она сама была в медицинском халате и улыбалась. Ей знакомо было вранье своих пациентов. Знакома боль того вранья.

Ей нравилась эта окраина. Ей хотелось быть подальше от района, где она выросла. От тех маленьких модных собачек, от тех банков. Здания сороковых годов, как и их жильцы, казались ей совершенно бездушными. Она обнаружила много неискреннего и ненужного для жизни в домах безвольных и радушных семей, посещающих раз в году выставки и концерты в «Аудиториуме». В семьях, ничего не запрещающих детям из страха натолкнуться на собственные черные ямы.

Одна ее подруга, с которой она пару раз нюхала кокаин в туалете лица, покончила с собой. После вечернего просмотра фильма «Титаник» с Леонардо ди Каприо. Около полуночи она выбросилась с балкона. Родители были дома, болтали с друзьями под дугой торшера «Агсо» братьев Кастильони.

Гаэ пришел из спортзала, расположенного во дворе по соседству. Кто-то из клуба посоветовал ему пойти к диетологу. Он посмеялся исподлобья своим смехом доисторического человека. Место для богатых неформалов. Ему казалась странноватой подобная обстановка на энергичной улице, где мелкая буржуазия, к которой принадлежал и он, соседствовала со стоком нового времени — потасовками транссексуалов, китайской мафией, с

торговлей наркотиками прямо среди бела дня.

Он сидел, опустив руки между широко расставленных ног. С потолка свисала люстра из рисовой бумаги. У его матери была такая в спальне, она привезла ее из какой-то поездки.

Серена была старой неформалкой и бедной (в этом состояла вся разница). В юности она несколько месяцев баловалась наркотиками — как раз хватило, чтобы подхватить гепатит. В сорок шесть она перенесла операцию на печени. Гаэ по очереди с отцом ухаживал за ней. Лето взросления. Он учился не снимая маски, чтобы ничем ее не заразить (достаточно было банальной простуды, чтобы отправить ее к Создателю).

Закончил гуманитарный лицей, таких было всего несколько в округе. Добирался туда на автобусе, а последние три года на мопеде. Собрал себе на открытых полках небольшую библиотечку из самых нужных книг: «Сиддхартха», «Иностранец», «Тотем и табу». Хотел много чего и носил серебряное кольцо на пальце. Зимой смотрел один за другим фильмы на кассетах и принимал экстази (наслаждаться фильмом ночью с таблеткой под языком было вершиной блаженства). Летом играл с группой технопсихов и разносил остывающие пиццы по домам.

Ходил по лезвию ножа в ожидании трансформации галактики, как те супервоины из японских мультфильмов, которыми увлекался в детстве.

Разумеется, у него были трудности. Сомневался: взбираться ли ему по карьерной лестнице мира или с гордостью отказаться. Попробовал пойти в «Центр экспериментальной кинематографии», но там даже секретарша плевать хотела на него. Сдал на права по вождению грузовиков. Начал бороздить Италию вдоль и поперек. Красные полосы на трассе, как сок арбуза. Ему ужасно нравилось беседовать по ночам в барачке с другими чудаковатыми водителями грузовиков. Это не была его настоящая работа, скорее это походило на американский фильм, какой-нибудь там «Конвой».

Он был доволен, но страдал колитом. Ел всякую дрянь, и живот напоминал свалку, выделяющую газ.

Вот и пришел в кабинет диетолога.

Вот черт, она молодая и очень даже симпатичная. Под медицинским халатом только золотая цепочка. Стоптаные кеды. Длинные волосы заплетены в косички, и лицом тоже слегка напоминает индианку.

«Ты когда-нибудь жила в американских индейских резервациях?»

«Нет».

«А кажется, что ты оттуда».

Он и не думал трахаться с ней, с этой скво. К тому же у него на самом деле болел живот.

В спортзале, ударив по груше, он пернул, как мул, но это не помогло.

Он весь вспотел, сидя перед ней. На нем была толстовка с отрезанными рукавами, заношенная и очень модная. Он сидел, напрягая своим фирменным способом плечи, как всегда делал, когда хотел показать накачанные мышцы.

«Ложись».

Над его головой оказалась лампа из рисовой бумаги, совсем как у матери, которая работала теперь в «Бинго».

Делия надавила ему руками на живот. Черт, от щекотки ему стало смешно.

«Расслабься».

Гаэ сжал задницу. Диетолог давила своими острыми пальцами. Ощущение было такое, будто по его телу ходит кошка. Он весь покрылся мурашками.

Опять засмеялся.

Диетолог тоже рассмеялась.

И он отметил розоватость ее зубов, маленьких и с выемками по бокам, как на занавеске, изъеденной мышью.

Она тут же прикрыла рот, точно совершила ошибку, засмеявшись.

Гаэ поднялся, натянул модную толстовку, одновременно проводя по верхним зубам языком, пробуя представить ее ощущение.

«Нащупала что-то? Опухоль?»

Она уже не смотрела на него. Заполняла бланк. Запретила ему газированные напитки, пиццу, свежие сыры. Он печально взглянул на нее.

«И что же мне теперь есть?»

В это время проходил поезд. Яблоко, как обычно, упало и покатилося. Гаэ резко нагнулся и схватил его.

«Ну вот, ешь это».

Он откусил большой кусок. С этого началась магия.

Первый раз, когда они занялись любовью, Гаэ подумал: «Мне сам Бог помогает». Он почувствовал, что улетел на небо, но не потому, что умер, а для того, чтобы трахаться снова и снова. Настоящий японский трансформер. Этим они и занимались несколько месяцев в ее кабинете во время обеда, пока в соседнем зале практиковали гимнастику тай-цзи. Благодаря Делии он узнал о мюсли, о гранатовом соке и «Герое с тысячью лицами» Джозефа Кэмпбелла.

Это она сказала ему: «Выбирайся из этого района, он тебе не подходит. Он дает лишь временное утешение, как пицца и пиво. Потом возникает

застой, пучит живот и ты уже нигде не чувствуешь себя уверенно». Она погладила ему грудь. «Я предпочитаю мужчин без мышц».

Он перестал принимать анаболики и экстези. Дал ей почитать кое-что свое (кусая до крови ногти в ожидании ее мнения), маленькие истории, рассказы на одну-две страницы. Сам залпом прочел «Героя с тысячью лицами», почувствовав себя на месте главного героя, замершего на пороге, готового к «попытке».

Она тоже была готова. Она умерла и возродилась. Они встали на ноги, как мокрые жеребята. Взялись за руки. Вышли из кабинета.

Однажды она упала в обморок. Они гуляли по набережной Тибра. Делия склонилась сбоку от него, обмякнув, как надувной матрас, у которого внезапно выпала заглушка клапана. Гаэ поднял ее, положил на парашют. Внизу рос камыш, дальше шумела река. Машины мчались, солнце почти зашло, воздух был такой голубой и глубокий, что все предметы казались черным. Она открыла глаза и смотрела в небо, на крону одного из высоченных платанов, вокруг которого в этот час бешено кружили птицы.

«Спасибо».

«За что?»

«За любовь ко мне».

Гаэтано разгладил ее волосы обеими ладонями с разведенными пальцами. Ее тонкое прекрасное лицо было совсем близко. Хотел прожить с ней всю свою жизнь, в этом заключалось все его будущее.

Он перешел через дорогу, там был неплохой бар. Вернулся, неся на тарелке маленькие пончики «Сан-Джузеппе». Она ела их под фиолетовой листвой в темноте. Давилась жареным тестом с кремом и не возмущалась, казалась счастливой — ведь он кормил ее. Она посмотрела снизу на его лицо, и в самом деле напоминающее боксерское.

«Тебя когда-то сильно побили?»

«Нет, я родился таким сплюсненным».

«И не изменился, пока рос?»

«Нет».

«К счастью».

Был февраль, время карнавала.

Конечно, мороженым в лицо — это уже чересчур. Гаэтано смотрит на свою бывшую жену. Думает о тех косичках индианки, об ушедшем времени.

Думает об их сексе. Особенно об одной постели. Всегда есть какая-то

самая удачная постель, неизвестно почему.

Понимаешь это только потом, когда прокручиваешь в голове.

Может, она и не самая удачная, не самая сексуальная и похотливая. Но зато самая человечная. В ней был ты весь.

Может быть, потому, что тогда ты был девственником.

Той ночью ты и вправду был девственным по сравнению с жизнью.

Нигде еще не испачкался.

Вы пробирались через заросли ежевики к горячему источнику, и оба поскользнулись, когда земля стала маслянистой и светлой. Делия, такая худющая, с таким беззащитным телом, прежде чем войти в воду, нащупывала ногой дно. Ты следовал за ней, голый и глупый, как любой человек без одежды. Адам и Ева, ей-богу. По мягкому мху. Делия объясняла тебе что-то о жизни водных растений.

Потом та свеча (Делия повсюду расставляла свечи), и ты идешь, обнаженный, по этому съемочному павильону. С грязными ногами и блуждающим огнем.

Ее тело и вправду казалось тебе храмом, и ты был коленопреклоненным монахом. Такова была сущность любви.

До самого рассвета. Когда ты проводил ее на вокзал. Ей надо было на поезд. Куда же она ехала?

Да, кажется, в то место, где стояли пчелиные ульи. Она изучала свойства прополиса и воска.

Ты думал о ней весь день, представляя в шляпе пчеловода с сеткой. «Чтобы никто не ужалил тебя, любимая, чтобы пчелы подлетали к тебе, к твоему тонкому и глубокому телу только затем, чтобы принести мед».

Неужели, черт подери, возможно такое, чтобы жизнь все поглотила? Подобно сильной прибойной волне. Которая откатывает и накатывает, выплевывая на берег одни обломки.

Свадьба. Простое белое платье до колен, специально купленное, чтобы потом подошло для любого праздника, если приколоть цветок или надеть бусы. Маленькая приходская церковь открыта только для них.

Переулок с густым газоном, группа гостей позади. Молодые, недавно поженившиеся или собирающиеся пожениться пары, как они. Сенегальский священник. Рис из корзинок градом осыпает широкие улыбки. Свадебный банкет со свежим сыром на природе. Июльская ночь — когда достаточно платка и объятия Гаэ.

Первое время их дверь была открыта для всех, как тогда, когда они

просто сожительствовали. Кто входил, тот входил. Самое настоящее умножение хлебов и рыбы каждый вечер. Что они тогда ели? Курицу карри, горы кус-куса. Гаэ кухня Делии казалась экзотическим кайфом, новым культурным опытом. Он наполнял бокалы вином, босой, с голым торсом. Компьютер никогда не выключался. Бурно обсуждали все, что можно: и «сукина сына Буша-младшего», и «Трилогию близнецов» Аготы Кристоф. Играли в интеллектуальные игры...

«Кто написал «Преступление и наказание»?»

«Вуди Аллен».

Дурацкие шутки, дурацкий смех.

Да, были времена, когда они думали, что их дом должен стать таким интеллектуальным центром.

Трахались посреди беспорядка, оставленного от посиделок. Делия держалась за что-нибудь, голая, расставив руки, как на распятии, и он любил ее так, в тишине, как прекраснейшее из жертвоприношений.

Их юность пришлась на восьмидесятые. Сейчас уже были башни-близнецы, и на горизонте маячила черная нить страха и близкого финансового кризиса. Они жили в небольшой квартирке квартала Триесте, выплачивая ипотеку с плавающей ставкой. Нельзя было быть спокойным. А они были. Часы покоя, километры потерянного времени.

Она забеременела Космо. Рвота была ее старой подружкой. Даже если теперь все было по-другому. Живот, чудо какое-то! Приятное отсутствие менструаций.

Делия думает о том своем возрождении.

Вспоминает те чувства всякий раз, когда видит беременную женщину. И знает, что у нее не будет больше детей. У нее будет много всего, она вырастит двоих сыновей, совершит путешествие, поедет на выставку Роберта Раушенберга, но у нее никогда не будет девочки.

Может, ей не хватало девочки. Гаэ загадал тогда, когда Делия забеременела в третий раз:

«Хорошо бы девочка...»

Но это произошло совсем недавно, когда она уже была женщиной, которую ранили и предали, когда стала дурной копией своей матери.

Достаточно вспомнить ту лестницу. Поцелуи, один за другим, пока они поднимались. Они останавливались и целовались, то прислоняясь к стене лестничной площадки, то опираясь о перила. Они шли на УЗИ, чтобы увидеть головку Космо. Были похожи на две кегли, на двух собачонок, исполненных счастья.

Космо: его имя они придумали за одну ночь, вырвали у вселенной, как шепот. Голубая материя в расширении.

Космо плохо спал, не хотел сосать соску, глотал воздух. Засыпал и просыпался от отрыжки. Делия приставляла к его носику зеркальце от румян, чтобы проверить, жив ли он. «Смерть в кровати», сколько раз она думала об этом...

Мать говорила ей: «Не бери его, пусть поплачет, иначе привыкнет к рукам». Но она, разумеется, не слушала советов матери. Купила рюкзак-кенгуру, засовывала в него Космо. Так они и спали, прилепившись друг к другу.

Может, оттуда все и пошло... с тех ночей, когда она отделилась от Гаэ, переселившись в самую лучшую часть квартиры, в комнату новой любви.

Гаэтано тогда еще садился на корточки в ее ногах. Фотографировал обнаженную, с ребенком на руках, грудь, молочную струйку.

Млечный Путь.

Теперь они были настоящей семьей.

Этакая элегия, прогулка в ночи вместе с пролетающей кометой.

Сколько фотографий он наснимал в то время, горы... купил себе маленький цифровой фотоаппарат. Фотографируя, не давал ей жить.

«Стой, стой так... застыньте вот так...»

Хорошо бы они остановились во времени, как на тех снимках. Как там говорится? Портрет счастья, да, так.

Потом первая фотография Нико, темно-лилового после родов.

Где мы зачали Нико? В Тальякоццо, точно. В тот вечер Гаэ напился... они поехали прогуляться по лесу, в холод, с теми бывальыми собирателями трюфелей. И Нико таким и родился, упоительно счастливым и хитрым. Делия прямо влюбилась в их маленького Казанову, соблазнявшего ее каждое утро.

Надо бы разобрать те фотографии. Свадебные, с рисом и лепестками роз, и другие, сделанные позже, на море, в парке. Надо сохранить их для детей, пока они не повзрослеют настолько, чтобы порвать их. Она обязательно покажет их и скажет: «Видите, мы любили друг друга до полного изнеможения, мы хотели вас до полного изнеможения. Вам не в чем винить себя».

Потому что она так думала. Что ее родители не имели никакого права вовлекать ее в свои жизненные неурядицы. Думала, что дети разведенных тоже потом разводятся, что это звенья одной мерзкой цепочки, вот и у нее уже есть такой опыт.

Что хорошего в том, что твоя собственная мать, с красными глазами и на каблуках, уходя и наклонившись поцеловать тебя, говорит: «Очень прошу тебя, будь умницей с папой».

Конечно, не только женщина виновата, — но ведь это ты понимаешь на целую жизнь позже, уже после того, как заболеешь анорексией и выкарабкаешься; после того, как заставишь ее расплатиться за все с лихвой так, что не останется никаких сил отомстить за себя, за свое одиночество. Потому что в тот день (сколько тебе было тогда, пять?) ты впервые подумала, что хочешь исчезнуть. Выброшусь из окна, долечу вниз быстрее ее, так что подниматься она уже будет вместе с моим трупом, который они выбросят как мусор, как мертвую летучую мышь в доме на море, и вернутся, счастливые, без меня, только они вдвоем, как на той фотографии в Испании, где она танцевала, а он стоял в плотно облегающих коротких штанах тореро.

Такие мысли ты не хочешь передавать своим детям.

Боишься, что они запомнят только самый конец, ваши ссоры.

Тебе нужны те фотографии. Чтобы разбросать их по ковру и рыдать, притворяясь, что смеешься: «Помните? Здесь мы в Остунни... папа купил бутерброды...» Чтобы предъявить напечатанным на бумаге, как вы были счастливы.

Поэтому она и пришла сегодня вечером. Чтобы остались светлые воспоминания, которые она должна хранить для Космо и Нико.

«Вы — дети огромной любви».

Она пришла сюда, чтобы сохранить воспоминания живыми. Как старики с камнями из фильма «Шоа». Один — на каждую умершую любовь.

Потому что любовь тоже заслуживает своего храма и памяти.

Гаэ даже не пошевелился. Это тающее мороженое у него под рубашкой кажется ему сейчас чем-то единственно настоящим, что случилось за этот фальшивый вечер, в этом фальшивом ресторанчике. Сцена, которую жизнь, похоже, украла у кинематографа. Ему пришла мысль рассказать это режиссеру-вампиру. Возможно, его вымазанная мороженым шея — прекрасное место, куда можно впиться зубами. Он вытирается салфеткой, как в спортзале вытирает пот. Тем же быстрым грубым движением.

«Может, она меня любит? Может, где-то в подсознании она все еще любит меня? Куда она смотрит?»

Делия смотрит на столик у стены. Тот, за которым сидят старики, хоть

они и стараются выглядеть молодо. Довольно вычурная пара. У него прическа не по возрасту: облако волос с голубоватым оттенком. У нее светлые волнистые волосы, нога закинута на ногу под столом, в дорогих босоножках.

Она обернулась, красивая, как Джина Роулэнде в «Премьере», со съеденной помадой на похожих губах, в блестящем, что-то вроде китайского национального костюма, платье.

Делия словно оторопела, голова повисла на сцепленных руках. Сидит так с тех пор, как швырнула в него мороженым. Как монашка, уставшая мыть полы и верить в Бога.

Гаэ всегда думал, что она должна была влюбиться в мужчину постарше. И сейчас думает, что так оно и будет, встретит какого-нибудь шестидесятилетнего вдовца, которому не надо заниматься карьерой, с уже взрослыми детьми. Того, у кого найдется на нее время. Какая-нибудь суббота-воскресенье на амальфитанском побережье, здоровое питание «слоуфуд», крутые повороты.

Ее отец родом из Амальфи. Он был совершенно замечательным отоларингологом, но зарабатывал мало, как и его дочь. Худой, как и она, такие же темно-красные пухлые губы, всегда чуть несчастный. Лечил севшие голоса актеров, певцов. Обращался с голосовыми связками так же бережно, как хороший священник с душами. На его похороны собралось много театрального и музыкального люду.

Два старика шутят между собой. Гаэ тоже перевел взгляд на них. Он привык так делать. Смотреть на то, на что смотрит Делия. Чтобы понять, что ей нравится в жизни. Чего ей не хватает.

У отца Делии были впалые щеки, сероватый, как медицинский халат, цвет лица. Он был хорошо сложен, фигура здорового человека, живущего в деревне. Того, кто занимается спортом. Придурок-гольфист, типа того.

Его раздражают нормальные пожилые люди. Он может вынести только некоторых, неординарных стариков: альпинистов, людей такого рода. Лица, сточенные одиночеством, словно скалы.

Старик тоже смотрит на Делию. У Гаэ возникло чувство, будто между ними протянулась нить. Как случается между людьми. От одного стола к другому. А он сейчас похож на мокрую курицу. Обиженный ребенок. Хватает бутылку минеральной воды, мочит салфетку, трет ею рубашку.

Делия просто не знает, куда подевать свои глаза и мысли. Сегодня вечером у нее нет ниши, куда бы она могла спрятаться.

Все эти люди в ресторане портят ей настроение. Слишком много шума

из ничего.

Почему в ресторанах всегда так много людей? Сколько ж надо было вбухать денег в целом мире, чтобы все так кипело? Думает об утках, которых для фуа-гра пичкают кормом и днем и ночью. Думает о мире, как о взрывающейся печени. Думает о Калькутте, о «той» реке. О путешествии, которое никогда не осуществится. Думает о матери Терезе как об одетой в белое игуане.

Улыбается.

Здесь много молодых пар.

Фейерверк самых разных пар, которые закончат вечер где-нибудь в другом месте, поедут по дороге, ведущей к морю, на какую-нибудь вечеринку в прибрежные бары. К пальмам в огнях, в темноту, пульсирующую музыкой.

Успевшая загореть женщина проходит мимо нее, листая пальцем экран айфона. Оставляя после себя запах крема от солнца. Идет, скорей всего, нюхнуть кокаина. (Вечер пятницы: хождения в туалет и обратно не прекращаются.)

Делия подумала о креме, защищающем от ультрафиолетовых лучей. Детский, в разноцветном тюбике.

Представила свое тело — манекен в купальнике, коричневый с круглыми деревянными элементами.

Это ее первое лето в статусе разведенной.

Она уже все решила. Забронировала апартаменты на десять дней в конце июля.

Квартиру нашла по Интернету. Но уже представляет себе тамошний запах и все такое.

Плетеная люстра, голубой раскладывающийся диван. Швабра в углу.

За продуктами они будут ходить в магазин с фруктами, выставленными в ящиках на тротуаре, и всем остальным внутри: хлебом, ветчиной, средством для чистки раковин «Gif» (она наденет перчатку).

Игры на земле с сосновыми иголками. Дети будут кататься с надувных горок, потные и грязные. У Нико соска улетит под машину. Ей придется бегать у края дороги: «Не отъезжайте!» Бросит пакеты с покупками прямо на землю. Повсюду песок — на каменном полу, на постелях. «Не прыгайте. Сполосните ноги». Плавки и купальник сохнут в душевой. «Мама, я есть хочу». Есть, ладно.

Может, она наденет свои индийские сережки, чтобы прогуляться как-нибудь вечером. Но найдется ли вечер, когда она выберется полюбоваться морем, залакированным электрическим светом? Вечер, когда она

принарядится, наденет платье из белого льна.

Наступило лето. Неожиданно, но наступило. Хотя бы не надо больше возить детей в школу. Садиться в машину и ехать. Смотреть на других водителей как на врагов. Вся зима прошла так. Люди, в которых хочется въехать, врезаться на светофорах. Ее выводит из себя лицо учительницы, когда они опаздывают и она, опустив глаза, стягивает куртку с Космо.

«Все время опаздываем из-за твоего брата, знаешь же, он лежит до последнего!»

То она забывает взять сумку. То не помнит, где припарковала машину. Бегают туда-обратно по всей улице. Потерянные люди.

Постоянные опоздания — сущее наказание для них в последнее время.

Знак ускользающих вещей, маленьких штучек, теряющихся на асфальте. Жизнь опережает тебя, идет на шаг впереди. Тебе приходится спешить, чтобы догнать ее. Жать на клаксон.

И тем не менее ей хочется, чтобы поскорее наступил ноябрь: теплые хлопковые гетры, сапоги.

Лето она любила в другой жизни, когда превращаешься в тарантула на солнце. Гаэтано играл в воде с детьми, нес Космо на спине, она везла коляску Нико. Пели. Особый запах приморской растительности и фекалий отдыхающих дикарями. Они жили в палатке.

Останавливались там, где был виден закат. Так им нравилось. На море до самого вечера. Ждали, пока с берега уйдет последний «факир», чтобы остаться одним. Дети играли со щепками. Их маленькие тельца. Спокойны и всем довольны!

Никто еще ничего не знал. Дети были по-детски счастливы.

Ели мороженое, распивали одну банку пива на двоих.

«Выпей глоток, любимая, охладись».

«Какая ты красавица, милая, в этом платье из белого льна».

«Как тогда, когда мы познакомились: скво в белом халате. Нет, еще красивее. Потому что теперь я люблю тебя еще больше».

«Через тебя прошла вся жизнь».

«Дети уже спят в палатке. У нас куча времени и тишина, давай целоваться, хочу высосать все солнце и море с твоей кожи».

Это Гаэ подарил ей серебряные индийские сережки с висюльками, купленные у какого-то летнего продавца.

Торговец был милый, старый городской индиец. Странный тип из тех, что нравятся Гаэ. Выбирая сережки, он потратил немало времени, в конце

концов взял эти. С чем-то вроде глаза в середине. Символические сережки. Его взгляд, обращенный к ней, или глаз Бога, следящий за ними.

Делия трогает мочки ушей, слегка оттягивает их.

Сегодня перед выходом она надела сережки с глазами.

Нашла дырки, протолкнула крючочки.

Гаэтано позвонил по телефону:

«Я уже внизу».

Он настаивал, чтобы они поужинали сегодня вдвоем.

«Не можем же мы закончить вот так, словно два уроды».

«Я подожду тебя».

Она бросила взгляд вниз, на улицу. Увидела Гаэтано, стоящего перед мусорными контейнерами с мобильным в руке.

«Иду».

Одна сережка ударилась о его голос, о трубку.

«Что это за звук?»

Гаэ посмотрел вверх, в сторону окна.

Делия сделала шаг назад.

Посмотрела на себя в зеркало в этих слишком больших сережках. «Глаза» из другой жизни смешно смотрятся в городе. Смешно надевать их на сегодняшнюю встречу.

Она сняла индийские сережки, снова бросила их в пиалу с запутанными цепочками, бижутерией, запахом всяких железяк.

Вместо прямого разделила волосы косым пробором, зачесав волосы на одну сторону.

Я больше не скво. Я монашка в съехавшем набок платке.

Девушка наклоняется, ставит что-то на стол: домашний десерт в подарок от ресторана. Яблочные пончики и две рюмки, до половины наполненные сладким вином.

— У тебя еще остались те сережки?

— Какие?

— Да те.

Делия смотрит на яблочные пончики. Отвечает, что не носит больше сережек, у нее дырки заросли. Не рассказывает ему о зеркале, о том, как легко она нашла отверстия в плоти. Гаэтано чуть наклоняется вперед, как будто ищет что-то, вдруг что-то блеснет в ее черных волосах.

— Я бы взял детей на вторую половину августа, если ты не против.

— И куда вы отправитесь?

— Еще не знаю.

Кончится тем, что отвезет их в Тальякоццо. Его мать с бабушкой уезжают туда на лето, в один из домиков, провонявших пеплом. Он развалится в результате перед компьютером и будет ругаться с матерью и бабушкой при детях. Ничего нет хуже неудовлетворенного мужика, не вылезавшего из дома с услужливыми женщинами. Бабушка передвигается с помощью ходунков на колесиках, но до сих пор сама лепит пирожки. Мать выращивает марихуану вместе с другими ароматическими травами, одевается как Соня Ганди.

— Поедете в Тальякоццо?

— Я привезу им каноэ. Можем поехать на реку, устроить пикник.

Это он-то собирается выйти на каноэ? Нико слишком маленький, а Космо боится холодной воды. Он их застудит. Он же один ни хрена не умеет. Это она резала бутерброды, брала с собой клеенку.

Гаэ смотрит на нее, ища согласия.

Делии слишком знаком этот коварный взгляд пса, которого сперва накормишь, а потом он зарычит на тебя.

Гаэ отлепляет влажную и липкую рубашку от груди. При мысли о домике в глубине переулков сердце слегка сжимается. Они с Делией занимались там несколько раз любовью, на высокой старой железной кровати. Бабушка будила их запахом кофе мокко и сладких каштанов. Они казались себе любовниками из прошлого века.

Он думает о тех переулках летом, когда городок наполняется бедными туристами и возвращающимися на лето местными жителями. Бездомными. Старики в майках, женщины в халатах, которым некуда податься. Не успеваешь пообедать, как бабушка уже накрывает ужин. Постоянный запах соуса. Сделать самим себе кофе — совершить героический поступок. Вечером фруктовое мороженое, игровые автоматы, металлический шарик пинбола. Дети завалены игрушками из газетного киоска.

Он будет нервничать. И отец в конце концов что-нибудь ляпнет не в тему.

«Черт подери, ну чего ты прицепился? Кем ты себя возомнил? Ты сам ни хрена не сделал в жизни. Не можешь даже собственную семью содержать».

Набросится на этого дурака. На этого получеловека толпы с серым хвостиком, отмытого после сборищ мотоциклистов. Ничтожного отца, гнусного плевка.

Соберет детей, посадит в машину, бросит в багажник их вещи, пластмассовые сабли.

«Идите вы в жопу. И ты, мать...»

Бабушка будет пихать им с собой пакет со своей стряпней. Вся машина провоняет. Так что он вынужден будет остановиться и выбросить все в мусорный бак.

Переночуют в мотеле, все вместе в одной постели. На потолке следы брошенных тапочек и убитых комаров.

Дети заснут. Их пухлые щечки, открытые рты, пятна от слюны на подушке, волосы и спина в поту. Шум холодильника и еще какое-нибудь хреново гудение, сломанного кондиционера например, и храп какого-нибудь выродка за стеной.

В результате он закурит косяк, выпуская дым через приоткрытое окно, глядя на светящиеся фары машин в темноте.

Веселье кончилось.

Задумается об отцах, которые кончают с собой летом, когда жара высушивает то немного, что еще теплится в их башках. Об отцах без гроша в кармане, без любви, без достоинства, с большим букетом неудачных потуг за плечами. Во всем виновата женщина, которая приперла их к стенке, сначала отсосала и заставила поверить, что они самые лучшие, а потом сказала: «Убирайся, выходи из моего трамвая, безбилетник хренов!»

Однажды он спросил себя. Однажды, когда он плакал, сидя в машине, дети в зеркале заднего вида щебетали что-то по-своему. Спросил себя: «А что, если так и сделать?» Завернуть выхлопную трубу в салон. Увидеть, как детские головки опускаются сами по себе (как уже много раз было, когда просто засыпали).

И потом — во спасение от жизни, которую я произвел на свет, но не могу о ней ни позаботиться, ни защитить, ни передать миру такой: с генами собственного душевного пораженчества — умереть, свернуть палатку. Забыть о ней, о тех сережках. О нашем мире, который мы возвели и разрушили до основания.

— Космо ободрал себе лоб.

Гаэ не отвечает, кивает издалека.

— В том баре... ручка двери была ржавой...

— Им делали противостолбнячную прививку, так ведь?

— Да, кажется, делали. Где их медицинские книжки?

— Должны быть дома.

— Не могу их найти. Ты не увез их с собой?

— Зачем они мне?

- Случайно, когда забирал сценарии.
- Ты хочешь сказать, когда ты бросила в меня сценариями.
- Мне нужны эти книжки.
- Да, конечно.

У Гаэ появилась улыбка на губах. Мысли бегут так быстро, летят над этой улыбкой, не мешая ей, засасывают пыль, как добротный пылесос с грязного ковролина.

Откусывает яблочный пончик с изюмом.

— Попробуй, очень вкусные, свежие...

Да нет, лето получится отличное.

Поедет в Тальякоццо с детьми, они снова поднимутся вверх по реке, до отмели, искупаются там. Заработает себе отцовские баллы. С сегодняшнего дня он только так и будет вести себя, делать то, что раньше не делал. По чуть-чуть, по крупице завоевывать их доверие.

С отцом тоже перестанет скандалить. Попытается пересмотреть свое к нему отношение — это станет хорошим упражнением. Будет великодушным. Он хотел показать отцу, что он лучше его. И вообще, если быть честным, в прошлом месяце Гаэ дал ему тысячу евро, заплатил за него страховку машины. А тот даже спасибо не сказал. «Ладно, забудем», — бросил.

Гаэ ненавидит его, потому что не уважает. Ненавидит, каждый раз, когда они встречаются, ненавидит. Из головы не выходит, что все его беды исходят от этого ничтожного человечка, который обрубил ему ноги.

Он лежал ночью в постели, не меняя позы. Просыпался оттого, что его рука была закинута за голову. Ласкала его, будто копала, будто хотела вынуть из него мозги. Его лицо идиота (впадая в меланхолию, он и правда был похож на ненормального).

«Мы ни хрена не значим, Гаэтано. Запомни это».

Отец участвовал в профсоюзном движении. Он говорил так, когда они проигрывали какую-нибудь очередную схватку и основательно выпив.

Приходил, будил Гаэ, бормотал что-то на его подушке, словно та была исповедальней, открытой двадцать четыре часа в сутки.

На следующий день шипел, словно кобра.

Садился на трибуну футбольного поля, когда Гаэ играл. В облегающих штанах и ковбойских сапогах. (В его присутствии Гаэтано боялся промахнуться по мячу, в страхе, как бы отец не разозлился.)

А тот орал с трибуны:

«Пасуй, беги, отрывайся!»

«Мы выиграли, папа!»

Счастливый, с рюкзаком за плечами.

«Что это за команда, ваши противники? Как ватные. Ты обыграл вату».

Смеялся: «Все лучше, чем ничего».

Как можно говорить сыну «все лучше, чем ничего»? Эта присказка каждый раз возвращается к тебе, когда ты довольствуешься малым, не борешься до конца.

Когда тебя задабривают.

И вместо того, чтобы злиться, бросаться на него, думаешь сам: «Все лучше, чем ничего».

Он оглядывается, хватая воздух. Задыхается. Не понимает, что с ним. Внезапный порыв, который ему прекрасно знаком. Возненавидеть мир и себя самого на одно длительное мгновение и улыбнуться.

Теперь ему кажется, что никто его не уважает.

Вспоминает мальчишек, которые удерживали его посреди раздевалки. Бросали его маленькие ботинки в унитаз.

Он развился поздно, долго оставался ребенком среди своих ровесников. Розовая пипка, маленькие ручки. На школьных фотографиях он вставал на телефонные книги, чтобы казаться чуть выше ростом. Потом резко вырос, но это уже в лицее. Слишком поздно, чтобы вернуться назад, оказаться в той раздевалке и окунуть головой в унитаз своих насильников.

«Твои разведены?»

«Нет, а что?»

Этот вопрос Делия задала ему среди первых. Для Гаэ было естественным иметь полную семью, он не представлял себе другого. Да, его раздражали и мать со своей хрупкостью, неуверенностью, но одновременно и крепкостью, будто какая-то неполноценная бабочка, и отец, который таскал ее с собой на мотогонки по пересеченной местности. Для него брак не был чем-то значительным. Хотя чем-то все-таки был. Неустойчивым сооружением на сваях, к которому можно прислонить каноэ, высшую семейную ценность.

С детства у него возникали неприятные образы, прямо по Фрейдю, когда он слышал, как эти двое сосутся по ночам. Потом, с возрастом, он перестал обращать внимание на союз этих слабых душ. Сделал переоценку даже своей любви к матери. Серена пекла домашние тортики для паба, болтала с соседом по дому, была добра к посторонним, но, в сущности, ничего не делала для него. Словом, недаром кололась героином и унаследовала от него жижу в голове и блуждающую улыбку.

В Делии он увидел женщину, почувствовал глубину ее натуры, шум, как от всплеска морской воды в гроте. Это была женщина, которая сбережет тебя и не бросит. Вытащит с самого дна, куда тебя затащит. Нырнет туда с ножом во рту и освободит твои связанные руки. Умрет под водой вместе с тобой, или вы вместе выберетесь на поверхность.

Делия полюбила его семью, которая показалась ей гарантией их собственного будущего. Парень, привыкший к прочности, к ссорам, которые проходят к началу воскресного обеда. Ее любовь к Гаэтано распространилась и на них. Серена хорошо готовила, и Делия подарила ей бамбуковую пароварку. Отец Гаэ ей тоже понравился, Альдо, философ из бара, подписчик научно-социального журнала «Focus». С ней он вел себя как кавалер, что-то вроде второго жениха. Первое Рождество, которое она провела с ними, стало первым настоящим Рождеством в ее жизни, Альдо взял гитару и запел: «Серенелла, я отвезу тебя к морю, увезу тебя далеко...»

Гаэ скалился, она смеялась.

«Такой милый... Ты не знаешь, что значит иметь отца, не вылезавшего из депрессии».

Позже она поймет, что они такие же мертвые и ничтожные, как и все. Когда занавес закроется. Они передали ей по наследству сына их безответственности, их искусственного счастья, искусственной любви. Двое из поколения «шестидесятников», таких же недоделанных, как и их революция.

— Как поживает отец?

— Перенес операцию простаты.

— Знаю. Твоя мать говорила.

— Они все еще трахаются.

Смотрит на нее, обдумывает.

— Рак простаты передается по наследству?

— Не думаю.

Смеется, улыбается и она.

— А где вообще эта простата находится?

— Не знаю...

— Как так не знаешь, ты же врач.

— Я не врач.

— Ну почти, разве нет?

— Нет.

Он заказал еще одну рюмку крепкого ликера. Дижестив. Для

пищеварения, сказала официантка, но в голову тоже ударяет. Официантка улыбается, показав ряд идеальных зубов.

— Оставлю вам бутылку.

Делия кивает такой ядовитой любезности.

Гаэтано смотрит на шею Делии. Он уже не раз представлял, как проведет по ее окружности шариковой ручкой «Vis», воткнутой в сонную артерию.

В один прекрасный день ей перестало нравиться то, что он пишет.

Конечно, он тоже знал, что по большей части это было одно паскудство, что надо вкладывать больше искренности, больше честности и все такое, бла-бла-бла...

Но жизнь писателя хотя бы отдаленно должна походить на то, что он пишет. А какую жизнь он вел, сидя дома? Решал мелкие бытовые проблемы, оплачивал счета, раскладывал в холодильник замороженные продукты... Да даже и за его пределами? Вел разговоры с пустейшими людьми, занятыми только самими собой, чем еще? Город, как рекламный плакат с изображением дерьма, не бедствий, а просто многоярусного дерьма, точно многоуровневой парковки. Ему надо перенести действие одной серии в Мехико — поганый город с безнадежной, но зато настоящей жизнью. Съездить в новое место и обкуриться как следует.

Теперь, может быть, к нему вернется хоть капля вдохновения.

В африканском по названию, а фактически заповенном китайцами квартале. Один в полуподвальной убогой квартирке. На маленьком диванчике со следами того, кто дрочил тут до тебя. Годы одиночества в резиденции для мужчин с синдромом Бордерлайна, имеющих большие проблемы с самоидентификацией.

Да, может, здесь к нему и вернется капелька этого самого офигенного вдохновения. Чтобы написать что-то вроде учебника по выживанию. Мир полон подобных ему неприкаянных людей, замкнутых на себе индивидуумов, у которых еще не до конца отбито желание мечтать о чем-нибудь неординарном.

Он вставит туда и свою историю с женой. Чтобы позлить ее, смачно опишет ее гениталии.

Ему достаточно будет одной только книги, единственной и безрезультатной, как «самиздат».

Наверняка он добьется крупного закулисного успеха. Кто-нибудь из издателей заинтересуется им. Может, подцепит кого-нибудь. Какую-нибудь девушку в кедах и юбке с неровным подолом, о которой мечтает. Та будет

рыдать, читая его собачьи бредни. Как Делия поначалу.

Как же ему не хватает того взгляда! Кто его не испытал, спокойно живет себе и обходится. Но если только какая-нибудь нахалка укроет тебя крылом, даст тебе почувствовать себя героем, ты будешь потом всю оставшуюся жизнь, словно нищий, бродить в поисках тех век, которые открываются только затем, чтобы посмотреть на тебя, и смыкаются, чтобы сделать тебя своим узником.

И звезды наблюдают за тобой.

И взгляд их не грустный и далекий, а близкий и мерцающий, как у тех, что ты приклеивал в детстве к потолку.

Однажды Делия сказала ему:

«Это рай».

Она наговорила ему кучу подобного бреда.

Если уж на то пошло, он тогда еще должен был послать ее на фиг.

Согласен, был околдован, сказочное красное яблоко, — но как можно верить такой глупости!

Он нуждался в ней, а она взяла и слопала его.

Они начали жить вместе практически сразу. Он поставил книжный шкаф, основание для кровати-татами. Попросил у нее разрешения повесить боксерскую грушу на стену: у него и крючок был наготове. Она ответила ему с улыбкой, своей обычной вежливой улыбочкой:

«Если тебе непременно надо разбить кому-нибудь физиономию, пожалуйста, можешь вернуться домой хоть в крови. Но оставь свою злость за этой дверью».

Вот черт! Нашлась тоже учителька! Разве можно пойти наперекор той, которая, улыбаясь, ставит тебя на место?

— Что ты собираешься делать?

— В каком смысле?

Он хочет знать, что она собирается делать, как она собирается жить в «интимном плане»?

Делия поднимает бокал, до конца наполненный тем сладким дижестивом, и уже вправду выпивает вино. Тяжелыми глотками, как какое-нибудь лекарство.

— Почему я знаю, как надо жить. Тебе что, кажется, я имею об этом хоть малейшее представление?

— Ты всегда знала все.

— Я встаю с утра и одеваюсь, потом одеваю детей. Вот так и живу.

Гаэтано смотрит на нее, смотрит на ее ладонь.

— Ты мастурбируешь?

Что он такое говорит, дурак? Она еле сдерживается, чтобы не заплакать. Знает, что сделает это позже, в одиночку.

— Ты уже достаточно выпил, попроси счет и уходим.

Но у Гаэ нет теперь желания уходить.

— А я часто мастурбирую.

Делия спряталась, уткнувшись в свои руки. Смотрит на свечу, на ее пламя, в котором утопает. Усталость и тошнота берут верх.

Гаэтано улыбается:

— А потом плачу. Кончаю и плачу.

— Да уж, грустная картина.

Гаэтано хотелось бы взять ее за руку.

— Но мне не грустно, должен тебе признаться. У меня все хорошо.

— Тем лучше для тебя.

— Я не собираюсь больше страдать. Однажды утром я проснулся и сказал себе: все, хватит.

Старики едят десерт, один на двоих, она кормит его. Вкладывает маленькую ложечку в рот мужа, потом отделяет небольшой кусочек для себя, облизывает ту ложечку.

Должно быть, это традиция, ритуал, который они с удовольствием воспроизводят. Он послушно открывает рот, принимает ложечку губами, словно совершая обряд причащения. Делия предполагает, что между этими двумя людьми до сих пор существует чувственное притяжение. У женщины высокая грудь, как у бывшей танцовщицы. Она не стесняется обнажить для него свои руки с обвислой кожей. Хрупкая и живая любовь, покорно постаревшая вслед за телом.

Скорей всего, у них юбилей, дань памяти. Делия подвигала рукой в пустоте перед собой.

Смотрит на Гаэтано, на вытертую рубашку, мокрую возле молодой, но такой несчастной шеи того, кому трудно дышать, кто задыхается, но вместе с тем хочет еще многое сделать. Смутные желания, спутанные с разочарованием, все так плохо перемешанное.

Они не сумели поделиться. Они по неопытности пожадничали. И никто не протянул им руку помощи.

Ее подруга Бенедетта посоветовала ей не сдаваться, верить в дар любви, в детей. Она встретила ее у цветочного ларька, который держит египтянин. Бенедетта начала катехуменат: подготовку к сознательному крещению вместе со своим мужем. Они встречаются с другими парами в

церкви их района, общаются, организывают сбор пожертвований для малоимущих и для миссионеров. Обмениваются колясками, поношенной одеждой и обувью. У всех много детей разного возраста, но все на одно лицо, как матрешки, вкладывающиеся одна в другую. Они не следят за своим внешним видом, поют, обратив лица к небу. Но в земной жизни не сильно отличаются от остальных. Обсуждают финансы, принимают антидепрессанты.

Делия побывала на их собраниях.

«Мне плохо, я не уверена, что люблю мужа, мы как будто потерялись в лабиринте» (этот образ лучше всего отображал ее положение: восхитительный и ужасный лабиринт английского сада).

Из толпы раздался чей-то голос, мол, добиваться «такого рода любви» — ошибка.

«Жить собственными страданиями — выражение высокомерия».

Но в их глухом смирении, казалось, мелькали искры надменности. Большая любовь, которую они проповедовали, не нисходила на их неясные и недовольные, как у нее самой, лица.

Если таков тот краешек мира, где можно притулиться, не переживать и не теряться в лабиринтах, — тогда ей попросту неинтересно жить.

Гаэ хотел стать актером. Актеры были единственными людьми, которые ему хоть немного нравились, единственными, кто пытался вонзиться зубами во что-нибудь еще, кроме банальностей. Он знал, что не обладает особенным даром, но не унывал. Начал с внешнего вида, стал одеваться определенным образом. Искал себя, увлекаясь рок-группой «Оазис», слушая их с закрытыми глазами. Напрягал мускулы, бицепс или икру до сильнейшей боли. Искал правильную «температуру». Думал, что все начинается с этого, с зависания, с «нереального» состояния души. Надеялся достигнуть всего этого за один присест.

Поэтому его, наверное, так зачаровывали телевизионные маги, которые дрожали, прикрывая глаза. Он догадывался, что они шарлатаны, но был убежден, что большая часть актеров и состоит из талантливых обманщиков. И что страх разоблачения всегда угадывается в их глазах.

Как сценарист, он обладал способностью сыпать шутками в хорошем темпе. Но если писал для себя — совсем другое дело! Чтобы отвлечься, шел сначала позаниматься немного спортом, прежде чем начинать биться по-настоящему, на мониторе.

Сидел в еще мокрой от пота толстовке (небезызвестной «All Blacks»), с чашкой кофе и приготовленным косячком, чтобы наградить себя.

Настроен он был решительно. Куски рваных фраз, точки: как из пулемета. С опущенной головой боксера, который не смотрит на противника. Потом неизбежно застревал на какой-нибудь двусмысленной фразе, значение которой ему самому не удавалось уловить.

Поднимал голову, смотрел на экран. Никогда нельзя этого делать — уже проверенный губительный механизм. Упорно не хотел менять фразу, точно кроме нее на свете ничего не осталось. Шлифовал, заменял синонимы, переставлял их, пока не выхолащивал из них всю правду.

Постоянно злился на весь мир вокруг, на пачку туалетной бумаги, которую дети тащили из туалета к его компьютеру, чтобы он вытер им попу.

Делия оставляла его одного с этими двумя какунами. Она, разумеется, не могла брать их с собой в студию, а он работал дома. Оставляла им обед в холодильнике и записку с нужными телефонами. Он включал Discovery Channel (экстремальные испытания, кубические медузы, желтые лягушки, сериал «Выжившие»), кормил их прямо на ковре: сырыми сосисками с джемом.

«Ты знаешь, что оставляешь их в обществе неадекватного человека?»

«Ты их отец».

«Только не совсем адекватный!»

Делия смеялась. Это точно, его нельзя было назвать банальным отцом. Но зато научатся выживать в пустыне, питаясь личинками и гигантскими муравьями.

Дети не слушались его. Когда он кричал на них, они смотрели на него, как будто он мучится от рези в желудке и кричит от боли. У него не нашлось настоящего подражателя, которого заслуживал молодой отец, ползающий под ковром с нарисованными лягушками, изображая «выжившего» и пренебрегая работой писателя, создателя иллюзий.

«Я слишком многого лишуюсь из-за вас».

Изредка он говорил так детям. Когда брал их на руки и разговаривал с ними серьезно. С красными от марихуаны глазами.

В действительности он никогда не стремился копать глубоко.

Делия как-то высказала это ему:

«Тебе совершенно не грозит умереть смертью самурая».

Гаэ соорудил свою гримасу идиота:

«Я не Мишима! Не депрессивный педик вроде него!»

«С тобой вообще невозможно разговаривать... Если бы вся эта фантазия могла вылиться во что-то толковое...»

«Мои сценарии нельзя назвать плохими... Некоторые так очень

удачны».

«Да... в общем-то, да».

И снова теплая вода. Как можно жить с человеком, который не испытывает к тебе страсти? То же самое, что плавать в теплой воде. Еще не жарко, но уже не холодно.

— Сейчас, когда тебе никто не мешает, у тебя получается больше работать?

Гаэ кивает, вспоминает маленькую квартирку на бульваре Сомали. Китайского ребенка, который возит игрушечную машинку по решетке его окна.

— Я соскучился... Ностальгия — замечательное чувство для писателя.

Он делает небольшой глоток вина, кладет руку себе на живот. У него плотное телосложение, с небольшими излишками под рубашкой, под поношенным пиджаком. Ему надо начинать бегать, если он не хочет потолстеть.

— Так ты говоришь, писатели не умеют находить общий язык с миром?

— Они придумывают себе всех этих персонажей... Стремятся близко понять только их... И соответственно только себя...

— Я не такой.

— Так ты ведь не настоящий писатель.

— А кто же я?

— Ты такой же, как все. Ищешь любую лазейку, лишь бы самоутвердиться. Ты так и не научился жить с нами.

— Со мной никто не считался...

— Так ты ушел.

— Ты выгнала меня.

— Я еще не дошла до того возраста, чтобы иметь сына-подростка. У меня уже есть дети. Может, спустя годы я и научилась бы тебя выносить.

Им надо было потерпеть всего несколько лет. Еще одна горсть добавленных страхов, и они бы, может быть, не расстались.

Сумели бы спокойно принять жизненную неудачу, как добрая половина женатых пар, растянуть ее во времени, как жилищную ипотеку. Пока не привыкли бы к потрескавшимся стенам, к щелям, в которых можно скрываться время от времени.

Мать Гаэ за бутылкой темного пива как-то сказала ей: «Когда стареешь, опускаются крылья. На смену приходит одно большое

разочарование». Спутала с фильмом, засмеялась. «Большая любовь, я хотела сказать».

Далекий грохот, стук металла, как при жестком ударе. Ночная авария на каком-нибудь дурацком перекрестке с улицей Номентана.

— Будем надеяться, ничего страшного не случилось.

Делия озирается вокруг со своим умирающим лицом, озабоченная судьбами мира. Наверное, думает о чем-нибудь несчастье по нелепой случайности.

Гаэ съедает еще один пончик. Жизнь вертится в темноте с тобой или без тебя, во всяком случае независимо от тебя. Кислотность повысится. Ничего страшного, примет маалокс.

Пальцы пожилой женщины прошагали по столу к мужу, и он тут же накрыл ее ладонь своей, быстрым скрытным движением. Гаэ смотрит на этот контакт старческих рук с пятнами пигментации. Словно говорящих: «Я рядом, я укурю тебя, как одеялом ночью, как сокол своим старым крылом, чтобы всегда оказаться рядом, чтобы не заставлять тебя страдать от одиночества ни одной секунды».

Гаэ спрашивает себя, может, та рука уже крышка гроба, или же под ней еще трепещут жизнь и счастье, которые лучше всего его никчемного будущего. Ему захотелось стать стариком. Только чтобы представилась возможность узнать, что прячется под той рукой.

— Кто из них умрет первым?

— Что?

Делия смотрит вдаль, на другой столик, на другое море.

— Те двое... спрашивают друг друга, кто из них умрет раньше.

— Откуда ты знаешь?

— Такие вопросы в какой-то момент все старики начинают задавать себе.

Гаэ надувает щеки, как воздушный шарик, потом выпускает воздух с неприличным звуком.

— Ну...

— Что «ну»?

— Мой дедушка умер, выдохнув «ну...».

— И что?

— Ничего, прекрасный способ покинуть мир. «Ну».

Делия потягивает шейю, как будто вылезает из тяжелого панциря.

— Можно мне зайти за своей одеждой?

— В любое время... Когда детей не будет.

Гаэ думает о своих тряпках, джинсах и майках, сложенных в шкафу рядом с ее вещами, пакетами с одеждой, которая стала мала детям.

Думает, что, убирая маленькие вещи, она тайком целовала какой-нибудь слюнявчик. Можно было увидеть, как проходит жизнь, в тех малюсеньких джинсах и комбинезончиках с пятнами от сока.

Купания в ванной после прогулок по парку вечером в воскресенье, потом под одеяло в махровых комбинезончиках. Сначала их укладывали на большой кровати. Две головы на подушках. Наконец-то чистенькие, пахнут свежестью, готовы к следующей неделе. А сами Гаэ и Делия уходили, открывали вино. Пытались быть счастливыми. Новая плоть в комнате. Их собственная — на кухне. Бамбуковые салфетки. И все те же грезы: «Хочется жить, хочется выразиться, хочется, чтобы моя душа реализовала мечту». Ставили негромкую музыку, двигали в такт головами.

Квартирка — маленькая. Убрать вещи, чтобы не мешали, коляски, горы игрушек, — надо было немало потрудиться. Гаэ паковал, клеивал скотчем. Дни уборки нравились ему больше всего. Вверх-вниз, в подвал и обратно, к желтому контейнеру с мусором. Разница ощущалась сразу — пустой угол между столом и холодильником. Несколько свободных сантиметров в той квартире было настоящим шиком.

— Ни разу не встречала другого такого несобранного, как ты...

По возвращении из своих телевизионных командировок Гаэ открывал на полу в центре гостиной чемодан на колесиках, доставал только зарядку для компьютера и палочку лакрицы для детей. Делия наклонялась, вытаскивала трусы, грязные носки. Они с трудом налаживали совместную жизнь. Он мотался по гостиницам, не обремененный ничем, в свободном графике, номер убирали. Наверное, дома его все раздражало: обгоревшая ручка кофейной турки, жесткие полотенца.

Приняв душ, каждый раз оставлял после себя беспорядок.

«Убери халат!»

Тогда они сильно поссорились. Она подняла халат, привела в порядок ванну. Потом позеленела от злости, как зеленый Халк Нико.

— Я исправился...

У него и сейчас грязная одежда засунута вперемешку с чистой, зубная щетка валяется на кухне, рубашки как принес из прачечной, так и лежат в целлофане... Но с сегодняшнего вечера он начнет наводить порядок.

«Это из-за брошенного на пол халата мы и развелись?»

На самом деле ему глубоко наплевать на оставленные у нее вещи. Джинсы, они из какой-то другой жизни, с другой задницы. Разве вот только майка из Лондона со скелетом... Ее бы он хотел снова ощутить на теле... Правильно выцветшая, правильная толщина хлопка. Но вообще-то что, разве других маек на свете нет? Не самую же последнюю он привез тогда? Когда был счастлив, хотя бы немного. Когда был еще дураком, но не обращал на это внимания.

Теперь ему становится плохо, он вспоминает запахи домашних вещей: стиральной машины, ароматических палочек, которые она втыкает в апельсин. Семья.

Гаэ кривит рот, хватая воздух.

— Будешь еще что-нибудь?

— Нет, попроси счет.

Мне хотелось бы остаться, но раз ты хочешь, пойдём, вечно ты командуешь, невозможная тварь, невозможная мечта. Когда женщина запирает тебя в клетке своего плохого настроения, своего выражения лица? Когда начинаешь соперничать и проигрывать?

— Знаешь, выброси все, пошло все...

Делия смотрит на это сумасшедшее лицо. Уже несколько месяцев он достает ее тем, что хочет забрать свои вещи. Она возненавидела его: «Этот кретин думает только, как бы получить назад свои майки, свою хрень, гантели...»

— Как знаешь.

— Засунь все в два больших черных пакета для мусора и выброси.

Выброси труп.

Гаэ хотел бы сказать: поддержи еще немного дома мой труп... Как удар в лицо — дом без единого его носка. Пройдут годы, произойдет много всего, но ни от него, ни от его временного пребывания в трех комнатах этой квартиры не останется и следа.

— Вы соскучились... Вы соскучились без меня хоть немножко?

Вот черт! Как только у него язык повернулся?

Она смотрит на него с явным презрением.

— Я много, конечно, всего натворил... так что... представляю... вам лучше... наверняка вам лучше без...

Она бросила мороженое ему в лицо, а он так ничего и не понял.

— Что за необходимость начинать скулить?

Злость в эту минуту стала холодной и плотной, как кирпичи из прессованного железа, которые они видели на концептуальной выставке.

— Да, нам лучше.

Та лондонская майка... она снимала ее с него, когда они занимались любовью... Где это было? В квартире его друга... он поднимал руки, и она стягивала ее.

Как-то вечером Делия нашла ее и ей захотелось уткнуться в нее лицом. Да, она выбросит ее в мусор, этот принт скелета, и все остальное.

Ей надо идти. Дети проснутся и захотят воды, захотят побыть с ней, прижаться к ее телу, чтобы ночной кошмар превратился в покой.

Если бы только на ней не лежала вся эта ответственность.

— Кто тебе сказал, что мне не одиноко? Может, мне еще хуже, чем тебе?

— У тебя хотя бы дети.

Именно дети и заставляли ее ощущать еще большую пустоту в душе. Да, они заполняют ее день, но они же и съедают у нее всякую мысль о себе самой. И когда она смотрит на них, она не может не задаваться вопросом: «А где их отец?» Она живет с двумя сиротами.

Не исключено, что в один прекрасный день новый мужчина будет рядом с ней, с ними. Но это уже будет не то.

Гаэ вытащил книжечку с чеками. Делия смотрит на голубой блокнотик.

— Ты банк поменял?

— Да, этот возле дома, удобнее, очередей никогда нет...

— Предложили хорошие проценты?

Подкальывает, он понимает. С определенного момента она начала подкальывать его, с тех пор как разлюбила.

— Нет там никаких выгодных процентов... Просто мне нравится их отношение.

— Разумеется.

Делия видит его в том банке, представляет, как он оглядывается вокруг, ища, к кому обратиться... достать кого-нибудь. В руках держит шлем, переминается с ноги на ногу — не уверен даже, на какую ногу лучше перенести вес тела. Как всегда в погоне за стабильностью. Улыбается, пропускает вперед старушку или какую-нибудь секретаршу с грудой чеков на оплату. Потом склоняется, облокотившись, к окошку, встречается глазами со служащей... своим влажным взглядом, в вечной погоне за одобрением и близостью.

— У тебя есть ручка?

Подошла официантка, дает ему ручку. Он благодарит ее кивком

головы.

— Сейчас отдам.

Скорей всего, они обменяются адресами в Интернете. Проводит Делию и вернется сюда. Начнет пороть всякую чушь. Потом внезапно взглянет на нее серьезно, и она поверит его глазам. Он положит свою судьбу к ногам незнакомки с извинениями, мол, пришел ручку вернуть, чтоб не растерять до конца навыка любовной размазни в жестком постсупружеском падении.

О, если бы и она могла еще раз обмануться, хотя бы раз!

Снова стать вывернутым наизнанку мешком, броситься со всеми потрохами в одну ночь. Она знает, что будет нелегко. У нее на глазах прибор ночного видения. Она сумеет разглядеть отказ, не допустит ни малейшей возможности очутиться голой, но неподготовленной. И сколько ей представится еще подходящих случаев?

Мать не может позволить себе ошибаться, обжигаться.

Она вернется домой. Расправит плечи в лифте, чтобы поднять себе настроение. Она одинокая женщина и никакая не артистка. Огрызок женщины. Одна из многих авангардисток. Пойдет пополнять их ряды. Новомодные тридцатилетние одиночки, которые встречаются за бокалом вина, посмеиваясь, гурьбой заходят в секшопы. У нее есть такие подружки, Карлотта, Альберта. Бывшие одноклассницы, которые пропустили свой поезд и теперь ждут, когда сойдет с рельсов чей-нибудь брак, чтобы какой-нибудь растерянный пассажир угодил к ним между ляжек.

«Кризис». Это современное слово звучит так же ужасно, как и «рак».

Неуязвимое, оно распространяется повсюду. Вторгается извне. Огромная медуза, которая внезапно затеняет твою дыру света в темном море города.

Гаэ даже слышать не хотел этого слова.

«Да какой кризис? Мы смертельно устали, и только».

«Мы больше не хотим друг друга».

«Я ужасно люблю тебя».

Гаэ шел на кухню и готовил свежавыжатый сок из апельсинов на двоих. Он купил профессиональную соковыжималку для цитрусовых, занимающую слишком много места на их маленькой кухне. Все купленные им вещи занимали слишком много места. Он всегда покупал что-нибудь чуть-чуть больше, чуть-чуть дороже, чем надо, — была у него такая привычка решать вопросы как бы раз и навсегда. Идеальный клиент для

продавцов — отчаявшихся патологических лгунов, как и он сам.

Он выжимал целый килограмм апельсинов.

«Выпей за десять секунд, потому что после пятнадцати витамины ни фиги не действуют, получится то же, что "Santal"».

И всегда так. Из книги рекордов Гиннеса. Пил сам и смотрел, как пьет она.

«Скажи правду, ты себя лучше чувствуешь?»

Полная кухня выжатых половинок апельсинов... Она смотрела на этот беспорядок. Десять лет назад они бы занялись любовью прямо там, посреди кладбища апельсинов. Она бы смеялась и потом вздрагивала, глубоко дыша полной грудью, и легкие, агонизируя, наполнялись бы чистейшим воздухом, тем, ради которого стоило, едва родившись, выучиться дышать.

Однако он не особо и изменился. Тот же взгляд, готовый к любым торгам, лишь бы его любили и принимали. Те же самые уловки.

Но она смотрела на него теперь с другого ракурса. Находясь в другой точке своей жизни. Рождение детей и все такое. Мощный скачок вперед. Много окон позакрывалось или начинало закрываться. И что касается работы тоже. У нее была возможность устроиться в окрестностях Рима, в специализированной клинике по проблемам питания подростков, но она не могла позволить себе работать в пригороде и возвращаться домой в десять вечера. Она осталась в здании абрикосового цвета рядом с домом, гостьей медицинского урологического центра.

Людей, проходящих к ней, совершенно не интересовало правильное питание, они просили лекарства от анорексии, чуда. Делия ставила галочки напротив продуктов, которые можно употреблять, на заранее напечатанных бланках. Пробивала официальные чеки (в отличие от уролога), но честность не делала ее счастливее. Ей никогда не быть социально полезной. Она жила, погрузившись в некую осторожность, всегда немного фальшивую, озарявшую ее дни тусклым блеском. Она привыкла.

Во дворе гулял кот с драным хвостом. Красивый, но из-за своей мертвой антенны он сделался грязным и пугливым. Делия видела, как он пробегал. И после него проходила семья, оба в «выходных» пальто. Она думала о своем браке. Чувствовала себя так же, пытаясь притворяться, что ничего не происходит, но это было уже невозможно. Она не хотела, чтобы лучшая часть ее умирала, ее антенна, ее интересы. Слишком рано было верить, что жизнь вся сосредоточена в этом самом хвосте.

Когда-то она хорошо готовила. Теперь готовила только для детей, она и

Гаэ питались на скорую руку: пюре, палочки из трески.

На столе всегда одно и то же. Не хватает только этого. Чтобы понять, что нет никакой спасения. Вместо привкуса приятных воспоминаний остается только привкус скуки.

Старик с соседнего столика попросил счет. Щелкнул пальцами в воздухе, точно кастаньетами.

На какой-то миг Делии привиделся отец. Иногда ей кажется, что она видит его, когда, не включая даже свет в коридоре, снимает пальто в полутьме.

Он умер от инфаркта в портовом баре Амальфи. Делия быстро покончила с организацией похорон. Космо только что родился, ей было ни до чего.

Однажды она начала со злостью думать о прошлом. Ей казалось неправильным, что отец никогда не видел ее такой, какая она сейчас, — матерью двоих детей. Ей не хватало его. Как будто дверь открывается и дедушка Никола надевает на Космо и на маленького Нико зимние куртки, берет их с собой прогуляться на руины римского Форума или в планетарий. Отец ведь чего только не знал! Гаэтано же был таким молодым, таким бесшабашным. Делия любила его, но теперь ей не доставало той спокойной фигуры, отдалившейся от ее жизни без всякого предупреждения. Она думала об этом по вечерам, когда чувствовала себя смертельно усталой, когда Космо не спал и царапал пальцем стену с тихим, но противным скрежетом.

Для нее это было синонимом одиночества... царапать тишину.

«Успокойся, миленький».

Однажды она остановилась, поняла, что катится под гору. Делает вид, будто двигается вперед, растит детей, стоя на ленте транспортера, увозящего ее назад.

В Делии сочетались несколько разных женщин. И Гаэ нравились они все. Слой на слое, лед и пламя, все цвета чувств. Ощущение, что ветер разнесет ее на части и ты должен удержать ее, чтобы она не распалась. Ему безумно нравилось разговаривать с ней, видеть, как она меняется, смотреть на все ее разные выражения лица, все ее движения, которые она высвобождала. Скачущий табун в глубине глаз индианки. Она вся была — раздолье. Антискука.

А потом ее суетливость стала действовать ему на нервы. Какая женщина придет домой сегодня вечером? Усталый диетолог или

психопатка, жаждущая любви?

«...Это наши лучшие годы, а мне они кажутся худшими...»

«Мы просто живем, мне кажется...»

«Тебе так кажется?»

С юности она нарезала яблоко на мелкие кусочки, все мельче и мельче. Теперь этим яблоком стал он. На голове легендарного героя Вильгельма Телля. Стрела за стрелой. Каждый вечер — по выстрелу.

И как-то вечером, когда чувствуешь себя совершенно раздавленным, Делия произносит:

«Мне до ужаса не хватает отца... а ты этого так и не понял».

Гаэтано хотел бы услышать: «Мне не хватает тебя».

Ему очень не хватает ее. Не хватает их «всех».

Но он старается быть мужчиной, утешить ее.

Делия затягивает старую песню о концлагере, о глобальной грусти ее отца, о его смерти, которая не что иное, как самоубийство, «форма самоубийства»...

На что хочется ей ответить: «Ты спятила? Что ты, на хрен, несешь? Он умер от инфаркта, покатался на яхте типа "Swan-45" со своим другом-стоматологом, с охренительным парусом, с тиковой палубой, выпил аперитивчика на своей тайной вечере. И сдох от инфаркта, держа мартини со льдом в руках. Повезло!»

А тут — вранье на вранье, поддакивать, дать ей выговориться. А потом она произносит: «Ты не слушаешь, витаешь где-то, ты перестал понимать меня, отдалился...»

Еще минуту назад ты хотел трахаться (даже если она опять ссохлась, как раньше, только лицо стало еще более костистым, а тело — еще жестче). Сейчас ты хочешь умереть от инфаркта прямо перед ней, как ее отец, чтобы тебя хоть немного полюбили. Тыходишь к бутылкам, наливаешь себе что-нибудь покрепче. Умереть со стаканом в руке. Ты чувствуешь, что это единственный способ быть замеченным в этой хреновой семье, которая богаче и умнее, чувственнее и поганее, чем твоя.

С какой-то поры Гаэ стал казаться ей глупым. Его сокровенный загадочный взгляд, его глубоко посаженные глаза превратились для нее в две блестящие пуговицы — без какой-либо глубины. Она стала замечать его обезьяньи гримасы. Слышать, как он чавкает. С детства он питался бутербродами и кока-колой. Таким он и остался, любителем фастфуда, только взрослым. Манящая быстрая еда, раскрашенная цветными соусами.

Даже его смех теперь раздражал ее. Вначале его жизнерадостность и

легкий юмор казались ей искренними. Когда тебе поднимают настроение, в шутку кидаясь маленькими пончиками. Теперь она видела в нем балабола из реалити-шоу. Особенно когда он встречался с каким-нибудь дружком с телевидения и ржал как жеребец над всякой ерундой. Потом возвращался домой и разваливался на диване, мрачней:

«Я всем нравлюсь, кроме тебя. Одну тебя тошнит от меня».

«Они не знают, что ты собой представляешь на самом деле».

С ней он играл другую музыку — басовые ноты, невроты, вросшие, как ногти, которые Гаэ обкусывал до крови.

Все произошло удивительно быстро. А казалось таким прочным. Об этом Гаэтано хотел бы рассказать каждой проходящей мимо паре, если ему вообще хотелось принести кому-то добро, дать кому-то совет. Не верьте себе, не обольщайтесь, что вы что-то построили.

То, что еще день назад казалось тебе невыносимым, сейчас — вот оно, пожалуйста. Твоя жена, похоже, осатанела, да ты и сам отнюдь не выглядишь героем. Ни с того ни с сего злишься на детей. Потому что они бегают, потому что они живые. Потом подлизываешься, лежа на их подушках.

В кого я превратился? — слышится внутриутробный голос. Да нет, это голос жены: «В кого ты превратился?»

И ты осознаешь, что стал копией своего отца. Пока прикидывался, будто убегаешь со всех ног, подальше от того, кто произвел тебя на свет. Повторяешь его слова: «В этом доме я ни хрена не значу». Наконец-то ты стал самим собой, даже хуже себя самого. Теща начинает бесить тебя не на шутку — приходит в твой дом, чтобы молча укорять тебя, смотрит на твой кавардак, гладит по худой спине твою маленькую скво. Настрой против тебя сближает их. Сплетение кишок индейского племени сиу, воскресших только для того, чтобы поймать тебя. Вернулся исчезнувший смертоносный язык первородной семьи.

Первый смех Нико. Достаточно было бы только его.

В пиццерии на море, за городом, куда они приехали на день. А вечером пришли сюда, все обгоревшие. Нико сидит в коляске, Космо подходит к брату, подает ему кусок пиццы, и они растягивают моцареллу из одного рта в другой... Ему кажется эта игра самой лучшей на свете. Космо строит ему смешную рожицу, и Нико начинает смеяться, вначале издавая какие-то нелепые звуки, а потом уже смеется по-настоящему. Хохочет до упаду, и они сами хохочут в экстазе, и вокруг них люди смеются, потому что такой

маленький ребенок закатывается от смеха... И Космо за ним следом — и теперь оба-два брата хохочут без остановки.

Тот смех. Когда закончился тот смех в их жизни? Казалось, он должен был спасти их, сломать раз и навсегда все препоны к счастью. Вправду казалось, что Нико спасет их своей радостью, легкой, как его характер. Ее зубы были изуродованы, но она и не вспомнила о них. Почему они не остановились тогда? Разинутые рты, застывший смех — как в финале американской комедии.

Гаэ заполняет чек, ставит цифру. Когда он подписывает, у Делии чуть перехватывает дыхание. Все эти подписи они ставили вместе на листках супружеской жизни. Она знает, как он выводит «Г», ввинчиваясь в нее, словно штопором.

— Ты уверен, что у тебя есть такие деньги?

Отвечает «да», потом смеется.

— Я их заработал.

Волшебные слова. Он вполне доволен.

Он дал ей больше денег, чем мог себе позволить, оторвал этот чек, сразив ее наповал. Хочет содержать детей. Хочет быть отцом во что бы то ни стало. Он был так счастлив, когда ему заплатили. Положил деньги на счет, улыбаясь, зашел в шлюзовую кабину банка. Произошла маленькая техническая неисправность: на несколько секунд заблокировалась дверь. Ему показалось, он может поприветствовать мир изнутри бронированного стеклянного шара, в кармане у него лежали деньги для детей — отличный день, когда можно позволить себе передохнуть.

Делия смотрит на чек. Это что-то. Значит, вечер прошел не зря. Но она уверена, что больше ничего не получит несколько месяцев.

— Лучше, если бы ты перечислял на мой счет понемногу, но каждый месяц. Так я буду знать, на что могу рассчитывать.

— Пока рассчитывай на это — здесь куча денег...

Смотрит на нее, выдыхает со звуком...

— Не знаю, как я умудряюсь держаться... не знаю...

— Я тоже. Не знаю, как я умудрилась родить двух детей от тебя.

— Сука. Сука, сука, сука, сука...

Неизвестно сколько раз он повторил ей это.

Делия смотрит на него, улыбаясь и кивая ему в этот момент истины и неутешительной красоты.

Наконец-то они смотрят друг другу в глаза.

— ...Сука сука сука...

Узнают неповторимый привкус взаимного поражения, зла, которое они друг другу причинили. Жажда, которая, быть может, так и не пройдет никогда. Мы пока еще здесь, сука.

Даже когда занимались любовью, она подстрекала его на непристойные выражения. Молчаливая, пассивная, до смерти уступчивая.

— Ты мне всю жизнь испортил...

— А ты мне.

— Ты ничего не добился в жизни.

— Я знаю, и мне, на хрен, плевать.

Гаэтано смеется — смехом, который уродует его: капля слюны попадает на зубы, слишком мелкие для мужчины.

— Я переживаю за детей, только за детей...

— Оставь хоть их в покое.

— Они не заслуживают такого отца.

— А ты кем себя возомнила?

— Я не могу позволить себе твои выходки. Я делаю то, что могу... все, что могу, чтобы защитить их.

Ей хочется заплакать, но она решила, что не прольет больше перед ним ни слезинки. Не отдаст больше ему эту жидкую часть себя.

— Защитить от кого? От меня?

Делия роется в сумке, ищет что-то, бумажные платочки «Kleenex», сумка летит на землю. Не вытаскивая руки изнутри, она подхватывает ее. Встречается взглядом со старым мужчиной за соседним столиком, который, кажется, улыбается ей.

— Я не хочу, чтобы они походили на нас... хочу, чтобы они были лучше... Но боюсь, все закончится тем, что они будут похожи на нас...

— Я люблю их больше тебя.

— Ты неуравновешенный человек. Сам знаешь.

— А ты... ты злая женщина...

Сейчас у Делии возникает ощущение, будто он разговаривает со своей матерью. Как в прошлый раз, когда она присутствовала при их ссоре и он кричал матери: «Злая!» — точно обиженный ребенок. Никогда нельзя влезать в душу других людей и пытаться понять, откуда проистекают их эмоции. Потому что все смешивается в нескончаемом урагане разочарования и чувства смерти. Их брак научил ее, что близость — дверь, раскрывшаяся перед двумя людьми, рано или поздно омоется злобой.

Если бы она не узнала, не любила, не разложила по полочкам, не возненавидела каждую частичку бывшего мужа, она не считала бы сегодня

и в данную минуту его взгляд таким бесполезным. Даже наоборот, возможно, ей этот взгляд показался бы светящимся, способным осветить что-нибудь в ней самой.

Она не хочет больше никакого взаимного доверия. Не хочет разделять ничьи разочарования — любовь ушла именно из-за этого. В один прекрасный день терпение кончается и ты просто не можешь терпеть себя запущенной, уродкой, нервной немилосердной медсестрой, нетерпеливо закрепляющей капельницу.

— Я тебя тысячу раз вытаскивала, Гаэтано.

— А я? Я никогда ничего не делал для тебя?

— Делал, но своим способом.

— Раньше тебе нравился такой способ.

Делия кивнула, он прав, и она, можно сказать, с облегчением подумала, что он оказался прав хотя бы раз. Она так устала быть вечно правой, как все дураки.

Он смотрит на нее и, вероятно, вспоминает самое начало, как все было легко тогда. Его выражение лица изменилось. Стало таким, с каким он тогда рыскал по всему дому в надежде найти шоколад.

— Поначалу мы тоже ссорились.

Да, это так. Он помнит больше ее. Они ссорились, как дети, которые не хотят уступать. С трудом прилаживались друг к другу — их настолько переполняла энергия, что они попросту не могли избежать конфликтов.

— Нам ужасно нравилось ссориться...

— Нет, мне никогда не нравилось.

— Зато тебе ужасно нравилось мириться...

«...Заниматься любовью», хочет он сказать. Но боится. Стыдится вспомнить что-то, что несет в душу запах, образ, до того их, до того мертвый! До того родной, что можно умереть. Переплетенные ноги, волосы, все остальное. То, что «после». Она стоит у окна. Ее силуэт. Живот тогдашний: сын вот-вот должен родиться. Лавина воспоминаний, наваливающихся разом, которую невозможно остановить. Полная жизнь. И вдруг: раз — и ты уже рядом со смертью. За три наносекунды. Когда они пытались заняться любовью и у них не получалось, они смеялись, подшучивая над собой, подшучивая над своей болью. Разыгрывали из себя друзей, одноклассников на школьной экскурсии.

Делия начала очищать мидии. Гаэ смотрел на песок, который сочился из раковин, думая об их жизни, о городе, о бессмысленных отношениях.

«Уедем, оставим детей».

Снова поехали к горячим источникам.

На этот раз в спа-отель, в великолепный гостиничный номер. У них совсем не осталось энергии, чтобы находиться на виду у всех среди белой грязи и ароматических свечей.

Никогда нельзя возвращаться в те же места. В святилища.

Никогда нельзя совершать этот губительный шаг назад.

Повсюду слышатся голоса, даже кусты разговаривают и шепчет вода: «Нет того, что было прежде, никогда больше не будет...» Точно вы — это уже не вы, а другой мужчина и другая женщина. Все, что вы слепили сейчас, кажется всего лишь комком грязи.

Продержаться — вот чего вы хотели в тот вечер несколько лет назад. Вы были так испуганы... ощущение, что теряете друг друга... теряете себя в этих густых водных смесях... засасывающих. Та неуверенность и была любовь. Та протянутая рука в воде. Теперь ты знаешь, что она здесь. Два крепких, непроницаемых тела, идущих по следам обретенного опыта. Тела, которые, однако, в этой теплой воде совсем ни хрена не значат, не придают вам уверенности. Она замерзла. И ты говоришь ей: «Выходи, если хочешь, иди в номер». Тебе больше не страшно ее потерять. И ты уходишь под воду с головой.

«В чем секрет вечной любви, вечно обновляющегося путешествия? Действительно ли все дело в гормонах, псах, бросающихся друг на друга?»

Боже, как вокруг заливалась природа! Отсюда-то и пошла порча.

Гаэтано запнулся о ветку, ему стало больно, он подвернул лодыжку. Рядом стояли туристы, отмокающие бельгийцы, головы в темноте, брюссельские капуста. Они подошли ближе друг к другу, даже пошутили немножко.

«Где там дети? Кто этот псих, который не может успокоиться?» Узнаешь запах ее дыхания — и любимый, и вместе с тем слегка раздражающий.

Делия вышла из воды, звонит детям, мокрой рукой держа трубку, в распахнутом халате.

«Даю вам папу».

Гаэ тоже хотел слышать их, он тоже соскучился. Без детей они теперь никто. Два недоумка, нуждающиеся в чистке, две мертвые мидии.

Гаэ прокашливается, закуривает сигарету.

— Мне как-то не хочется больше курить.

— Тогда почему не бросаешь?

— Не хочется бросать... сам не знаю, чего я хочу.

Он осматривает свои руки: серебряное кольцо, африканская веревочка на запястье... Тушит сигарету, давит окурочок ногой.

— А я бросила.

— Ты молодчина.

Никакая она не молодчина. Она просто соврала, ей надо доказать самой себе, что у нее еще осталось желание жить. Он пододвигает ей пачку. Как хорошо он знает ее!

— Нет, не хватало только, чтобы я снова закурила... Единственное хорошее дело, которое у меня получилось в этом году.

Последнее время, когда они ссорились, она била себя, в буквальном смысле лупила себя по щекам. Он смотрел на нее дикими глазами. Отводил ее руки от лица.

«Успокойся, какого хрена ты делаешь... тебе будет больно... успокойся...»

Она била себя за свой выбор. За семью, которую она создала с человеком, который ничего не стоит. За любовь, которую они не сумели спасти, которая, будь она проклята, утекла вместе с дождем, с пометом голубей на крыше. Она скрежетала зубами... Теми зубами, которые облизывал он.

Время от времени кто-нибудь приглашал их в гости. Она сама уговаривала его: «Нам надо чаще встречаться с людьми. Почему мы должны сидеть дома одни?» Но они ссорились с помощью одних только взглядов. Возвращались с тех ужинов молча, далекие друг от друга. Они видели перед собой людей более конкретных, людей, которые совокуплялись или спали на постели, а не сидели и что-нибудь обсуждали.

К тому же они не были их близкими друзьями. Просто счастливые семьи, сошедшие с картинок рекламного журнала «Икеа». Никого не интересовала их судьба. Если бы они доверились им, рассказав, что с ними происходит, то стали бы только объектом обсуждения «после», за закрытыми дверями, когда они уже в пальто и в лифте. Гаэтано об этом говорил:

«Друзья вешаются на тебя и крутятся, радуясь, в колесе твоих несчастий, как бешеные хомяки».

Почему они не стали более феноменологичными? Вещами в себе, как все феноменологичные пары? Как те же Пьер и Лавиния. Сегодня идем покупать обувь детям, в воскресенье на обед к твоим, в пятницу в

многозальный кинотеатр посмотреть фильм в качественном формате. В четверг нет уборщицы-филиппинки и нам придется самим сварить спагетти («Почтальон всегда звонит дважды»). Хорошо организованным людям удастся делать прямо-таки невероятные вещи, держать в голове миллион разных планов. Открывать кучу окон на экране компьютера и не тушеваться при этом. Они знают, что жизнь забывчива, и схватывают все с ясностью своего ума.

Пьер и Лавиния даже попробовали обменяться партнерами с парой из Гренобля, жившей в соседнем бунгало, которая проводила отпуск на коралловом рифе. Они договорились на французском, пока дети тех и других плавали под водой с масками и трубками.

Иногда по вечерам Делия уходила одна. «Право на личное пространство» — херня такого рода. Гаэтано мычал «ОК», в шлепанцах, с голым торсом, доедая йогурт, но совершенно не понимал, почему она должна уходить — вырядившись, на каблуках, уложив волосы и с этой чертовой Карлоттой. Кажется, худшей из ее подруг, больной на всю голову. Одно время та постоянно заходила к ним, разговаривала только с Делией, не замечала детей, а на него смотрела как на эксперимент природы.

«В тебе все не так...»

Один раз она растянула перед его лицом рулетку, чтобы измерить его. «Никогда не видела таких жутких пропорций», — засмеялась над ним вместе с Делией.

Карлотта была дизайнером ювелирных украшений, и Гаэ совершенно не понимал, что общего может быть у дизайнера ювелирных украшений и биолога?

Карлотта подарила ей эти ужасные сережки с черепами.

Она уходила с Карлоттой в готских серьгах. Куда они ходили?

В кинотеатр авангардного кино. На шведские или китайские фильмы. Потом заходили выпить что-нибудь в джаз-клубе. Возвращалась поздно, скидывала каблуки, как только переступала порог квартиры. Он сидел дома с детьми этими вечерами. Он начал работать в дурацком сменном графике. Ветер свободы.

«Ты встретила кого-то?»

На самом деле он хотел спросить, понравился ли ей кто-то.

Возможно, в конце концов они только этого и ждали, что кто-то другой поможет им послать все к чертовой бабушке.

Делия смотрела на проходящих мимо молодых музыкантов и посетителей клуба как на разноцветные пятна далекого карнавала.

Карлотта представляла ей некоторых.

«Вдруг ты сможешь выйти из ситуации, переспав с другим».

Они приехали на выходные в Лондон.

Пошли в галерею современного искусства «Тэйт Бритн». Делия остановилась в зале перед видеоперформансом голой Аны Мендьеты, которая обмазывает себя кровью, а потом катается по полу в перьях. Гаэ ответил на звонок мобильного телефона.

Это из-за хренова мобильного они развелись?

Сегодня вечером телефон выключен, но время от времени он трогает карман. Для него это один из самых смелых поступков, которые он когда-либо совершал. Мобильный, выключенный на целых три часа, даже без простой мелодии приходящих эсэмэсок. Ничего, тотальная темень. Как в путешествии на Плутон.

Вот что тоже доводит его до бешенства, так это почему Плутон убрали из Солнечной системы? Планета-гном, самая его любимая, самая дальняя и одинокая, со своим розовым снегом.

Единственной демонстрацией, на которую он вышел бы заявить о своем протесте, стала бы демонстрация против вышвыривания Плутона, за возврат ледяной планеты обратно.

Делия сказала ему: «Ты был бы среди тех, кто сжег Галилея и Коперника». Она часто высказывала ему, какой он дерьмовый реакционер, прибитый к столбу своих недостатков, как подсознательно и все мужчины.

Будем надеяться, что сегодня вечером она оценит, какого титанического труда стоило ему выключить сотовый, какой жестокой пыткой стало оторваться от эсэмэсок и безлимитного Интернета.

В галерее «Тэйт» они поссорились именно из-за этого. Девушка в костюме с пластиковым беджиком, на котором было написано «Жасмин», сделала ему замечание: «Please, it's not allowed», запретив пользоваться мобильным телефоном. Классический случай равнодушной арабки. Он улыбнулся ей и тут же набрал следующий номер, пока Жасмин вразвалочку переходила в другой зал.

Делия присутствовала при этом, сидела на кубе в фантасмагорическом наваждении, которое это некрофильное видео должно было вызвать у нее.

Он держался в стороне, продолжая дальше обсуждать рабочие моменты по айфону.

Вдруг она на него накинулась:

«С кем это тебе так надо говорить?.. С кем? Почему ты не соблюдаешь правила, нарушаешь тишину...»

Он выключил мобильный, тяжело задышал, приготовился к бегству. Он привык к театру абсурда. Он сыт по горло тем, что его не уважают.

Делия завелась:

«Она использует свое тело для искусства... высказывается против насилия...»

Там висела ужасная фотография, где Ана стоит голая, нагнувшись, положив тело на стол... Под фотографией висела табличка: «Без названия (Сцена насилия)». Гаэтано стоило большого труда выдержать это.

Делия швырнула его айфон на пол. Телефон развалился на части — он их собрал. Попытался вставить на место аккумулятор.

На тот момент у него уже была любовная интрижка, и он думал, что она что-то подозревает.

Делия орала в тишине галереи. Это служило недвусмысленным знаком, говорило о том, что ее злость не может уже удержаться, наматывая клубок в пределах четырех стен их квартиры, и ищет выхода на более широкие площадки. На место криков души и окровавленных тел.

Гаэ смотрел на Мендьету по дрожащей записи и отметил, что та была похожа на Делию: те же волосы, те же пухлые грустные губы, даже соски те же. «Почему бы ей тоже не выброситься из окна небоскреба?» Ему же самому хотелось звонить, общаться, проводить жизнь в блогах, и чтобы его никто не трогал.

— Ты презираешь меня, да?

У него пот на лбу выступил, как у ребенка, который бегал. Делия мотает головой, вздыхает.

— Я бы хотел, чтобы мои дети меня ценили.

— Они будут, уверена.

— Я никогда не уважал своего отца.

— Попытайся не оглядываться назад.

Гаэтано смотрит на нее, и Делия чувствует его состояние, которое медленно сгущается; он становится напряженным и одиноким.

— Ты думаешь, что если бы я не пережил то...

Сегодня вечером она совершенно не намерена проникаться к нему доверием. Подтягивает к себе руки.

— Мы все так или иначе пережили это...

— Меня изнасиловали.

Опять одно и то же, уже и тему подкинул. Слушания сексуальных преступлений начинаются.

— Тебя никто не насиловал.

- Меня ставили посередине, вытаскивали член...
- Они были такими же детьми, как и ты... Вы были еще детьми.
- Нет, они уже были развитыми парнями.
- Ничего они тебе не сделали, Гаэ.
- Тогда почему я не могу забыть...
- Думай лучше о детях.
- Они ссали на меня, сукины дети.

Делия кивает. Она знает. И больше ничего не хочет о нем знать. Об этом безвольном лице, которое сейчас каким-то образом вернулось просить у нее помощи.

— Да что ты об этом знаешь? Тебя никогда не унижали...

— Я по собственной воле унизила себя. О чем мы говорим, Гаэтано? О чем мы сейчас говорим?

Но он уже протянул руку к ней, ищет ее руки.

— Ты все еще злишься...

— Нет, мне все равно.

Делия берет пачку со стола, закуривает.

— Все обернулось не так, как ты думала... Ты ошиблась, нафантазировала себе всякого...

Гаэ едва заметно улыбнулся, наклоня голову в знак раскаяния.

Делия затягивается.

— Иди ты в задницу...

День рождения Космо. Дом полон детей; мамы и няни стоят и курят на лестничной площадке — дверь открыта. Гора пальто на кровати, на полу свинарник: раздавленные чипсы, пролитая фанга. Гаэ радуется, ему нравится такая атмосфера. Они никогда еще не проводили настоящего праздника — те слишком дорого обходятся, да и Делия против завала подарками. Но Космо вырос, пошел в школу, одноклассники приглашали его на свои дни рождения. Он составил себе четкое представление о том, каким должен быть настоящий день рождения: праздник с шариками, музыкой, анимацией. Но ничего не просил. У этого ребенка нет больших запросов. Предпочитает отказаться прежде, чем получит отказ. И Гаэ это доставляет чертовскую боль.

Как-то вечером он поднял Космо, чтобы тот забросил несколько мячей в баскетбольную корзину.

«Хочешь отметить день рождения в этом году?»

Космо посмотрел на мать, которая сидела на диване и читала.

«По-настоящему, с кукольным театром и аппаратом для сахарной

ваты...»

Девушки-аниматоры пришли в назначенное время, переоделись в ванной — красные носы, лакированные шляпки. На одной были огромные башмаки, как у диснеевского Гуффи, и полосатые гольфы, другая — в фетровой тунике а-ля Робин Гуд. Они немало потрудились, спрятавшись под сооружением, обтянутым кусками атласа. Гаэ было интересно смотреть, как они сидят на корточках, наблюдать за марионетками на их руках, перелетающими с одной стороны на другую. Он хотел попробовать, всунул руку в принцессу Мелисендру. Думал, что будет легко оживить ее, но ничего подобного!

«Надо учиться».

Девушка, та, что в костюме Робина Гуда, ходила на театральные курсы. Она была низенькая, мускулистая, с крепкими ногами. Жила за счет работы, которая не сказать что была ее мечтой, но все-таки и не служила одним только заработком — она ей нравилась.

Делия кружилась с пакетом для мусора, бегала туда-сюда из кухни и на кухню, чтобы принести или выбросить что-нибудь. Гаэ дал ей в руку бокал с просекко.

«Ты даже алкоголь купил...»

«Конечно, для мамашек».

Они улыбнулись друг другу.

«Хороший праздник, правда?»

«Да, хороший».

Она оглянулась.

«Как мы наведем здесь порядок?»

«Да наплевать!»

На мгновение все показалось таким легким, таким девственно-чистым.

Настал черед охоты за сокровищами. Гаэтано распалился, все организовал. Купил свисток, координировал действия команд. Прыгал на диване, кричал, давая указания. Налил себе еще одно просекко. Потный, как свинья. Челку закрепил заколкой Делии.

Девушка — Робин Гуд не очень-то понравилась ему. Припертый к стенке, он предпочел бы другую, артистку с чулками в полоску.

«Приятно познакомиться, Матильда, Мати...»

«Гаэтано, Гаэ».

Они снова встретились уже под конец, в ванной, куда она зашла сполоснуть руки после игр с акварелью. А Гаэ надо было отлить. Они

завязали разговор у раковины. Гаэ держал фужер в руке, и она сделала глоток из того фужера. Улыбнулась. Уже приличное количество времени ему никто не улыбался так, словно хотел сделать подарок. Она сняла с лица искусственный нос, под которым у нее оказался слегка длинноватый, но явно укороченный нос. Впрочем, ее нос понравился ему, ему вообще нравились женщины, которым приходилось бороться с чем-то. По этой же причине его привлекла и Делия. К тому же аниматорша никак не была связана с его женой, что облегчало дело. Полное, без тени прошлого лицо. Она несла со скоростью пулемета всякую ерунду, изъясняясь фразами среднего умственного уровня, нисколько не зацкливаясь на этом. Как будто больше всего ей нравилось именно само звучание этой болтовни.

В ту минуту у него родилась мысль отыметь ее прямо тут, в ванной. Подкатить немедленно. Когда-то он клеился к девушкам, знал, как прикинуться дурачком, как поставить ногу между ее ног и зажать ее, глубоко дыша, у стены. От этой мысли у него возникла боль внизу под ремнем, точно та часть его тела пробудилась внезапно, нехотя, как будто выходя из слишком долгого и глубокого наркоза. Вероятно, сложилась определенная ситуация — ванная, голоса из комнаты, беготня детей по коридору со скоростью ракеты. Впервые он подумал заняться сексом с женщиной, которая была не Делией.

«Разрешите».

Мати выскользнула в своей фетровой тунике, и ее переделанный нос, а потом толстая задница коснулись его.

Сумасшедший торт со Спайдерменом сверху в глазури. Гаэ принялся снимать на мобильный и торт, и лицо Космо перед ним. Он тоже, казалось, воскрес, как и Гаэ. Незабываемый день в той вшивой квартирке, которая как будто распахнулась. Он и Космо ощущали гармоничную связь, до которой еще никогда не доходили. Между ними протянулась какая-то волшебная нить, которую Гаэ всегда искал в своих сценариях. Впервые Космо был так потрясен и взволнован, что не мог сдержать эмоций. Гаэ слышал, как дрожит и колотится его сердце от счастья. Наконец-то его сердце билось не только для того, чтобы проживать похожие один на другой дни.

Они стали несгораемыми свечками, которые как будто гаснут, а на самом деле — нет. Гаэ весь город объехал, чтобы найти такие. Теперь он смотрел на этот шедевр. На пламя шести свечек, которое продолжало жить в глазах сына, разрасталось, объединяя чаяния всей семьи, оставляя надежду, которая не должна погаснуть. Не найдя своего фужера, Гаэ присосался прямо к зеленому горлышку игристого «Берлукки».

Наконец свечки потушили, и Делия собрала их, испачканные кремом, в бумажную салфетку для следующего раза. Гаэ принялся раздавать куски торта. Мати закончила работать и теперь могла немного отдохнуть. Облизывала ложку.

«Каждый вечер пробую разный торт».

«Счастливая».

«Толстею».

Кожа ее рук, упругая, как верх пышного бисквита, была золотистого оттенка. Делия стояла позади него. Тоже с тарелочкой в руках... Она поднесла торт ко рту, не откусив ни кусочка, лишь приносясь к нему, как больная кошка.

Потом все закончилось, так же быстро, как и началось. Дети по одному выскользнули на улицу, в стеганых куртках, надетых наперекосяк, потные, с животами, набитыми бутербродами и всякой дрянью. Последний, кто уходил, унес смятые гирлянды.

Девушки собрали свои вещи и ушли. Гаэ спустился помочь им, загрузил громкоговорители в старый «фиат-пунто» орехового цвета. Видел, как они укладывают гору голубых «икеевских» сумок. Заплатил им. Одна рука высунулась, чтобы попрощаться с ним.

Он в прекрасном настроении поднялся наверх пешком, не вызывая лифт. Помог Делии собрать грязную одноразовую посуду, поставить на место диваны. После чего пошел полежать с Космо, который не мог уснуть, все еще находясь под впечатлением.

«Ты рад?»

«Да».

«Хорошие подарки тебе подарили?»

«Да».

Космо отвернулся. Гаэ пододвинулся ближе и заметил у него слезы.

«Почему ты плачешь, Космо? Потому что праздник закончился?»

Космо не ответил, но всхлипнул уже громче.

«Со мной тоже так бывало в детстве, после какого-нибудь особенно хорошего дня... Мне становилось грустно, это нормально...»

А что тут скажешь или пообещаешь?

«Я ничего не умею, папа... ничего».

«Перестань! Ты чего только не умеешь, ты же гений!»

У него не получалось прыгать в мешках, он несколько раз падал. Не привык заниматься спортом, бегать. Останавливался перед прыжком,

путался в своих ногах. Может, когда вырастет, он станет геем. Однажды он и Делия произнесли это вслух и тут же подумали: «Что мы такое говорим?» Раскаивались, ведь их мысли и страхи могут где-то предопределить поведение ребенка. Пёс с ней, с этой сексуальной ориентацией. Единственное, чего они хотят, чтобы он не страдал.

Но судьба не уготовила Космо легкой жизни. Он принимал все чересчур близко к сердцу, болея душой. Гаэ положил ему руку на спину, между лопаток. Свою широкую неподвижную ладонь. Возможно, его сын и склонен к гомосексуализму. Он не знал, с чего это начинается, когда сворачиваешь на более легкую дорогу. Начинается или появляется внутри от рождения, как чувственность, болезненное предопределение.

Космо заснул, и Гаэ вернулся обратно.

Делия лежала на диване с поднятыми вверх ногами. Он взял ее ступню и начал массировать. Праздник оставлял позади себя хвост, который до сих пор пританцовывал. Он потратил кучу денег, а Космо в конце вечера глотал слезы. Но все равно был счастлив, превратился в другого Космо. Они тоже смутно угадывали счастье, неустойчивое ощущение во рту, точно вкус, который никак не можешь узнать.

Он грузно завалился на Делию. Не хотел, чтобы семья распалась. Не хотел желать другую женщину ни минуты. Они сползли на пол. Она дала ему сзади, ей не хотелось смотреть ему в лицо. И его это устроило. Если бы они посмотрели друг другу в глаза, они должны были бы сказать друг другу правду.

Гаэтано положил руку на ее и впрямь худую спину и вспомнил спину сына несколько минут назад.

Делия достигла своего мизерного оргазма, испустив стон хомячка. Гаэ не кончил. Так и остался в состоянии эрекции, рисуя в воображении два тела, свое и жены, в виде двух трупов на полу, и руку, перемешивающую гипс. Вспомнил об аниматорше, это ее рука мяла гипс. Он видел, как та делала это несколько часов назад на дощечке.

«Ты выставил себя полным кретином перед ней...»

Делия казалась мертвой и говорила сейчас как зомби.

«С ней, с кем?»

«С матерью близнецов».

Гаэтано слегка напряг мозги, прежде чем вспомнить о той представительнице человеческого рода. Мать близнецов напоминала зрелую потаскуху лет тридцати семи. Тетка-нотариус в тангах под белыми брюками и такими сильными духами, что при одном только прикосновении

к ней становилось плохо. Гаэ наполнил ей фужер. Спросил, существует ли должность нотариуса только в Италии или и в других странах мира тоже?

«Выставил себя кретином на дне рождения собственного сына».

«Что за хрень ты несешь?»

«Мы должны расстаться».

«Конечно, мы должны расстаться».

«Ты должен уйти».

«Я уйду».

Однако на следующее утро он все еще был здесь. Младший на коленях с бутылочкой, радио включено. Надо было протереть очки Космо, после чего посмотреть на свет, проверить, чистые ли они. Делия оставила ему список покупок и даже потрепала его по плечу.

«Не покупай лишнего».

«Ладно».

«Надо быть поэкономней».

«Да. Ты права».

Позднее он сидел за компьютером, очень довольный. Косячок рядом, и идеи порхали, словно бабочки. В какой-то момент он выдвинул ящик стола, вывалил из него все на пол, потому что ему стало тоскливо. И странно, что ему стало тоскливо из-за того, что так мало значило для него. Наконец он нашел визитку с клоуном сверху. Не откладывая, быстро набрал номер.

Матильда ответила, как будто ждала его, нисколько не удивившись.

Полчаса спустя они уже трахались. В ее «пункто» на пустыре рядом с луна-парком на Понте делле Валли. Она, раздвинув ляжки, на сиденье и он, перевозбужденный, с пустой головой. Она постанывала, не закрывая глаз. Контролировала обстановку, потому что, по идее, был еще день. Он сделал вид, что беспокоится за нее: «Так ты не расслабишься». Мати ответила, что ей, мол, наоборот, ужасно нравится такая ситуация, чувство близкой опасности.

Еще одна чокнутая. (А чего можно было ожидать от девушки — Робин Гуда?) В любом случае ему было все равно. Спустя несколько месяцев льда и железа наконец-то хоть ненадолго его приняла живая плоть.

Потом они вышли из машины и пошли в луна-парк. Бездействующие карусели были закрыты брезентом. Они залезли на летающую гусеницу. Кроме них, никого не было. (А кого, на хрен, ты думаешь увидеть в январе месяце в среду на летающей гусенице, покрытой талой водой?) Гаэтано не

перебивал ее. Она приехала из Тренто, говорила с тамошним горным акцентом. Просыпалась рано утром, выгуливала собаку, потом шла в спортзал.

«Очень часто актрисы бывают ленивые, тащатся по жизням своих партнеров от эмоционального голода...»

«Не то чтобы я совсем актриса, раньше я занималась современными танцами, модерном... В экспериментальном театре...»

Раньше ты жила на скотном дворе, в горах, среди масла и кнедлей, подумал Гаэ, глядя на часть шеи, не закрытую легким переливчатым пальтишком. Ее нельзя было назвать некрасивой. На нее уже налипла всякая римская дурь, но на лице все еще оставался отпечаток горного периода жизни. Они вернулись к «фиату». На этот раз Мати сняла пуловер. У нее были тяжелые груди, слегка грушевидной формы, с прозрачными сосками, похожими на глаза, чем она и правда напоминала дойную корову. Они почти весь день провели вместе, поели в баре, прошлись немного. Он сказал ей «спасибо», невинно поцеловал, как будто ничего не произошло, и потрепал по голове.

Затем отправился за сыном, забрать его после музыки. Шел по улицам, обхватив его ручонку своей рукой. Космо нес скрипку в футляре за спиной, и Гаэ стало крайне грустно рядом с таким прилежным ребенком. Он перешел-таки порог. Казалось, случилось ужасное. Они с Делией поклялись, что не изменят друг другу никогда. Но он не увидел в этом ничего особенного. В том-то и состояла трагедия: порог перейден, и перейден без всякого сожаления. И все-таки он чувствовал, что освободился. Начиная с этой минуты он мог жить как все остальные люди, прозябая во лжи. Он ударился костяшкой пальцев о черный футляр скрипки, который теперь напоминал ему маленький саркофаг. Кто знает, может, у его сына и есть артистический дар. Кто знает, не прорвется ли он и без него. Космо повернул к нему голову и улыбнулся.

Вернулся домой с тем запахом, которым пропахли и лицо, и руки. Так и провел вечер с Делией, запачканный удовольствием, полученным от другой, болтая о том о сем. Потом вдруг поднялся и долго мок под душем.

Перед тем как попрощаться, Матильда спросила у него: «Мы еще встретимся?» Он помотал головой: «Не могу, правда, извини».

Она понимающе кивнула.

Разумеется, они встретились. На самом раннем сеансе какого-то фильма. Все остальное время просидели, закрывшись у нее в комнате, в квартире, которую она снимала пополам с братом и его другом. У брата был

большой пористый нос (вероятно, родной нос Матильды), он работал шеф-поваром, тренировался дома, слушая английскую группу «Massive Attack» или Марию Каллас.

В тот раз они трахались под высокие ноты «Мадам Баттерфляй», потом пошли на кухню есть десять пробных суфле.

«Твой брат — голубой?»

«Он закончил училище гостиничного бизнеса в Тренто, потом сбежал».

Мати сидела голая, с коровьими глазами на грудях, что стало уже хорошей послеобеденной привычкой. Увлеклась рассказом, распалилась... Ее большие груди затряслись от того, что она пришла в движение.

«В конце концов над тобой все будут смеяться...»

В тот день Гаэ заметил, что Матильда влюбилась в него. Она загрустила, стала менее энергичной по сравнению с тем, как обычно вела себя. Надо было расставаться с ней. Но он привык к ней, к запаху ее квартиры. Разумеется, он не любил ее. Просто испытывал определенное удовольствие от сексуальной и материнской заботы, которое мужчины прошлых веков искали в борделях, а мужчины современные — в убогих квартирках геев.

Он расслабился. Стал рассказывать ей о своем отце, о тех мальчишках, которые держали его посреди раздевалки. Мати ужасно расчувствовалась. И в утешение сделала ему самый лучший отсос за весь февраль.

Ему стало трудно уходить. Обычно он возвращался домой в хорошем настроении, опустошенный и достаточно уставший, чтобы никому не трепать нервы и не обращать внимания ни на какие ссоры. Но в тот вечер он легко поддался плохому настроению Делии. Возможно, она заметила что-то.

На самом деле он как-то слегка отупел. Качал мышцы, подтягиваясь на перекладине в спальне, по ночам сочинял сценарии, снова отрастил бородку клинышком.

Словом, он не на шутку разозлился. Как подросток на семью, которая не дает ему жить, не дает свободы, не разрешает разбиться на мопеде, выпить или связаться с кем-нибудь.

К нему вернулась старая ненависть.

Похоже, человеческие создания не учатся на своих ошибках, каждый повторяет одно и то же. В семье они узники, замурованные под постепенно отвердевающими пластами любви. Ничего не остается от того нежного возраста. Недовольство и молчание. Одни только твердые предметы: стулья

да телевизоры. Единственное, что есть нежного, — это твои дети... Два маленьких бесхребетных сверчка, которых мир зажмет в своих стальных доспехах.

В тот вечер он размышлял подобным образом.

Делия сказала ему:

«Помой руки».

«Я уже помыл».

Сунул их ей под нос, чтобы она почувствовала запах мыла. Она отклонилась. Напомнила ему кого-то... воспитательницу из летнего лагеря в Фано, которая приказывала ему: «Марш мыться, свинья!»

«Ты что, всерьез думаешь, что Космо может стать голубым?»

Началось с этого. Космо упражнялся со скрипкой, они слышали пронзительный скрип царапаемых струн.

«Когда ему грустно, он подбирает под себя ноги и раскачивается... Я так тоже делала в детстве».

«Я тоже подбирал ноги».

«Вот именно. Просто он очень чувствительный».

«Может, это тебе хочется, чтоб он таким был, чтоб он таким стал...»

Делия смотрела на него, не двигаясь.

«...Хочешь остаться единственной женщиной в его жизни?»

На лице Гаэтано появилась угрожающая улыбка.

«Как тебе только в голову пришла такая идиотская мысль?»

«Хочешь, чтобы тебя обожали, носили на руках во время снегопада, прямо как мать Пазолини... Ну, скажи правду, тебе хотелось бы быть матерью знаменитого гомосексуалиста?»

Он шутил, но выражение лица отражало его мрачное настроение, и Делия смотрела на это несчастное лицо в ожидании беды.

«Переносишь груз своей неудовлетворенной сексуальности на сына...»

Они не заметили, что ребенок заглянул в дверь. Со смычком в руке. С опущенной головой, жалобно канюча:

«Мам...»

Гаэ усмехался, потягивая вино из бокала, она стояла с кухонной тряпкой в руках.

«А ты? Сам ты куда переносишь свой сексуальный груз?!»

И начала бить его этой мокрой тряпкой — по рукам, по лицу. Бокал, который он держал, опрокинулся, вино выплеснулось на пол. Гаэ обернулся к Космо.

«Мы играем... Играем в тряпку...»

Похоже, старики за тем столиком тоже сейчас спорят. Она как будто укоряет мужчину, тычет в него дрожащим указательным пальцем... Это могло бы сойти за угрозу, но, скорей всего, лишь просьба о помощи. Старик качает головой, упорствует. Со стороны все это кажется довольно забавным. Быть может, такова любовная традиция: уступать под натиском жизненной силы жен.

— Не можешь простить меня, да?

— Как тебе только в голову пришло вытворять такое перед детьми...

— Это было лишь однажды.

— Замолчи.

Гаэтано опускает глаза. Подробности возвращаются к нему злобными вспышками. Они пошли в парк с Мати. Космо и Нико прыгали на деревянном ящике. И он сказал себе: «Если бы они были нашими с ней детьми, у меня до сих пор не пропало бы желание спать с матерью моих детей».

Мати в самом деле симпатично выглядела в своей шерстяной буклированной шапочке. Лицо напоминало мордочку белки, которые, бывает, совсем близко подбираются к людям в парках. Она ждала его там, сидя на скамейке с книгой в руке. Чтобы не бросаться в глаза, они поступали следующим образом. Делая вид, что случайно встретились, общались немножко, пока дети играли. Он садился на ту же скамейку, несколько поодаль. Создавалась совершенно невинная и вместе с тем возбуждающая ситуация. Гаэтано говорил ей всякие пошлости, Матильда достойно держала удар, глядя на деревья перед собой. Дистанция между ними на скамейке могла заполняться всем, чем угодно, как порнографией, так и безличными смешными глупостями.

В тот день она говорила, чем она займется вечером. Пойдет учиться, сделает эпиляцию, ходит за продуктами в супермаркет. Как любая пара, встречающаяся тайно, они страдали от недостатка дурацкого, самого обыкновенного быта. Мысленно представлять Матильду среди полок супермаркета: с одной стороны, это возбуждало, с другой — наводило грусть. Он не мог удержаться. Взял ее за руку на скамейке и подтянул к себе ближе. Они поцеловались. Освежающий поцелуй, длящийся бесконечно.

Он ни о чем не задумывался: ни о мамашах, которые его знали и которые именно в это время проходили через парк, расположенный рядом, ни даже о детях. А может, он даже хотел, чтобы его разоблачили. Всегда

наступает момент, когда тебе хочется, чтобы тебя разоблачили.

Когда он опять открыл глаза, Нико клал ему на колени камешек. Стоял, смотрел с очень близкого расстояния, без смущения, лишь с любопытством глядя на них, как маленький энтомолог.

Только позже, возвращаясь домой, везя трехколесный велосипед Нико под дождем по велосипедной дорожке, прерывающейся на светофорах, мелькающих, точно беспокойные глаза, до него дошло, какой же идиотский поступок он совершил.

Он начал издалека, пока раздевал детей, сажал их в ванну, в голубую пену из волшебного шарика с блестящими звездочками внутри, рассказал о Матильде, что она работает аниматором, что она знает много-много шуток и игр и целует всех подряд. Поэтому поцеловала и его, но ему это не доставило никакого удовольствия. Он даже почистил зубы перед детьми, чтобы показать, что ему не понравился ее поцелуй, что ему не хотелось помнить о нем, что он боится вирусов.

«Фу! Как противно...»

Дети смеялись вместе с ним.

«Пусть это будет нашим секретом... Мама заругает меня, она боится вирусов... поклянитесь».

Они поклялись. Гаэтано надел на них халаты, отнес на руках в комнату. Посадил на диван, разрешил поужинать перед телевизором, как делал лишь в тех редких случаях, когда у них поднималась высокая температура. Это были его дети, и сегодня вечером он обожал их, чувствовал себя надежно, сидя между ними. Делия вернулась поздно — по средам она ходила на курсы цветочной терапии Баха, — похвалила его за тишину, за порядок в квартире.

«Все в порядке, ты справился?»

«Да, нормально, спят».

Она была в черном плаще, затянутом на талии, с гладкими волосами, прилизанными уличной влажностью. Они все еще были несказанно молодыми, у них еще оставалось время в запасе, чтобы не позволить взять верх уродству мира, чтобы побороть предательства. Делия подошла к нему, задрала ему майку. Потерлась о его тело руками, холодными после мопеда. Он сжался, весь в мурашках. Они засмеялись.

Позже Гаэ плакал в темноте на подушке. Завтра же позвонит Матильде, встретится с ней в баре и расстанется. Страшно растрогался от своих добрых намерений. Почувствовал себя в безопасности.

Но ночь — одно, а день — совсем другое. На следующее утро, как

обычно, с губ Делии срывались те же звуки, звучали те же сигналы жесткости. У нее начались месячные, и ее, как всегда, просто шатало от боли. В лифте дети поссорились, не могли разобраться, кто первый должен нажать кнопку этажа; они прокатились вниз-вверх, со всхлипами. Семья, которую держит в заложниках трехлетний сопляк.

Матильда была такая спокойная в тот день. Она уже сделала утреннюю пробежку и проголодалась. Пенка капучино на мягких губах, мокрые волосы после принятого душа. Он поворчал немного о своих семейных проблемах, о творческой работе, о жизни молодого мужчины в мерзком и отталкивающем нынешнем обществе. После чего ему стало достаточно грустно, чтобы можно было оправдать утешение, которое вскоре наступило.

Утренний секс перед началом рабочего дня предлагал ощутимые преимущества. С одной стороны, он получил разрядку, с другой — в нем осталось достаточно энергии, чтобы осилить груз боевых стрессов на собрании сценарной группы. Член в идеальной гармонии с головой. Молнии освобожденных гениальных идей.

Мати была такая покорная. И вообще, ему необязательно отказываться от этого! В целом все было неплохо в то время. Продюсер пилотной версии обращался к нему как к Дельфийскому оракулу. Когда ж это было? В марте?

Делия отхлестала, избивала его мокрой тряпкой. Потом они сели на кухне. Гаэ с красными полосами на шее и на руках. Дети спали. У Нико собиралась мокрота в легких, и из комнаты доносилось его хриплое дыхание, которое беспокоило. Он сам не удержался и рассказал о Матильде, о поцелуе в парке.

«Собирался тебе рассказать».

«Но не рассказал. Как ты можешь трахаться с другой... тем же самым членом...»

Вспомнив о книге рекордов Гиннеса, Гаэ мысленно спросил: «Интересно, а существует ли мужчина с двумя членами: один для семьи, другой для наружного пользования?»

«Ты влюбился?»

Он покачал головой, не будучи уверенным в себе, в своих чувствах. Думал, ему станет грустно. Но нет, наоборот, он с трудом сдерживал смятение и внутренний жар. Он ощутил себя освободившимся и счастливым. Она не смотрела на него, но Гаэтано чувствовал, что внутренним зрением она впилась в него. Наконец-то он оказался в центре

внимания. Это вечер наполнился жизнью, сильнейшим проломом, скачками обманчивого баланса.

В самом начале их отношений, как-то ночью, он допрашивал ее о предыдущих связях. Начал в шутку, щипал ее, постепенно мрачней и зубоскаля. Делия пыталась увильнуть от ответа. Все, что случилось прежде, не имело теперь никакого значения. Гаэтано всегда казался таким легкомысленным, лишенным предрассудков, и вдруг неожиданно на него напала запоздалая ревность, ненасытная и слепая, как голод людоеда. Делия подверглась его ночной охоте. Она бормотала и плакала рядом со своим мучителем. Охотник за привидениями корчился рядом с ней. Хрипловатый голос требовал все более унижительных подробностей. Только рассвет спас Делию.

Голый, он встал на колени просить прощения.

«Я ужасно боюсь, что ты можешь изменить мне...»

Делия легонько пнула его.

«Думай лучше о себе».

«Я никогда тебе не изменю».

«Клянешься?»

«Пусть мне член отрубят!»

Принесли счет. Делия поднесла ладонь к свече, провела кончиками пальцев сквозь пламя. Ей надо думать о будущем.

— Когда мы перестали любить друг друга?

— Не знаю.

— У нас была куча друзей.

— Да уж.

— Ты всегда был окружен странными людьми... общался со всеми подряд.

— Потом я начал общаться с людьми только по работе.

— Тогда ты стал развивать свой стиль.

— Профессиональный.

— Профессиональный, да.

— Я предлагал выпить тем людям... Некоторые ночевали у нас, помнишь?

— Засыпали довольные — с незнакомыми людьми в гостиной на диване, даже в ванной...

— Гнались за столькими ненужными вещами... а потом сели в лужу.

— Хорошие были времена...

Теперь они улыбаются. Слегка, но улыбаются. Смотрят на двух стариков, которые чокаются, тоже примиряясь.

— Почему у нас не хватило сил подождать — а вдруг мы были всего в двух шагах.

— От чего?

— От того, что все уладится...

— Нет, мы не были в двух шагах. Мы находились далеко-далеко.

Делия снова остановилась у того же порога. Ей кажется, она не сделала даже маленького шагочка вперед. Она трогает расплавленный воск, манящий и противный, как она сама в глазах Гаэтано, как ее жизнь в собственных глазах.

— Я нервничаю с детьми, люблю их, но совершенно не могу терпеть... Если бы можно было не видеть их, засунуть в коробку, как фотографии, а потом вытаскивать только при необходимости...

— Ты самая лучшая мать на свете... Если бы у меня была такая мать, я бы научился любить женщин, а не заставлять их страдать...

— Трепач, гроша ломаного твои слова не стоят!

— Знаю.

Берет желтый листочек со счетом.

— Неправда, ты умеешь любить женщин.

— Я ошибся, все сделал не так.

— Со мной. Ты ошибся только со мной.

Гаэтано смотрит на вечерние тени, тени жизни, простирающиеся на вырез, на маленькую и одно время такую любимую грудь его бывшей супруги.

— Я ни одной женщине в мире не говорил, что люблю ее...

— Успокойся.

Неправда, однажды все-таки сказал. Это случилось в одну из ночей, похожих на одинокие дыры, когда Матильда была столь покорна... В награду она услышала от него три словечка: «я люблю тебя».

— Ты встречаешься с кем-нибудь?

Делия устраивается поудобней, закусывает щеку изнутри зубами.

— У тебя есть кто-нибудь?

— Пошли по домам.

— Ну скажи, что тебе стоит...

— Что тебе надо, Гаэта?

— Ничего. Ничего не надо.

Он растрогался. К счастью, в этой полутьме плохо видно. Он вспоминает ее запах. Есть кое-что... Он способен сделать много всего, но больше никогда в жизни он не будет вылизывать никакую другую женщину, как ласковая собака. Он хотел бы опуститься на колени прямо на этом тротуаре, раскрыть ее белые ноги и лизать перед всеми. Ему аплодировали бы все. Кроме нее. Она прогнала бы его пинками.

Если бы он не оказался в массовке своего времени! Если бы он не носил куртку «Harley-Davidson» и всего остального, может быть, его моральное состояние было бы и другим. Он не позволил бы себе преждевременно загнить, хватаясь за проходящие, подобно рекламным фильмам, типажи.

Когда он ходил на съемочную площадку встречаться с режиссерами и слышал, как с губ актрис с заколками в волосах и приторными от косметики лицами слетают его божественные шутки, спустя некоторое время его выворачивало наизнанку.

Этот искусственно созданный мир, съемочный павильон с макетом городского квартала. Звукооператор с мягким округлым набалдашником на стержне, отслеживающий малейший шорох. Униформа фотографического отдела, что хуже обмундирования афганских морских пехотинцев. Лицо режиссера, точно дуэлянта на поединке с Высшими Силами. Актрисы совсем не нравились ему — нервные, вовсе не такие красивые, как кажутся, зачарованные куском скотча, склеивающего киноленту для первого плана.

Ему по душе были костюмерши со щетками для велюра, засунутыми в задние карманы джинсов. Время от времени они чистили ему пиджак. Он снимал наушники, выходил из-за портьеры монтажной, отливал пиво, выпитое за грузовиком, оборудованным генератором.

Ему нравилась закулисная жизнь, массовка: толпа, по сорок евро на брата, терпящая холод и жажду, на которую из громкоговорителя обрушиваются несдержанные потоки эмоций бешеного помощника режиссера: «Не останавливайся! Куда смотришь? Не смотри в камеру!»

Гаэ смотрел на всех тех людей, которые роются в урнах у парапетов, унося круглую булочку или яблоко в бумажном пакете. Он сейчас находился на несколько ступенек выше, входил в проектный отдел. Садился около стариков с крашеными волосами, давал выговориться беднягам, выслушивал их излияния. Ему нравились эти простодушные люди, чуждые всему миру. Никто не говорил ему о сценарии, об эпизоде, который снимают. Они даже имени режиссера не знали. Вызванные на рассвете, как

батраки. «Ты — да, ты — нет». Все, чего они хотели, это продемонстрировать свои нищенские манатки и безумные лица.

Он чувствовал себя таким же. Сидящий на парапете, без сценария. Он не знал, вышвырнула ли его жена сегодня из дома, или любовница станет лизать ему задницу менее чем через час; не знал, куда надо вести сына вечером: на скрипку или на водное поло. Шатался, теша себя надеждой и улыбаясь всем, как статист, что рассчитывает войти в запоминающийся кадр.

«Открой, мам...»

Заходил к Серене. Вместе они выкуривали косяк. Потом он скисал. «Чей это дом? Кто эта старая женщина?» И видел воду: глаза той, которая ни разу не спросила, как он живет. В ее «как дела?» уже содержался ответ: «Скажи, что у тебя все хорошо, не говори мне ничего другого, потому что я не могу быть рядом с тобой и видеть, как ты страдаешь». Маленькая девочка, старый цветок, который вырос.

Когда у тебя есть свой дом с женой, ты уже не можешь вернуться к матери, она кажется тебе антиквариатом. У нее невозможно долго находиться. Можно выдержать ровно то время, за которое возникнет ощущение, что пора уходить. А куда ему можно было податься?

Он заходил к своему другу Алессио. Из старых друзей первых времен. Эйфория мужской солидарности не затянулась с таким, как этот пес, этот питбуль, этот дурак Алессио. Инструктор в спортклубе, один из тех, кто заполняет бланки и отмечает упражнения для бицепсов и ягодичных мышц. Вспоминали старое, всякие глупости. Играли недолго в PlayStation. Раковина была забита грязными тарелками, и эта долбаная жирная псина капала на тебя слюнями с теплого языка.

Своих коллег-киношников он не считал за друзей. Не хотел облажаться перед ними. Расскажешь им какую-нибудь дрянь, и на следующий день они вставят это в сценарий.

Другие все были женаты. И он, разумеется, не хотел влезать в их домашнюю жизнь, брать на руки не своих детей. От одной этой мысли уже тянуло блевать.

Однажды вечером его и вправду вырвало.

«Заболел анорексией...»

В тот вечер, когда его выгнала Делия.

В конце апреля он переехал в съемную квартиру на бульваре Сомали. В надежде, что не останется там надолго, уверенный, что она примет его обратно. Но вместо этого получил письмо от адвоката.

Как-то в среду вечером Матильда вернулась с одного из своих праздников: с остатками косметики на лице и не особо радостная, от нее несло акварельными красками и кока-колой. Они выполнили свой сексуальный долг и пошли в супермаркет.

Полки были все теми же. Та же грустная теория цветов и коробок. Обычно ему очень нравилось выуживать что-нибудь. Сняв квартиру, он сам стал прекрасно справляться с покупками; творческий подход толкал его к отделу замороженных продуктов.

Сейчас, когда они могли вместе с Матильдой проводить часы в универсаме, он выяснил, что ему не нравится ходить с ней по магазинам. Насколько была разнообразной и смысленной в сексе, настолько мелочилась и сомневалась, читая этикетки на продуктах. С Делией все получалось очень просто. Они делили между собой отделы, чтобы уйти оттуда как можно скорее.

Где-где, а в супермаркете они никогда не ссорились. Встречались смертельно уставшими, ни о чем не спорили. Смотрели на очередь у кассы.

«Встань ты, я сбегая за вином и фисташками».

Ему не хватало ее лица, светлого и открытого, ее мыслей, которые пробегали по лицу и которые он читал, в то время как они пробегали.

Если бы она стояла в очереди сейчас, он подошел бы к ней. Взял бы ее за руку. Этот день стал бы самым лучшим днем в их жизни. Смирным днем их глупой жизни. Они вернулись бы домой, приготовили бы что-нибудь для детей, нарезали фрукты.

Матильда все бродила среди полок.

К нему опять возвратилось желание бесследно исчезнуть. Раствориться в своих ошибках. В его детях, которые не должны были позволить ему стать их отцом. В упущенных шансах — упущенных, видимо, только по рассеянности. Потому что пока он стоял, отвернув голову в другую сторону, в это время проходил его поезд. Кто знает, сколько станций осталось впереди. Что-то он понял сегодняшним вечером.

— Куда ты ходишь за продуктами?

— Туда же.

— Так же вечером?

— Да, вечером.

— Ты не против, если я как-нибудь пойду с вами...

— Зачем?

— Помогу тебе донести купленное... побуду с вами.

Делия смотрит ему в глаза, в глубь этих озер.

- Гаэтано, ты не можешь вернуться домой...
- Я знаю.
- Да ты и сам не хочешь...
- Ты не знаешь, как я хочу быть с вами!
- Ты бы опять это начал... Тебе надо устроиться получше, перетерпеть. У тебя скоро пройдет...
- Зачем мы так больно обидели друг друга?
- Не знаю.
- Как все исправить?
- У тебя девушка...
- Мы больше не встречаемся.

Он подошел к Матильде тогда в супермаркете. Ее лицо вдруг показалось ему надутым и глупым, распухшим — как бы вместе со всеми обманчивыми планами, которые она строила насчет него.

Полчаса назад она сказала, что хочет родить от него. Сказала, просто чтобы сказать. Но долго смотрела на него со странным выражением, которое появлялось у нее, когда она входила в роль, надев на руку марионетку принцессы Мелисендры. Они лежали голые. Он торопливо оделся.

«Никогда больше не произноси подобной ерунды».

«Я пошутила...»

«У меня уже есть дети, и я не собираюсь плодить еще».

«Может, лет через десять...»

«Неизвестно, что через десять лет со мной станет, но точно, что никаких других детей у меня не будет».

«Зачем так сразу обижаться...»

«Я бросил своих детей... ты не знаешь, что это значит».

Кинул ей майку, чтобы она прикрыла свое тело, груди с печальными глазами, которые смотрели на него. Она сидела на кровати, немного сторбившись. Как Делия после родов, которая всегда будет стоять у него перед глазами.

Мати улыбнулась, надела майку.

«Спасибо... и правда холодно».

Казалось, она не чувствовала себя оскорбленной. Продолжала гладить ему спину. Она вообще никогда не обижалась, даже когда обижалась. Тут же шла на попятную, не питала большого уважения к себе. Принадлежала к тем людям, с которыми почти невозможно поссориться. Они никогда не входят в столкновение с неуравновешенной энергией других людей,

отстраняются на мгновение раньше или же с улыбкой позволяют себя испепелить. Она напоминала ему его мать, Серену.

Тогда в магазине он ушел, оставив ее одну, с флаконом шампуня, этикетку которого она читала.

«Мы не поужинаем сегодня вместе?»

«Нет».

«Позвоню завтра».

Он не отвечал на ее эсэмэски. Хотелось побыть одному. Он никогда еще не оставался наедине с собой. Ему надо было закрутиться и снова подняться в одиночку.

Однажды вечером он видел «фиат-пунто» орехового цвета, припаркованный среди других машин на бульваре Сомали. Он прошел мимо, не посмотрев. Он знал, что она сидит внутри, в глубине, среди «икеевских» сумок с костюмами несостоявшейся актрисы. Ему стало жаль ее. Он знал, что она поступала так, когда он был еще женат: «Для меня главное — знать, что ты недалеко. Спать рядом».

— Ты сама меня к этому подтолкнула...

Делия смеется в полный голос.

— Так значит, я во всем виновата? Гениально!

Смеется, обнажая зубы с обложки журнала. И Гаэ хочется врезать ей кулаком по этим зубам, разбить рот. Настоящее предательство было как раз с ее стороны.

— Мне так нравились твои зубы.

— Замолчи...

— Зачем ты сделала эти херовы зубы?

Стоматологический кабинет на бульваре Реджина Маргерита. Стоматолог — друг отца, старательный и пожилой. Делия паркует машину и заходит. Одна мысль вертится у нее в голове: вдруг ее оштрафуют! И пока ждет и листает старый журнал «Dove», и пока входит и стоматолог встречает ее улыбкой. Штрафы — большие и несправедливые, приводят ее в отчаяние. Открывает рот, впускает его руки. Стоматолог выходил в море на паруснике с отцом, они вместе учились в Неапольском университете. Копаясь у нее во рту, он рассказывает ей анекдоты того времени. Делия кивает одними глазами. Он вкладывает ей в рот слюноотсос. Она чувствует запах дыхания стоматолога и вспоминает дыхание отца. Тот семейный грот.

Она приняла решение в один вечер. Внезапно ее небольшой дефект надоел ей. Они пошли в кино, и она смотрела на безупречную улыбку

Джулии Робертс с идеально ровным рядом зубов.

Я тоже хочу так смеяться, сказала она себе. Она никогда не смеялась с открытым ртом. Разработала свой способ смеха: или не отрывая верхней губы от десны, или прикрывая рот ладонью. Гаэтано нравилось, когда она так смеялась. Застенчивая дверца. Рот, никогда не открывающийся до конца.

Ей неприятно ощущать языком острые углы своих зубов.

Этот ее недостаток вдруг кажется ей неприемлемым. Она проводит языком по зубам, смотрит на них снизу в зеркальце румян.

Она рожала два раза. Тело снова ссохлось, только стало теперь сильнее и как-то глубже после прохождения детей между костями и влажными тканями. Она смотрит на свое отражение в витринах, вытаращив глаза. Молодость уходит, но ничто определенное еще не настало. Она вошла в новую стадию, взяла на себя ответственность за любовь. Она хотела бы быть такой, какой представляется своим беспорядочно питающимся пациентам. Уверенным в себе человеком, который в состоянии убедить других правильно относиться к самим себе. А она расстраивается из-за каких-то зубов.

«Знаешь, что я сделаю? Переделаю зубы».

Они сидели на кухне, собирались есть шоколадные хлопья. Было воскресенье.

«Зачем?»

«Они у меня болят, реагируют на горячее и холодное... Все равно надо будет заняться ими рано или поздно».

Гаэ кивнул. Ему казалось глупым проводить огромное количество часов у стоматолога из-за такого мизерного недостатка. Он открывал рот врагу в самых крайних случаях.

«Отдадим кучу денег».

Она вернулась с предварительным реально скромным счетом и начала свои недельные сеансы.

Располагаешься в кресле у стоматолога и спустя некоторое время забываешься под светом бестеновой лампы. Возможно, из-за искусственно созданного тепла, как в инкубаторе. Руки прямо сами тянутся обнять этого человека с седыми волосами, который лечит ей зубы, зализывая раны подросткового возраста.

Она могла обратиться к врачу, применяющему более современные

методы лечения, к стоматологу ее поколения, многие из которые учились в Америке. Но она пошла к этому пожилому дантисту. С твердыми руками опытного ремесленника, в старой маске, похожей на маску кузнеца.

Он говорит, что ему жаль обтачивать ее нормальные зубы до культей, но это единственный способ, чтобы установить коронки. Он не надевает на нее свинцовый фартук, когда ей делают рентген.

Потом она почувствовала себя безмерно счастливой: с одинаковыми зубами язык свободно и легко двигался. Она взялась за это, чтобы легким и свободным стало и все остальное. Они пошли поужинать в мексиканский ресторан. Она смеялась, как Джулия Робертс, широко улыбаясь незнакомцам.

Гаэ устроил ей небольшую сцену позже, по дороге домой. Делия стучала узкими стаканчиками из-под текилы по стойке бара, поцеловала какого-то металлиста в знак благодарности. И одета она была странно: поверх короткого платица из люрекса пиджак, как у дрессировщицы в цирке.

«Когда ты это купила?»

«Тебе нравится?»

«Ну... Странное какое-то платье».

«Восьмидесятые годы опять вошли в моду».

«Восьмидесятые? Отвратительное время».

Они вернулись домой, она, шатаясь в сапогах на каблуках, сняла их и бросила. На ней были черные колготки — видон еще тот. Ревность с неистовой силой ударила ему в голову.

«Сука...»

Он схватил ее сзади за волосы, они оба упали на пол. Детей дома не было, бабушка, слава богу, увела их к себе. Всю ночь они могли кричать, как свиньи, валяться и заниматься чем угодно на полу и где придется.

«Ты будешь мне изменять? Сука...»

«Кто знает...»

Он засунул язык в ее рот, почувствовал гладкие зубы из белого фарфора. «Все кончено».

Следующее утро было чудесным: полный штиль и блестящие, как море, улицы. Этот величественный секс воссоединил их. Они прогулялись, пошли забрать детей, чувствуя себя молодыми людьми. Они и стали такими. Совсем не спали. В воскресных джинсах и майках. Позавтракали в баре, только они вдвоем, как в старые добрые времена.

И даже позже, когда забрали детей и раскачивали их на качелях, стояли

словно приклеенные друг к другу.

Во второй половине дня Делию рвало.

Они и не думали ни о каком другом ребенке, и с двумя-то трудно управиться. Однако... Всегда потрясающе переживать чувство трепета из-за чего-то подобного. Он провел рукой по ее животу.

«Опять двадцать пять! Черт, какой кошмар».

«Что будем делать?»

«Не думай об этом. Потом подумаем».

Им бы прийти в отчаяние, но состояние оплодотворения дарило знакомую просветляющую дрожь. Свить гнездо в собственной женщине. И пусть мир катится в пропасть!

У Делии появилось лицо будущей матери. Которое возникало у нее мгновенно: неуверенное, просветленное.

Сюрприз, очевидно, взял свое начало несколькими неделями раньше. Стандартная постельная встреча, под привычным непрерывным «огнем» со стороны детей. Хриплое дыхание Нико, ночные хождения Космо, возникающего внезапно, точно призрак. Заниматься сексом во вторник — словно компостировать билет супружеского путешествия.

Среди ночи Делия поднялась, села на постели.

«Я сделала много рентгеновских снимков...»

Неожиданно включила свет.

«Какие еще снимки?»

«У стоматолога».

«Да при чем здесь это, зубы же находятся наверху... давай спать».

Однако на деле все оказалось скверно. Она долго разговаривала со стоматологом по телефону.

«Почему ты не сказала мне, что беременна?»

«Я не знала...»

Они принялись отсчитывать дни назад, пытаясь сообразить. Она теперь смотрела на свои зубы в зеркало замороженным взглядом, как застывший на месте кролик.

Они сразу приняли решение — какой смысл ждать? Риск был огромен: порок сердца, тяжкие повреждения. Несчастный случай снимал с них вину за такое решение. Мог служить оправданием. Старый стоматолог развел руками: «Что я могу тебе сказать?»

Делия поблагодарила его. Но, возвращаясь на мопеде домой, обезумевшая от разных мыслей, она испытала невыразимую ненависть к

этому противному старику, которому трудно было даже надеть латексные перчатки. Она думала об отце, о том дне в баре в Амальфи. О теле, распростертом на земле, среди чаек. Он вышел только для того, чтобы сдохнуть.

С лица исчезло выражение материнства. Она снова стала бдительной, погруженной в дела. Следила за Гаэтано, чтобы понять, что он чувствовал — грустил или просто сбросил с себя груз.

Он же казался невозмутимым. Шутил с детьми, поддерживал моральный дух. Делия помнит тот мерзкий день, когда все замалчивали то, что случилось.

Так все и прошло. Гладко, как в лаборатории. Как на экране компьютера перетащить файл в корзину. К вечеру уже дома сидела с ногами на диване, в том же положении, что и накануне. Был октябрь.

Старик за соседним столиком напоминает стоматолога: точно такие же белые редяющие волосы. Делия наблюдает за ним с тех пор, как пришла сюда, и сейчас понимает почему: ее глаза все время наталкиваются на его прямую и неуверенную спину. Только тень... тень мысли, которая внедряется, зарождается в ней, присоединяясь ко всему остальному.

— Плати и пойдём.

Она смотрит по сторонам этим вечером начинающегося лета, вечером, который сейчас кажется ей самым худшим, застывшим на пороге наступления жары. Бутерброды, салаты, развлечения в городском парке. Будут шататься по душной квартире в одних трусах, прольют фруктовый сок на диван.

Гаэ тоже думает о детях. Сейчас даже больше, чем раньше. Думает, что они целыми днями одни, вынуждены расти без него в этих бетонных блоках. Представляет Космо, который сидит на камне и водит палкой по гальке. Он хотел бы подойти к нему, присесть рядом. Понюхать и откусить от него кусочек, как от бутерброда. «Ты не должен взрослеть так, как я, — без уважения к себе самому».

Надо было эффективней тратить время. А не впустую, как он. Надо было ложиться в постель всем вместе и лежать так, не двигаясь. Ему следует рассказать об этом каждой семье, которая проходит через парк. Такой же несчастной и хрупкой, как его бывшая семья. По воскресеньям они так иногда и делали. Лежали в кровати все вместе под одним одеялом. Может, это и был рай. Остановившееся время.

— Ты отдалился от меня.

— Мне казалось, тебе ничего не надо... по крайней мере от меня.

Может, она где-то внутри себя уже знала, что забеременела, каким-то образом ощущала это. Вот и пошла лечить свои зубы, как проклятая.

Психика, как закрытое море, совершает свои внутренние движения. Предлагает каждый раз новые способы избавления от трудностей.

Она пошла на аборт в велюровом стеганом пиджаке, том самом, в котором вечером ходила выбрасывать мусор.

— Ты не хотела больше детей...

— Знаю.

Если бы они обнялись тогда и поплакали вместе, хотя бы немножко. Гаэ, обними меня, побудем вместе. Посидим чуть-чуть в темноте, устроим маленькие похороны, переживем наше горе, о котором никто никогда не узнает и которое ни хрена не значит.

— А потом ты стал уезжать...

Сначала в Милан, затем в Дюссельдорф, где снимался детектив про какого-то комиссара с некоторыми отклонениями. Это из-за четырех серий после одиннадцати вечера наш брак и развалился?

— Мы созванивались...

— Ты разговаривал как-то неохотно...

Он приходил вечером, чувствуя себя пустым трамвайным вагоном, какие возят туда-сюда пачки безымянного человечества. Даже детей прогонял: «Идите в постель, ложитесь спать!»

Забурялся в пивную. Запах жаренного на филе мяса, кислой капусты. Наедался до отвала, складывая вдвое щеки, засовывал в кошелек, чтобы их потом оплатили. Часами висел в скайпе с Матильдой. Она снимала лифчик, показывала ему груди. Не возвращался домой даже на выходные. Однажды из-за этого хренова исландского вулкана — черное небо, отмененные рейсы.

Он оставил ее одну в состоянии полного оцепенения.

«Вот так и поступают мужчины, когда мы страдаем, — сказала ей подруга Альберта. — Идут на улицу выгулять собачку, потом топают в спортзал».

Подруга с сугубо предвзятым мнением.

«Может, сами знают, что от них никакой пользы».

Они посмеялись, сидя перед конвейерной лентой, везущей японские блюда.

Делия смотрит на него, и на миг ей захотелось прижать свой лоб ко лбу Гаэ. Соединиться мыслями, как они когда-то делали.

— Мы это никогда не обсуждали.

— Мы уже были по уши в дерьме.

— Эта история у меня прямо почву из-под ног вышибла.

— Ничего бы не изменилось. Мы все равно бы развелись... И если бы была еще девочка с пороком сердца или без руки...

— А вдруг, наоборот, она принесла бы нам удачу?

— Удача с неба не падает. Удача выбирает. И мы не числимся в ее списке, Делия.

— Никто нам не помог...

Они остановились на самом краю. Следят друг за другом, как два человека у пропасти. Боясь свалиться туда.

Откуда взяла начало трещина, которая разделила их землю надвое? Можно поискать вокруг себя. Но ярко выраженной точки нет. Они смотрят друг на друга, улыбаются.

— Может, просто устали...

— Мы запутались.

— Когда поняли, что не тянем?

Но тем не менее продолжали довольно долго тащиться вперед, не оглядываясь, делая вид, будто ничего не происходит.

— Может, уже тогда, в садике у Нико...

Гаэ вспоминает. Он без труда восстанавливает в памяти события того утра. Курсы по спасению жизни. Лежала кукла... надо было накрыть ее лицо марлей, перед тем как прижаться к ней губами.

— Я вдвухал воздух слишком сильно... не так-то легко уловить правильный ритм.

— Я поняла, что у меня никогда не получится спасти кого-нибудь... Ни у одного из нас не получится.

— Совершенно точно, это нелегко: тридцать нажатий на сердце, потом два выдоха в рот... Чуть запрокинуть голову, чтобы язык не западал. У кого такое получится?

— В Японии у многих получается... Пятьдесят процентов населения способно провести искусственное дыхание...

— То в Японии. А мы слишком эмоциональны.

Он оживляется, разводит руками, занимает все пространство своим телом.

— Ты думаешь, если я увижу, что кто-то валяется на земле, то начну проделывать с ним все это? Как максимум, приподниму его голову и буду

молиться...

Это она настояла, она вписала их фамилии на листке для желающих пройти курс по оказанию первой медицинской помощи.

«Мы должны научиться этому ради детей...»

Ему сложно было вытянуть себя из постели.

«Суббота ведь, неохота...»

Они оказались в дурацкой ситуации. Сидят там вместе с другими родителями — на Гаэтано мятый шарф, синие круги под глазами, он здесь один из немногих отцов. Почти все женщины.

«Женщины, они более осмотрительные...»

«Более нервные».

Сначала теория: с показом изображений через проектор в темной аудитории. Потом практика, со светом, направленным на двух больших кукол-тренажеров. Одна имитирует новорожденного, другая — уже слегка подросткового ребенка.

Делия внимательно слушала то, что говорил доктор, теперь она пробует. Они все встали там, обступили куклу, положенную на стол. Всего лишь кусок розовой резины, но производит сильное впечатление.

«Во-первых, необходимо вынести ребенка из зоны опасности, могут произойти еще обрушения...» — говорит врач-доброволец.

Надо подойти и проделать всю последовательность. Сначала позвать: «Эй, ребенок», потом ущипнуть его сзади за шею, чтобы посмотреть, есть ли реакция. Потом положить его на ровную поверхность, голову чуть запрокинуть по отношению к туловищу, чтобы язык не запал и не перекрыл дыхательные пути. Потом наклониться, щекой почти касаясь его рта, а глазом контролируя грудную клетку, есть ли дыхание.

«И будем надеяться, на хрен, что оно есть».

Иначе придется продолжать способом «рот в рот».

Выпускница медицинского факультета, которая безвозмездно проводит занятия первой помощи по школам, миловидная девушка с шапкой коротких черных волос и чудаковатым лицом — нельзя понять, добрая она или злая. Как будто сошла с экрана из фильма Тима Бертона, какая-нибудь черная Белоснежка. Гаэтано смотрит на нее и думает, что никогда не дал бы ей эту роль на телевидении.

Девушка передает кусок марли Делии, что необходимо для защиты от микробов, потому что кто знает, сколько людей прикасалось ртом к этим самым куклам.

Делия наклоняется, открывает рот. Ей надо раскрыть его пошире,

чтобы охватить губы псевдомладенца.

Испытывает порыв стыда от того, что так широко раскрывает рот, что прижимается к этой кукле перед другими.

Ей кажется, в этом есть что-то непристойное или, по крайней мере, грустное.

Нажимает пять раз, как сказала доктор, медленно. Проверяет, чтобы грудь имитатора надулась. Отпускает резиновый нос, потом снова начинает вдвухать воздух.

Выполняет все очень хорошо, даже проводит сердечный массаж. Надавливает энергично, не сгибая руки в локтях.

Затем подходит очередь одного из немногих присутствующих здесь отцов. Мужчина в костюме с галстуком, вымокший под дождем. Он опоздал, извинился: пришел из офиса. Делия вдохнула запах промокшей ткани. Мужчина подал руку жене, которая была беременная, и Делия почувствовала острую боль внутри живота. Больше она не могла уже следить за уроком. Следила за этой парой. Он был таким внимательным. Пристально смотрел на доктора, несколько раз перебил ее — очень вежливо, задав вполне осмысленные вопросы. Когда подошла его очередь, он приблизился к кукле, сосредоточенный, словно речь шла действительно о живом ребенке.

Мужчина нигде не ошибся, проговорил все этапы вслух, используя соответствующие медицинские термины. Наклонился и, зажав резиновые ноздри, вдвухал воздух в нужном темпе.

Гаэтано мучился уже довольно продолжительное время. Он забывал, что надо делать, стеснялся объяснять свои действия вслух, был невнимателен, как в школе.

У него были очень сильные руки — недаром он подтягивался дома на перекладине. Он был одним из немногих среди присутствующих, кто мог бы сделать сердечный массаж, и рассчитывал на это. Выпускница медицинского факультета сделала ему замечание:

«Вы забыли положить голову в правильное положение. Так воздух не будет поступать».

«Точно, ну ладно...»

Кое-как приподнял голову имитатора. Прижал губы к резине спокойно, без проблем, слишком сильно вдвухал. Посмеивался:

«Так я ему все легкие выдую...»

Они ушли, зашли в бар рядом с парком, где воняло псиной. Устали — ведь провели там все утро. Проделали искусственное дыхание сперва

новорожденному, потом и почти взрослому ребенку.

«Было интересно».

«Было кошмарно».

Он прямо впился в круассан, продолжая говорить с набитым ртом.

«Вся эта последовательность действий... ни хрена не помню, что за чем...»

«Кто-нибудь из нас двоих должен уметь спасти жизнь ребенку...»

«Я не смогу никого спасти. Лучше «скорую» вызвать... А еще лучше, чтобы он сам вызвал...»

Папаша в галстуке тоже вошел в бар и теперь улыбался, положив руку на плечо жены. Они выглядели как обычная пара: она не накрашена, волосы собраны в хвост, в резиновых сапогах с разноцветными грибами, он в дождевике. Делия посмотрела на них, особо не задерживая взгляда, не разглядывая их.

Гаэ говорил ей:

«У тебя прекрасно получилось».

Делия вскинула глаза, чтобы тут же снова опустить их, уставившись на металлическую стойку с пролитым кофе.

«Нет, у меня руки слабые».

Гаэтано оставил недопитой полчашки капучино. Пока закуривал сигарету, выйдя на улицу, слишком громко сказал:

«Тебе что, понравился тот промокший хрен?»

«Мне он показался серьезным человеком».

«Неуверенный в себе кретин... да еще с таким баритоном...»

«Заботливый отец... У него дети, и он вполне разумно хочет суметь в случае чего прийти им на помощь».

«Да он обосрется со страху...»

«А ты что сделаешь?»

«Тоже обосрусь... Но я хотя бы не строю из себя идиота. Ему хотелось переспать с докторшей, я тебе точно говорю. Он так пялился на нее, пока сосал этот хренов имитатор...»

«Ты кроме секса ни о чем другом не думаешь!»

«Это не я, весь мир думает об этом. А я всего лишь часть мира».

«Ты всегда принижаяешь людей, их усилия».

«Да какие усилия, Делия... Ты думаешь, он делал что-то серьезное?»

«Думаю, да. Делал все возможное, стараясь уважать людей... своих детей... жену».

«Да ты видела его жену-то?»

«Симпатичная женщина».

«Симпатичная? На грани самоубийства».

«Ну почему другие всегда хуже нас? Почему ты не можешь представить, что они, наоборот, много лучше нас, сильнее любят друг друга... с большим вниманием относятся в жизни к другим...»

«Я что, не такой внимательный?»

«Нет. Можно сказать, нет».

Он шел через небольшой сквер, настроенный враждебно, раздосадованный плохой погодой и собаками, впереди Делии. Они прошли еще немного, стараясь не наступить на собачье дерьмо. Он обернулся.

«Ты меня больше не любишь».

Она попыталась придумать какой-никакой ответ... посредственный, как и все остальное здесь. Подслащивая горе слипшимся сахаром. Он ткнул в нее пальцем. Лицо мрачное, без всякой надежды.

«Ты стала неискренней!»

Делия начинала краситься в машине перед тем, как отвезти Нико в садик. Останавливалась подальше, у бара, включала аварийку и накладывала румяна на бледные щеки.

В голове ее возник тот мужчина, муж другой. Более уродливой, менее ухоженной, чем она сама, но, похоже, намного более счастливой.

Он тоже возил сына в садик, на мопеде, в своем дождевике. Жена беременная, так что возил он, перед работой.

Делия шпионила за ним, не поднимая глаз. Он присел на колено рядом с ней, снимая со своего сына куртку.

Гаэтано в это время еще спал или, может, сидел на толчке, исполняя утренний ритуал. А может, стоял на балкончике в трусах и курил свой первый косячок в компании с голубями.

Делия смотрела на мужчину, который гладил сына по голове, прощался с ним. Гладил торопливым нежным движением. Она дышала их покоем. Он не поднимался с колена еще несколько секунд, сын повернулся попрощаться с ним, как маленький мужчина.

«Пока, папа».

Делия прыгала вокруг Нико, который в последнее время испортился, никак не хотел расставаться, плакал. Клала ему лакрицу в один карман, платок для соплей — в другой.

Эпизодически они встречались в баре. Он иногда останавливался выпить там кофе, и Делия тоже взяла это в привычку.

Она не общалась с другими матерями, которые организовывали

благотворительные лотереи и готовили костюмы для театрализованных представлений. Была от них в стороне.

Они разговорились. Он подошел к ней, опять в своем дождевике, держа шлем в руке. И теперь они называли друг друга по имени.

«Привет, Делия».

«Привет, Джанкарло».

Ей нравилось встречать его; может быть, она даже и ждала его. Она всегда находила себе место в одном и том же углу, у кассы (в это время в баре было не протолкнуться). Ей достаточно было поздороваться с ним кивком подбородка, взмахом руки. Если он не появлялся, ничего страшного. Но достаточно было увидеть его, как она тут же чувствовала себя лучше. Он поднимал настроение, внушал доверие. Стал ей в какой-то степени близок. Она вспоминала большую резиновую куклу, его спокойные перекрещенные ладони, изображающие выполнение сердечного массажа.

Она думала о собственном сердце. Временами оно давало о себе знать. Ей надо было встряхнуть рукой, сильно потрясти ею так, чтобы избавиться от боли, выбраться из тисков.

Гаэтано ни за что не смог бы спасти ей жизнь, он слишком рассеян, слишком занят решением своих проблем. Она любила его, но больше не верила ему. Устала раскачиваться на качелях удушливых чувств и жить в борьбе с ними.

Джанкарло приносил ей чувство покоя. Он не был красавцем: слегка плотного сложения и довольно заурядной внешности. Быть может, лысел (сбривал волосы машинкой), но его широкие плечи напоминали стену, на которую можно опереться. С красными венками в глазах и улыбкой, от которой у него смеялось все лицо до самого лба.

Случалось, они смеялись вместе. Он отпускал шуточки насчет курятника мамашек.

«Эти дамочки все время здесь ошиваются?»

Делия кивнула.

«Не работают?»

Делия помотала головой.

«Везет им».

«Интересно, кого они ждут?»

Делия засмеялась. Не исключено, что они ждали того, кого сейчас ждала и она, мужа другой женщины, любого мужчину, чтобы только улыбнуться. А может, пойти в этом дальше? Но у нее никогда не возникало мысли изменить Гаэтано, она не могла и представить себе близость с другим.

Однако ей приснился сон, что она лежит на большом желтом поле, с обнаженной грудью и Джанкарло в своем дождевике делает ей искусственное дыхание, как делал его кукле-тренажеру, в том же самом темпе, а потом нажимает руками на ее грудь, ища сердце, осторожно, чтобы не сломать ей ребра. И она чувствует удары, доносящиеся из глубины, удары, которые медленно возвращают ее к жизни, словно спящую принцессу.

Она принялась следить за этим мужчиной, за жизнью его семьи, которая протекала рядом с ее собственной. Видела его с женой во второй половине дня на детском спектакле в честь Рождества. Она сидела, положив руки на живот, а он стоял с маленькой видеокамерой, как и большинство отцов. Гаэтано не пошел, он уехал в Милан, сочинял свои шутки для шоу-программы, в которой люди ссорятся. Но в любом случае он никогда бы не снял на камеру своего сына в одежде трубочиста — он ненавидел всеобщее увлечение домашним видео. Она упрекнула его в этом:

«Наши дети вырастут без воспоминаний».

Он улыбнулся: «Уж лучше так».

Делия сняла несколько фотографий Нико на мобильный, когда тот сделал несколько неуверенных шагов к авансцене. Казалось, он в отчаянии. Она заметила это и крикнула ему: «Пицца! Хочу пиццу! Есть хочу!» — прямо так, посреди спектакля, и все повернулись и посмотрели на нее.

Она нацепила на себя круглый значок с надписью «Save the Children», надела очки с диоптриями, чтобы видеть получше. За минуту до того, как это случилось, она так себя прекрасно чувствовала, теперь же она ощущала себя несчастной матерью распустившего нюни ребенка, бесхарактерного, деспотичного, как и его отец.

Она поднялась со своего места («Разрешите пройти, разрешите»). Подошла к сцене, и какая-то воспитательница подала ей ребенка в костюме трубочиста, сшитом другой, «правильной» матерью. У него все тело чесалось, и она раздела его до майки и трусов.

Они пришли в бар. Она вложила Нико в руку кусок пиццы. Смотрела, как он ест, и думала, что рано или поздно они взорвутся. Она не в состоянии следить буквально за всем. И Гаэтано ошибся, взвалив на нее еще и свои проблемы, она вовсе не обладает такой силой.

Она вспоминала курсы первой помощи. Случись у ее сына приступ удушья от куска этой резиновой пиццы, она наблюдала бы за тем, как он задыхается. Увидела бы, как от нехватки кислорода он становится лиловым, потом синим. И пальцем бы не пошевелила. Изредка она

подумывала о том, чтобы не двигаться всю оставшуюся жизнь, перейдя от гиперактивности к тотальному ничегонеделанию.

У нее была неправильная семья, сын походил на отца, не соблюдал никаких правил. Она рассказывала Гаэ о той семье, просто не могла удержаться, чтобы не рассказать. Они не ссорились, жили мирно, у них был уравновешенный и добрый мальчик, который спокойно обменивался своими «Покемонами» с другими детьми, с Нико например, который, напротив, злился и никогда ничего никому не давал. У них была маленькая собачка, и на рынке возле садика его жена засовывала продукты в многоразовые тряпичные сумки. Они представлялись Делии скромными и бережливыми. По ним не скажешь, что они в чем-то себе отказывают. Словом, они казались ей счастливыми.

Гаэтано же поднимал ее на смех: «Ну так и иди жить к ним, если они тебе так нравятся! Но вот одного не пойму, как тебе могут нравиться такие люди? Такие люди всегда раздражали нас, слишком правильные и осмотрительные. Люди, которые лишнего куска не сожрут, лишь бы не срать. Наши дети и жрут и срут, но чем они хуже? Они наши дети, похожи на нас. И где написано, что их дети вырастут счастливее наших? Нигде».

Но для Делии было-таки написано. Их мальчик, такой маленький, брал обе свои перчаточки и засовывал в карман куртки. Ее же дети вечно все теряли и забывали. Однажды Космо вернулся домой без шарфа. Шел так всю дорогу, даже и не заметил. Эту парочку объединяла рассеянность, они могли одновременно идти по земле и парить в облаках — такие одинокие и далекие от всего!

Так они и будут жить дальше, теряя по пути части, как неисправная машина, которая рано или поздно развалится окончательно, оставив ездоков на своих двоих.

Она следила за Джанкарло и Клаудией, куда менее симпатичной, чем она сама. Беременная женщина из тех, которые не набирают вес и напоминают собою помятую грушу. Она спрашивала себя, а есть ли в их жизни страсть? Или, как бывает, дружба трансформировалась, превратившись в сталь. Или, может быть, они живут вместе лишь потому, что пепел не сгорает? Страсть превращается в лагуны, в глубины, которые надо наполнить до краев. Эти двое, может быть, никогда и не любили так, как любили они с Гаэ, но жили в согласии, уважительно относились друг к другу.

Именно уважения ей как раз и не хватало. Прав был Гаэтано, когда набрасывался на нее: «Это ты изменилась!»

Сейчас ей хотелось бы иметь другую семью, другого мужчину рядом с

собой. Более выдержанного, более внимательного. Рюкзачок ее сына падал с крючка, она поднимала его и вешала аккуратнее. Рюкзачок сына Джанкарло не падал никогда. Маленький мальчик уже знал, как сделать, чтобы тот держался.

А ее дети и были слабые руки их несчастного случая.

Потом как-то раз на рынке она все-таки увидела, как они ссорятся. Из-за сущей ерунды: Клаудия попросила его открыть сумку, чтобы она положила туда капусту, а у Джанкарло не получалось, потому что другой рукой он держал шлем. Делия спряталась за женщину, которая тоже покупала овощи, чтобы услышать, что они говорят.

И, глядя на яблоки, на артишоки, поняла, как она безобразно ведет себя. Завидует счастью других. Горький смех зародился в глубине ее души. Скорей всего, и этих тоже ждет такой же дерьмовый финал. Она знала, что все начинается с этого, со ссоры из-за капусты, которая не помещается в сумку.

Капуста упала, и Делия подняла ее. Джанкарло улыбнулся, «спасибо». Беременная разъяренная жена обернулась, чтобы увидеть печальную улыбку.

Кто знает, вдруг бы у нее и вправду хватило совести разрушить их семью или хотя бы подтолкнуть их к этому...

Его жена родила в марте. Теперь приходила за ребенком в садик с маленькой Евамарией в сумке-кенгуру.

Несколько дней спустя Делия встретила Джанкарло в баре. Его шлем лежал на стойке, кофе он выпил и ждал следующего. С виду казался слегка уставшим, как будто выбегал из дома, опаздывая и потому не приняв душ. Легкая небритость грязнила лицо. Он обратился к ней: «Неплохо выглядишь».

Делия была не накрашена, посмотрелась в полоску зеркала бара между бутылками ликера. Действительно, неплохо — светлое, отдохнувшее личико.

«Я развелась с мужем».

Джанкарло покивал.

«Да, печально».

Но Делия не выглядела грустной, наоборот — был последний день школы.

«Чему быть, того не миновать».

Она проговорила это спокойно. У нее был такой отдохнувший вид, потому что она хорошо выспалась, впервые за долгое время. И рюкзачок

Нико не упал с вешалки этим утром. Она была полна надежд. Одной ей легче будет воспитывать детей. Шторм, в который она попала с ним, закончился. Вещи лежали на пляже, и теперь она могла видеть их.

Джанкарло оценил ее спокойствие. Он смотрел на нее глазами, полными тоски, которыми она сама смотрела на него все эти месяцы.

Малышка плохо спала, и он смертельно устал — поэтому и нуждался во всех этих чашках кофе.

Он устал на нее с открытым ртом, не вынув ложечку из чашки. Ему чего-то не хватало. Но всем нам чего-то не хватает.

Если бы Делия задержалась еще ненадолго, он бы в конце концов залез на нее, на ее белое лицо.

Они сели бы в ее маленькую малолитражку, в которой она накладывала румяна каждое утро, чтобы не быть такой белой. Они бы целовались, искали бы теплые тела под почти летней одеждой, влажной от пота.

Если бы только она поймала этот взгляд на несколько месяцев раньше, когда она мокла под дождем, отчаянно желая любого мужчину, лишь бы не Гаэтано.

Но сегодня уже поздно, у нее нет желания вмешиваться в чью-либо жизнь, собранную из дыр и заплаток. Она обнимает его, перед тем как уйти, вдыхает этот запах неважно какого мужчины, вышедшего из неважно какого дома.

«Спасибо, Джанкарло».

Он не понимает, за что она благодарит его, хочет удержать ее в объятиях, но она отстраняется. С той же болезненной жесткостью, с которой отстранялась от отца, желая никогда не выпускать его из своих рук.

Думает о перекрещенных руках на резиновой кукле, имитирующих реанимацию сердца.

Думает о своем сердце.

На улице висит рекламный плакат. Она миллион раз проходила мимо него, мимо зеленого номера, размытого дождем. Основательно приклеенная африканская женщина, поблекшая под итальянским дождем. Она читает надпись, которая мелькала перед ее глазами каждый день: «СПАСЕМ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ».

Покупает букет боярышника у цветочника в магазине лекарственных растений. Подает пять евро немецкому бомжу с собакой и со сломанной ногой (водитель поспешил на светофоре).

— Как тебе говорил режиссер? Что говорят, когда сценарий не удастся,

нет концовки?

— Говорят «не то посеяли...».

— И что вы делаете?

— Перечеркиваем все и начинаем заново.

— Какова земля, таков и хлеб...

— Хорошо бы, да.

Сегодня вечером, глядя на нее, он понял больше, чем когда-либо. На минуту ему захотелось снова прижать ее к себе, посмотреть, какие чувства он испытывает, что исчезло?

Делия сейчас тоже перестала притворяться, смотрит на него — и ей это нетрудно.

— Я хотела бы еще раз влюбиться, Гаэтано... Ты не представляешь, как бы я хотела влюбиться. Испытать все заново. С другим человеком...

— Теперь ты сделаешь выбор получше.

— Я поняла, в чем тогда ошиблась.

— Ты ошиблась, выбрав меня.

— Нет, если вернуться назад...

— Только не повторяй эту херню. Ты ушла бы сразу.

— Нет, я бы почти все переделала...

— Ты говоришь это только из-за детей.

— Нет, я говорю это из-за себя.

— А что бы ты не стала переделывать?

Делия поводит плечами, в сотый раз убирая волосы за ухо.

— Зубы... ты бы не переделала зубы?

— Сейчас я могу хотя бы смеяться.

И он смотрит, как она смеется... Смотрит на ровные зубы, за которыми спрятаны ее настоящие зубы... ее поцелуи...

— Скажи это.

— Что?

— Скажи, что больше не любишь меня. Скажи это сейчас, когда у нас мир... Тогда у меня опустится.

Она улыбается ему своими зубами, которые съели их рай.

— Я тебя больше не люблю, Гаэтано.

Он кивает и смеется вместе с ней. Потом взгляд останавливается и в его глазах читается все то, что у детей.

— Скажи тоже.

— Я не могу этого сказать.

— Скажи.

— Я тебя больше не люблю, Делия.

— Вот видишь... мы оба можем это сказать.

Гаэтано встряхивает головой, поправляя прическу. Делия смотрит на его крепкое запястье, испещренное венами. Кто знает, сколько им осталось еще жить так, вдалеке друг от друга. Они тоже когда-нибудь станут такими, как старики за соседним столиком. Когда дети вырастут. Сколько им еще ждать? Увидятся на торжественном вручении диплома. С согбенными спинами, они будут внимать голосу сына, научившегося говорить лучше них, вместо них. Обнимутся слегка взволнованно. К тому дню они забудут наконец запах любви и ненависти. Навсегда забудут о телах друг друга. У каждого будет новая любовь, новая ненависть. Они пройдут бок о бок, не испытывая злости, как плоть, очищенная от любовной трагедии. Без напряжения, без трения, без болезненного столкновения.

Старик с соседнего столика поднялся. Подошел, встал перед ними. Улыбается. У него голубые, маленькие и запавшие глаза.

— Извините... Я думаю, официантка немного напутала... Она, по-видимому, перепутала наши счета. Мы сидели за этим столиком перед вашим приходом, потом пересели. Моя жена предпочитает столики у стены. Мы заказали бутылку шампанского, выпили ее, и мне не хотелось бы, чтобы вы за нее платили...

Гаэтано даже не смотрел на счет, теперь он раскрывает сложенный листок, глядит на него и кивает, цифра действительно чуть высоковата.

— Вот, это ваш, спасибо...

Старик возвращается к своему столику. Помогает жене покрыть плечи, хватая бутылку шампанского.

— Здесь осталось по три капли...

Подходит снова, разливает остатки шампанского им по бокалам.

— За здоровье... за ваше здоровье!

Теперь они стоят рядом. Делия смотрит на все еще красивую, несмотря на возраст, женщину. Глаза подведены натуральной сурьмой, шелковая цветная шаль накинута на плечи. В ней есть что-то экзотическое, пиратское. Женщина, которая объездила весь мир и привезла домой опыт и старинную косметику.

— За жизнь.

— Вы отмечаете что-то?

Старик кивает, шепчет в ответ:

— Да, мое воскрешение...

Жена мотает головой, рассеянно смотрит в ночь на что-то сверкающее

вдалеке.

— Вы часто приходите сюда?

— Впервые. Но еда вкусная...

— Не скажу, не очень...

Смеется, поглаживая руку.

Старик — мужчина болтливый. Начинает говорить и не останавливается. Он на пенсии, работал всю жизнь в американской транснациональной корпорации, спрашивает Гаэтано, где работает он.

— Должно быть, это здорово — выдумывать истории!

— Если быть честным, я ничего не выдумываю. Ворую...

— Надо обладать талантом, чтобы знать, что и где украсть...

— Мне это легко.

— Может, мы тоже окажемся в каком-нибудь из ваших сценариев?!

— Кто знает...

Жена смеется, отшучивается. Говорит, мол, они слишком старые, чтобы заинтересовать молодого сценариста... Гаэтано повторяет: «Кто знает».

Сейчас старик смотрит на него с несколько просящим выражением лица, он тоже хотел стать артистом. Говорит:

— Как почти все в Италии.

Смеется: у него, мол, был неплохой баритон... Потом прибавляет, что дал твердое обещание... Смотрит на жену.

— Я влюбился... поднимал семью...

Говорит, что ни разу не пожалел об этом. До сих пор поет дома, под диск.

— В мое время реализация собственного «я» считалась несбыточной мечтой...

Гаэтано думает: «Как же достал этот назойливый старик!»

Но взгляд Делии, когда она очаровывается людьми, — невидящий, словно у лунатика. Женщина, чуть кокетничая, кутается в шаль.

— У тебя было все, тебе не в чем упрекнуть меня.

— А разве я когда-нибудь упрекал тебя?

Они шутят, своими ужимками напоминая двух подростков. Кажется, еще немного — и они поссорятся. Но вот у старика появляется грудной голос одинокого человека:

— Мы прожили чудесные годы. Я ни разу не пожалел.

И опять клочки прошлой жизни. Трудности первых лет, квартира в аренду — каморка на уровне тротуара в старом Риме. Вонь от кошек и Тибра. Жена вставляет, что гоняла огромных, с ребенка величиной, крыс. А

потом пара замечательных поездок. Париж, впервые в жизни. Потом дети, дочки. Одна — с тяжелой сердечной патологией. Сложности, поглотившие годы, счастье и деньги. Поглотившие его сердце.

Старик смеется, поправляет на ней шаль. Мужчина, умеющий совершать женские жесты.

Гаэтано тоже обратил внимание на его жест... Заметил то, что промелькнуло в глазах Делии. Единственное его желание: уйти отсюда. Он протягивает руку:

— До свидания.

Но Делия увлеклась. Вглядывается в глаза, обмазанные сурьмой.

— А дочь... как она?

— В Америке, замужем. Двое детей.

— Замужем за женщиной.

Жена слегка толкает мужа.

— Мог бы и промолчать.

— А что плохого, если они любят друг друга? Та девушка — настоящая святая. У нашей дочери невыносимый характер... знаете, такой синдром, когда тебе все должны.

— Она столько выстрадала...

Старик фыркает, поднимает загорелую руку.

— Да, понятно... Но множество людей страдают и не играют на нервах так, как она...

Неожиданно он меняет тему, говорит, что у него рак и уже образовывались метастазы в разных местах; что, похоже, все время один и тот же узел бродит по кругу, как террорист, закладывающий бомбы. Он оперировался бесчисленное количество раз, и всегда ему удавалось выжить.

— Сейчас моя жена накричит на меня, что, мол, выношу на всеобщее обозрение свою личную жизнь... Такая уж привычка, не могу держать язык за зубами...

— Им неинтересно слушать про тебя...

— Зато мне интересно послушать их. Кажется, я вас видел, но не могу вспомнить где... Вы где-то здесь рядом живете? Может, возле парка или у книжного...

— Может быть... да...

Делия тоже припоминает, что где-то видела этого мужчину... Вполне возможно, что они сталкивались на улице.

— Мне весь желудок продырявили... Я — ходячий феномен, больничный талисман... Как только вхожу в отделение, мои доктора-онкологи мне аплодируют... И в понедельник я должен туда вернуться,

здесь, внизу, у меня огромная, с артишок, опухоль...

Дотрагивается до своего живота под ремнем, улыбается. Гаэтано смотрит на него.

— Но вы же шницель недавно съели...

— Не хочу отказывать себе в удовольствии, пока могу. Наслаждаюсь.

Делия смотрит на него. Осмысливает то, что произошло сегодня вечером, вспоминает о том, что было и не было сказано. Потеря надежды и страстная любовь к жизни. Другие люди заплатили и уходят... Другие люди, которые сейчас исчезнут. Она хотела бы обнять этого старика, прижаться к нему на несколько секунд.

Жена помогает ему надеть куртку.

— Кто знает. Ну ничего, я еще жив, сегодня вечером жив, съел шницель, разговариваю с вами... Обожаю поболтать... Говорил бы и говорил...

Они собираются уходить, жена закуривает сигарету на тротуаре.

— Встретимся как-нибудь...

Делия кивает. Она не сказала, что они с Гаэтано разведены. Она не рассказывает о своей личной жизни первому встречному. Старик замешкался подавать руку.

— Не окажете мне маленькую услугу? Я об этом не каждого прошу, но к вам я проникся доверием. Я думал об этом весь вечер... Думал: я обязательно должен попросить эту пару, пусть даже встану им поперек горла.

Теперь он кажется бесконечно далеким, словно его душа внезапно взлетела и парит в вышине, рядом с зонтиками этого ресторанчика.

— Помолитесь за меня.

Гаэтано кивает, потом говорит откровенно:

— Я не умею молиться.

— Нужно только закрыть глаза и сосредоточиться на хорошем.

— Для меня это понятие звучит несколько абстрактно... Чтобы молиться, надо представлять того, кто внимает твоей молитве...

— А вы не представляете своего адресата?

Старик кажется разочарованным и растерянным.

— Весь вечер я думал: вот эти двое сумеют что-то сделать для меня...

— Как вы могли подумать такую глупость?

— Не знаю. Какое-то ощущение. Уверенное, глубокое чувство...

Глазами старик ищет глаза Делии.

— А вы сможете за меня помолиться?

— Конечно, разумеется.

Он взял ее руку обеими руками, пожал ее. Потряс.
— Никто не выживет в одиночку.

Делия и Гаэтано смотрят им вслед, пока они подходят к «фиату-панда», припаркованному прямо у входа... Сейчас видно, что старик и вправду неуверенно держится на ногах. За руль садится жена, закрывает дверцу мужа, потом разворачивается.

— Почему ты не сказал им, что мы неверующие?

— Мне не хотелось разочаровывать его — в таком положении... Да и вообще, во что-то же я верю...

Делия спрашивает у него, во что он верит. Гаэтано, потупив глаза, с руками в карманах, отвечает:

— Ну...

— Цепочка людей... если мы будем держаться вместе, будет иметь смысл... Ты, я плюс эти двое...

Эти слова запали ему в душу. Они идут, проходят мимо мусорных баков и пакетов, брошенных здесь же. «Никто не выживет в одиночку».

Гаэтано хотелось бы вернуться назад, чтобы еще что-нибудь спросить у старика, но он не оборачивается, продолжая рыться в своих мыслях.

— Если бы хоть кто-то помог нам.

— Кто, например?

Гаэтано сейчас думает о мудром учителе. Этот образ нравится ему больше всех других. Это тот, кого он безнадежно ищет в своих сценариях. Второстепенный персонаж, заставляющий героя переступить порог, побуждающий его принять правду о самом себе. Похоже, он не сумел прочесть жизнь между строк.

Он вспоминает старика — как можно выглядеть таким спокойным при том, что рак отнимает все его силы?

Честно говоря, не было заметно, что он слаб, его розовая кожа казалась вполне здоровой... На мгновение Гаэтано разуверился.

— Может, он солгал.

— Зачем же это ему?

— Чтобы произвести на нас впечатление... или он выжил из ума.

— Мне так не показалось. Ты не можешь смириться с тем, что кто-то подходит к концу своей жизни с такой благодарностью, с такой покорностью...

Гаэтано остановился купить сигареты в автомате. И вдруг видит, что Делия оседает на землю у железной ставни витрины. Он подходит, пытается поднять ее. Но легче опуститься к ней.

— Боже, что на тебя нашло?

Делия, соединив ладони, стоит на коленях.

— Что ты делаешь?

— Молюсь за старика.

— На хрен он тебе сдался?

— Помолись и ты.

— Да я совершенно не способен на такое.

Вертится около нее, бросает взгляды по сторонам, чтобы проверить, нет ли свидетелей.

— Кажется, мы с тобой выжили из ума.

— Кто-нибудь услышит нас.

— Никто нас не услышит, Делия. Никто нас никогда и не слышал...

Гаэтано становится рядом с ней на асфальт. Ощущает себя настоящим идиотом, да и коленям больно.

— Надо же было найти двух таких неудачников, как мы, не мог выбрать кого-нибудь другого?

— Сконцентрируйся.

— На чем?

— На том человеке. Он выбрал нас. Он видел, когда я кинула в тебя мороженым... Он все видел...

— Ну и что?

— Он хотел помочь нам. Сказать что-то, чтобы мы перестали вести себя как дураки, может, только это.

Почему они не встретили его раньше? Они пригласили бы его к себе, поставили бы ему стул в комнате, посадили бы как дедушку. Может, он обладает способностью спасти их всех?

Может, он совершил бы чудо, наколдовал, чтобы они любили друг друга и никогда не разлучались.

Гаэтано не молится, он совершенно не умеет этого делать, не может сосредоточиться на чем-то, чего нет в мире. Он полагается на нее, на невероятное лицо, каким оно стало у нее.

— Ну что, уходим?

Они принадлежат к поколению фальшивок, ремейков. Все уже испробовано, остается только пройти по тому же пути, но без накала, без подлинного нерва. Давние обиды, раскрашенные лица эмов. А что

придуманно нового? Суши на вынос, Хеллоуин, фейсбук. Среди всех их знакомых не найти ни одного, кто не горел бы желанием организовать какое-либо торжество. Жажда вечного праздника на развалинах мира. Эгоизм, как одинокая сумка через плечо. И все-таки это их мир, и они должны пройти все вместе со своими детьми. Настраивая антенны для приема позитивных сигналов.

Они проходят мимо сгоревшего мопеда и даже не смотрят на него. Привыкли к жестокости.

Кто знает, может, им захочется оглянуться однажды, посмотреть назад, в прошлое их жизни?

Они еще очень молоды. Парень с девушкой, сказали бы, увидев их в стеклах припаркованной машины:

«Никто не выживет в одиночку».

Им кажется, они слышат гулкое эхо тех слов. Как приговор или оправдание.

Сейчас они идут рядом, как две собаки, которые убежали, а теперь возвращаются. Разит родной и ненавистной землей. Они чуть было не собрались взяться за руки, но это всего лишь рефлекс, оставшийся от прошлого, ошибка. Они устали, легко отключиться, забыть, в какой точке жизни они находятся. Сейчас или год назад.

— Я бы хотел зайти... повидать детей.

Ей надо бы отказать, но она открывает дверь подъезда. Они поднимаются на лифте, скользят за тросами, молча, глядя на деревянную обшивку кабины и в зеркало, в которое смотрелись много раз. Гаэтано бросает беглый взгляд на свое отражение, на порозовевшее от вина лицо с вытаращенными глазами.

Кто я такой? Кто ты? — спрашивает он у этого мужчины. Тело под одеждой на минуту оказывается принадлежащим не ему, но скользящей тени, которую он тысячу раз видел там. Смотрит на спину Делии, часть плеча. Ее глаза прикованы к двери.

Дети спят посередине большой кровати. Соединились, как вещи, переплетенные на дне моря. Гаэтано подходит, вытягивает руку, проводит по одеялу.

— Хорошо.

Запах квартиры не вызвал у него отвращения. Каждый раз, приходя сюда, он испытывал тошноту. Стойкий душок мертвых мышей, подохших

от яда, запрятанного в сыр.

Свекровь сидит перед телевизором. Она заснула и сейчас, отходя ото сна, здоровается, машет пультом. Он засмеялся:

— Да выключи и меня тоже.

Окидывает быстрым взглядом комнату. Замечает, что стало больше порядка, что не хватает его рабочего места — гостиная увеличилась с тех пор, как его выставили вон. Делия держится сзади, следит за ним, как та медсестра из фильма следила за сумасшедшим. В страхе, что он обернется.

— В следующее воскресенье я хотел бы оставить их у себя переночевать... Это же будет мое воскресенье, так?

— Да, твое воскресенье.

Горбится, внезапно пугается. Кладет руку ей на голову, чтобы поцеловать в щеку. Делия чувствует его странно спокойную руку.

Гаэ не вызывает лифт, спускается пешком, по лестнице.

Делия подходит к холодильнику, открывает его, вытаскивает остатки картофельной запеканки. Ест, стоя у окна.

— Ты не ужинала?

— Нет, мам, есть хочу.

Гаэтанно переходит дорогу. Не оглядывается, не смотрит вверх. Не уверен, что увидит ее тень за занавеской на кухне. Не хочет проигрывать.

Может, возле дома он увидит «пунто» Матильды орехового цвета. Постучит ей в окошко. Увидит ее физиономию, по которой хочется врезать.

«Хватит, выходи. Прекращай это».

